ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

8. 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Министерство Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов Муса Магомедович

Редколлегия:
Л. Абдулаев
М. Бексултанов
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
М. Музаев
С. Мусаев
Р. Талхигова
А. Шайхиев

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail:vaynah_az1@bk.ru
http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».
Отпечатано в ГУП«ИПК «Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать 13.08.12
В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.
Тираж – 2500 экз.
Цена договорная
Заказ № ___

СОДЕРЖАНИЕ:

ПАМЯТЬ
Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ. *Мусульманские реликвии в Грозном*..... 2
Хазимат ДЕРБИШЕВА. *Первому Президенту Чеченской Республики*. Стихи.....6

ПОЭЗИЯ
Муса ШАМСАДОВ. *Ас муха хьаста хьо, Нохчийчоь?* Стихаш.....13
Руслан УМАЕВ. *Запоздавший гость*. Стихи.....16
Леча ЯСАЕВ. *Спаси меня, Всевышний, от гордыни*. Стихи.....29
Малика ХАМИДОВА. *Нана*. Стихаш.....51
.

ПРОЗА
Асламбек ДАУДОВ. *Декъаза Юнус*. Дийцар.....8
Муса АХМАДОВ. *Море оказалось жестоким*. Рассказ. Перевод с чеч. Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ.....20
Сайд-Хасан КАЦАЕВ. Миниатюры.....30
Бана МАГОМАДОВА. *Трудности любви*. Рассказ. Перевод с чеч. Субар ИНАРКАЕВОЙ.....53

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ
Виктория КАНТАРИЯ. *Спасибо, жизнь*….....36
Лаврентий Сон. *Внутреннее сопротивление* Рассказ.....38

ДЕБЮТ
Ислам САЙДАЕВ. *Я не Хайям…* Стихи.....56

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ
«Ищите камень…» Иса ОКАРОВ беседует с Сайд-Магомедом ХАСИЕВЫМ.....58

ИСТОРИЯ
Вахит АКАЕВ, Хамид ХУСАИНОВ. *Становление и развитие общественной мысли чеченцев*.....63
Сулиман МУСАЕВ. *Оздемир Цацан-Юртовский и его потомки*.....78

ЧЕЧЕНСКИЙ ЯЗЫК
Абдулла АРСАНУКАЕВ. *Актуальные проблемы формирования чеченско-русского двуязычия в контексте этнопедагогических взглядов П.К. Услара*.....73

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
Саламбек АЛИЕВ. *Фабулаты и мемораты Тауза Исса. Дорогу молодым – на Пушкина, 6*.....89

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ
Лидия МАХМУДОВА. *Гулдина йозанаш. Безмолвное эхо*.....94

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ
Таиса ИСРАИЛОВА. *Молодой талант*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Память

Мусульманские реликвии в Грозном

Середина июля текущего года ознаменовалась важным событием в духовной жизни Чеченской Республики: в Грозный самолетом были доставлены 16 реликвий, связанных с жизнью пророка Мухаммада (с.а.с.). Вместе с ними прибыли 45 гостей из Объединенных Арабских Эмиратов, включая представителей семьи, которая уже около 1400 лет хранит названные выше святыни.

Появление вещей, связанных с жизнью Посланника Всевышнего Мухаммада (с.а.с.), вызвало настоящий ажиотаж не только в Чеченской Республике: в Грозный, к мечети «Сердце Чечни», устремились многочисленные гости из Дагестана, Ингушетии, Ставропольского края, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Волгоградской и Саратовской областей. Из Республики Азербайджан прибыла представительная делегация во главе с Шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде. Только из Дагестана в первый же день, когда был открыт доступ к реликвиям, приехало около 10 тыс. человек. За одни сутки (13 июля) дорогие для мусульман экспонаты смогли увидеть 150 тыс. человек.

Таким образом, за четыре дня, по самым скромным подсчетам, поклониться святыням ислама пришло не менее полумиллиона человек.

Сами гости смогли посетить ряд мест Чеченской Республики, в том числе Гудермесскую школу хафизов. Встретился с ними и Глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров.

Уезжая, они оставили в Чеченской Республике четыре волоса, принадлежавшие пророку Мухаммаду (с.а.с.). Один из них был передан на вечное хранение лично Р.А. Кадырову, другой – семье Кадыровых, еще два, переданные в дар народу Чеченской Республики, будут хранить А. Делимханов и М. Даудов.

В обращении депутата Государственной Думы РФ А.С. Делимханова, опубликованном буквально накануне знаменательного события, подчеркивалось, что прибытие на территорию Чеченской Республики особо почитаемых реликвий мусульманского мира, безусловно, является свидетельством уважения памяти ученого-богослова, первого Президента Чеченской Республики Ахмат-хаджи Кадырова и признания заслуг Главы Чеченской Республики Р.А. Кадырова

перед уммой пророка Мухаммада (с.а.с.). Это также является свидетельством всевозрастающего авторитета Российской Федерации в мусульманском мире.

Многочисленные комментарии в средствах массовой информации касались разных сторон названного выше события. В частности, политические обозреватели подчеркивали, что прибытие святынь ислама в Чеченскую Республику является логическим продолжением политики, начатой еще Ахмат-хаджи Кадыровым, который сумел вырвать из рук религиозных экстремистов их главное идеологическое оружие – монополию на трактовку канонов ислама.

Действительно, появление в Чеченской Республике исламских реликвий еще раз со всей очевидностью показало, на чьей стороне сегодня исламский мир, в том числе хранители главных святых мест ислама в Мекке и Медине.

Думается, все же, что этим значение названного события не исчерпывается. Пожалуй, не ошибусь, если назову еще, как минимум, две цели, которые ставило перед собой руководство Чеченской Республики, организуя доставку святынь ислама в Грозный. Первая – дальнейшая консолидация всех слоев чеченского общества на основе духовных ценностей. Одновременно это еще один шаг, направленный на преодоление отчужденности между властью и населением Чеченской Республики.

Вторая – создание духовного барьера на пути распространения западного образа жизни или, говоря другими словами, вестернизации чеченского общества. Последнее нельзя путать с достижениями западной цивилизации, не только техническими, но и культурными. Опять-таки не путать с так называемой массовой культурой.

Распространение западной массовой культуры, особенно активно

наблюдаемое со второй половины XX века, показало все отрицательные стороны этого процесса. Там, где западная массовая культура вытесняет этнические и традиционные для данного этноса религиозные ценности, происходит деградация духовной жизни при одновременной утрате значительной части национальной идентичности. К сожалению, вестернизация посредством массовой культуры предполагает коллективное бегство от традиций и заимствование преимущественно худших образцов культуры-донора.

Основы политики, проводимой сегодня руководством Чеченской

Республики в сфере духовной жизни, действительно были заложены Ахмат-хаджи Кадыровым. Интересно, что как личность и как политик он гармонично сочетал в себе чеченскую национальную культуру, чеченскую ментальность с исламской духовностью. Для немалого числа наших современников конфликт между этими двумя составляющими стал причиной душевных метаний.

Получив традиционное для чеченской семьи воспитание, Ахмат-хаджи Кадыров имел также хорошее исламское образование, и его восприятие ислама происходило через чеченское национальное самосознание, через чеченскую ментальность. Гармоничное сочетание чеченской народной культуры и исламской духовности во многом обеспечивалось и до сих пор обеспечивается в чеченском обществе традиционным для Чечни суфийским исламом, базирующимся на идее успешного синтеза чеченской национальной и исламской традиций.

И только на первый взгляд кажется парадоксом, что Ахмат-хаджи Кадыров – духовное лицо и горячий патриот Чечни – очень быстро вступил в открытое противостояние с чеченскими сепаратистами и религиозными экстремистами. Но если вдуматься, другого пути у него просто не было. Идеологию так называемого «ваххабизма» в ее экстремистском варианте Ахмат-хаджи Кадыров не мог воспринять в силу того, что эта идеология как раз и направлена на выхолащивание национального элемента из сложившегося в Чечне традиционного ислама. С другой стороны, он не мог оставаться в рядах движения сепаратистов, поскольку их действия наносили прямой вред Чеченской Республике и чеченскому народу.

Очень быстро Ахмат-хаджи Кадыров пришел и к пониманию сути нового политического курса, способного с одинаковой эффективностью противостоять как идеологии сепаратизма, так и идеологии религиозного экстремизма. В основе его лежит опора на традиционные для чеченского общества духовные ценности, в концентрированной форме выраженные в варианте суфийского учения, традиционного для Чечни. Традиционный для Чечни ислам позволяет решить сразу две эти задачи – отвергнуть крайние формы национализма и одновременно создавать идеологическую основу для консолидации чеченской нации. Этот вывод подтверждается тем, что политический курс Ахмат-хаджи Кадырова довольно быстро привлек на свою сторону различные слои чеченского общества и политические группы самого широкого спектра – от бывшей антидудаевской оппозиции до видных полевых командиров первой чеченской войны.

Попутно появлялась и идеологическая база для нормализации отношений с федеральным центром, что тоже немаловажно для Чеченской Республики.

В новейшей истории чеченского народа не было деятеля, способного сравниться с ним по части выработки перспективного политического

курса и умению эффективно проводить его в жизнь. Во всяком случае, он единственный чеченский государственный деятель с начала 1990-х годов, чья политическая деятельность реально вела к прекращению «чеченского кризиса» и консолидации чеченского общества при всех зигзагах и трудностях на этом пути.

К тому же Ахмат-хаджи Кадыров был первым, кому удалось прорвать международную изоляцию Чеченской Республики. Он первым совершил успешный визит в Саудовскую Аравию и заложил основы тесных связей с

ведущими арабскими странами Ближнего Востока. Это было важно тогда, но это не менее важно сегодня. Причем не только для Чеченской Республики, но и для Российской Федерации. «Арабская весна» последних лет серьезно подорвала позиции России в арабском мире, а сирийский кризис, чьей бы победой он ни завершился, приведет к еще большему ослаблению российского влияния в регионе. Это, кстати, серьезно обесценит значимость России и в глазах политического руководства Израиля. Для него важность отношений с Москвой во многом объяснялась российским влиянием в арабо-мусульманском мире.

В любом случае, мы наблюдаем рост влияния в арабском мире монархий Персидского залива во главе с Саудовской Аравией. У России с этой группой стран почти традиционно были «прохладные» отношения, и теперь благодаря политике, заложенной еще Ахмат-хаджи Кадыровым, появилась связующая нить между Эр-Риядом и Грозным. Это важно для Чеченской Республики и одновременно создает определенные перспективы для российской ближневосточной политики.

Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ

Память

Хазимат Дербишева

Первому Президенту Чеченской Республики

Торжественный, святой Победы день,
День ликованья, праздник всей планеты.
Не человек нашелся средь людей –
Кто в день такой способен сделать это!
Смертельный выстрел в спину всей Чечне –
Чудовищно, уму непостижимо!
Как будто солнца луч погас у нас в окне –
В путь Вечности ушел наш президент любимый!
Казалось, рухнул мир, остановилось время –
Та рана страшная вовек не заживет.
В священный день Победный, чтимый всеми,
Осиротел чеченский наш народ.
Жизнь и судьба Ахмат-хаджи навеки
Вошли в историю Чечни, историю страны.
И память о Великом человеке
С Великою Победой сплетены.
Историки не раз уж подтверждали,
Что есть в Победе наш весомый вклад:
Как женщины и дети собирали
На фронт посылки для советских всех солдат
И как мужчины наши воевали,
От гор Кавказских дорогих вдали –
Они, быть может, многих русских слов не знали,
Но мир со всеми вместе сберегли.
Кто выжил в скорбном сталинском изгнанье,
Кто на полях сражений воевал –
История народа – в сердце с нами.
Ахмат-хаджи в последний раз сказал,
Что выше нет бесценных категорий,
Чем мужество, достоинство и честь.
И в этот миг Чечню настигло горе,
Мир облетела горестная весть.
В истории народа многоликой
Победы праздник стал и скорби днем.
Ахмат-хаджи стал нашей памятью великой –
И в будущее с его именем идем.

Чечня

Моя Чечня, краса Кавказа!
У дивных терских берегов
Хранишь преданья вековые,
Горда делами ты сынов!
Родные горы, песни старцев...
Ведут отары за собой
Лучи полуденного солнца.
Живет большою здесь семьей
Национальностей соцветье;
И все между собой дружны,
Ведь не одно уже столетие
Здесь наши судьбы сплетены.
Здесь воздух чист, хрустальны воды
Бегущих в камнях родников.
И здесь, под мудрый зов природы,
В почете гость и дорог кров.
Здесь горы птицам дарят волю,
Сады в цвету, трава в полях...
Здесь для стихов моих раздолье!
Благословенная Чечня,
Желаю счастья не себе,
А своему родному краю!
Все, что есть лучшее в судьбе,
Народу своему желаю;

Во славу земляков тружусь,
Стихами путь я осветила;
А если невзначай споткнусь,
Чечня мне вновь подарит силы.

Унося нашу общую боль

В реве льва слышна грозная сила,
В беге Терека – вечная дрожь.
Я тигрицей в горах проходила.
Сон ли, явь ли – не сразу поймешь.
Звуки, запахи, радость прохлады
И тепла животворный поток –
Человеку ведь многое надо,
Чтобы счастья изведать глоток.
Снится всякое: радость, тревога,
Наяву застит свет суета…
Из реальности в сны перехода
Нить схватить я хотела всегда.
Мой народ! Ты один мне – отрада,
Мысли все – о твоей лишь судьбе.
Мне, как всем, в жизни многое надо,
А стихи – посвящаю тебе!
Без надежды на счастье теряют
Звуки, запахи, радости соль…
Сны растают, к морям убегая,
Унося нашу общую боль.

Тебя я не забуду...

Не мы друг друга выбираем –
Всевышний дарит нам друзей.
По жизни не одни шагаем,
Живем свой век среди людей.
А верный друг шагает рядом,
Плечом к плечу с тобой всегда.
Участливым поддержит взглядом –
И рассыпается беда!
Но если друга потеряешь –
Живут в душе печаль и боль,
И лишь на помощь призываешь
Аллаха милость и любовь...
Скорбит душа в тоске сердечной.
Героя принял райский сад...
Тебя я буду помнить, вечно,
Тебя я не забуду, брат!

Слова отца

Один лишь раз нам суждено
родиться,
С рождения до смерти путь один.
И каждым его шагом
я могу гордиться,
И, смерти не боясь, прошел
свой путь мой сын.
Он никогда не говорил
о смерти,
А жизнь свою народу отдавал.
С вайнахами он был душой и
сердцем,
Ради людей над злом
победу одержал.
Я помню, в юности моей далекой
От стариков пришлось мне услыхать,
Что говорить нельзя о мертвых
плохо,
Но хуже – если нечего сказать.
Но если люди самого Аллаха просят
Для сына двери рая отворить –
Нет для меня на свете счастья
больше,
Чем, глаз не пряча, с гордостью
о сыне говорить.

Проза

Даудов Асламбек

Декъаза Юнус

Дийцар

Юнус госхозан кассир балха вахана цхьа бутт хан а яцара. Бутт чекхболуш коьртачу бухгалтера ша волчу чу а кхайкхина, Юнус кхетийра госхозехь белхалошна алапаш даларан кепах. Цул совнаха, шайн белхалошна алапаш х1иттош лелочу шалхачу ведомостех а.

Ведомосташ схьа а эцна, царна леррина т1ехьажча, кхийтира Юнус х1инццалц, ша кассир балха х1оттаваллалц, муха х1иттош хилла белхалошна алапаш. Цхьана ведомоста т1е хьаьжча гора х1ора белхалочунна цхьатерра аьлча санна х1иттийна алапаш. Вукха т1ехь кхерачул а шозза сов дара х1оранна а х1оттийна белхан алапа. Иза муха ду аьлла, хаьттира цунах цец а, шек а ваьллачу Юнуса. Ткъа шек д1а а воцуш шен г1ентахь вог1авелла 1ен 1аббаз, цхьа жимма а эхь а ца хеташ, шен багахь мел йолу дашон церг гуча а йоккхуш, велакъежира. Амма Юнус ца кхетара цуьнан забарх. Юха а хаьттира Юнуса, ша кхетавехьа царах аьлла. «Ца кхета х1ун ду кхузахь: хила дезачул совнаха белхалошна т1еяздина ахчанаш оцу цхьана ведомостехь долу вай хир ду-кха, юкъахь. Х1инца кхетий хьо?» – аьлла, доцца хадийра 1аббаза, х1ара шена дог1ург хаа лууш ву-кха аьлла, хеттачу т1ера. Амма Юнусна иза дагахь а дацара. Цунна кхин дара дагахь: кхара дуу нехан къа, хьацар. «Дера ца кхета-кха, хьаькам. Вайна мичара даьлла и ахча, белхалошна т1е а яздина, эзарнашкахь схьаэца?» – къамеле велира Юнус. «Хьо вохе ма хьовзахьа, сан ваша, иза-м белхалоша къахьегна ахча даций, эцца ца бина болх бина аьлла, нарядаш а х1иттийна, белхалошна т1е а яздина, схьаоьцуш ахча ма ду иза», – аьлла д1адерзийра 1аббаза. Ахьа схьадийцарехь пачхьалкхан шортта ду-кха и ахча мел схьаийдарх духдолучу шовданал башха кхачалур а доцуш. Х1ета дан а ма ду хьуна аьлла, т1еч1аг1дира 1аббаза. «Делахь дера деза вай массарна а яздан, вай стенна кхоадо иза букъ та11ийна къахьоьгуш бохкучу белхалошна?! Массеран ахча, таронаш хилча дика дац иза. Цхьа а, суна схьахетарехь, нехан х1уманна т1е а кхевдар вацар, нах бертахь, хаза мерза а 1ийр бара».

– Э! Иштта дац иза, къонаха.

– Ткъа муха ду иза, со кхетавехьа цунах, – аьлла, юха а т1евирзира Юнус шен хьаькимана.

Цхьанна д1ахазахь а аьлла, вахана шалха не1арш йолу шен йоккхачу кабинета чоьхьара не1арш т1еч1ег1ира 1аббаза, арахьарачу не1арана задвижка меттах а яьккхина, чоьхьашха дог1а а кхоьтуьйтуш, ткъа Юнуса шен къамел д1адора, къийла а ца луш. «Шортта нехан ахча хилча, цхьамма а болх бийр ма бац, массарна а болх а ца беш, къа а ца хьоьгуш дезар ма ду дуьненан рицкъа, ткъа болх ца бича, вайна ма-хаьара, я эца х1ума а, я йохка х1ума а хир ма яц ахчанах. Пачхьалкхехь ц1ена мацалла х1уттур ю, – цуьнга дерриге а шен дагахь дерг къамелана юкъа ца лелхаш дуьйцуьйтуш 1ара Юнус, ла а дуьйг1уш. – Цундела, Юнус, хьо шек д1а а ма вала, таро йоцучара белхаш бийр бу шайна а, вайна а хьалхара, ткъа вайсанначара, шайн таронаш хиларе терра, болх а ца беш дуур ду-кха х1ара малх кхетта хаза дуьне. Мискачеран шайн садалахьара. Дукха жимчохь дуьйна везна вац со миска стаг. Цхьана хенахь сол миска стаг вацара кху вайн юьртахь. Эцца бухгалтеран техникум а яьккхина, харц-бакъ х1окху коьртачу бухгалтеран дарже кхача г1ерташ аса мел хьегна къа тоьар

ду, аса ца лелош х1ума дитина а дац, со вайн хьаькаман гайта г1ерташ. Миска стаг я шена а вац, я нахана а вац. Цунах, 1аьвдича а, дала х1ума а дац, цхьа боьха хьацар доцург. Цул, аса хьайга бохург де ахь, и декъаза ойланаш коьртера д1а а яхе, г1оли хир ду хьуна». Ша дечу къамелах воккхавина а ца волура 1аббаз. Ша бийриш ондий хьехамаш бу моьттура цунна. Амма Юнус к1еззиг вешара кхо дечу къамелах. Кхо класс бен шен образовани яцахь а, дерригенах а, кхара лелочух духе кхиа г1ертара иза. 1аббазан ткъа дагахь а дацара х1ара вуххьа ваьлла – шена хьийзар ву аьлла. Шен къамел дика чекх а даьккхина, ша араволуш Юнуса доцца д1ахаийтира ша кхо бохург дийр ца хилар. Х1ара кехаташ даламукъалахь вайн районерачу прокуроре д1акхочур ду-кха хьуна, аьлла, 1аббазана даг т1е кхерам а тосуш, ведомосташ а буйнахь аравелира Юнус. Арахь лаьтта шен мотоцикл хьала а латийна, цецваьлла, кхеравелла шена т1аьхьа хьоьжжучохъ 1аббаз а витина, районе вахара иза. Юнус шен б1аьргашна хьалхара д1авайча, 1аббаз кхин т1е а кхеравелла, ша х1ун дер ца хууш ведда директор волчу чу иккхира, даккхий синош а дохуш, шеца Юнуса ялийна кеп д1айийца. Амма Лом-1ела кхо ша дерриг ма-дарра охьадиллича а шек д1а а вацара. И тайпа г1уллакхаш дуьххьара ца 1иттаделлера Лом-1елех шех а. Лом-1ела оцу г1уллакхаш т1ехь йоккха стаж йолуш вара. Х1ара х1инца 4-г1а бахам бара кхо хийцина. Юкъах а ца вохуш 1аббазе дика ла а доьг1на, вистхилира Лом-1ела: «Хьо ма воьхна хьийза, доттаг1а, кхин хилла х1умма а дуй вайна?» – аьлла, хаьттира Лом-1елас, кхо дуьйцучух ваша а ца вешаш. «Кхин х1ун хила дезара?!» – аьлла, цецвелира1аббаз. «Дацахь, уьш-м даккхийчарех дацара, хьо воьхна хьийзал, – бехк баькккхира Лом-1елас. – Ахь самагатде, сан ваша, аса х1инца прокуроре телефон а тоьхна, иза хьо волчу кхачахь, цуьнгара кехаташ схьа а дахий, та11ийна чуволла, аьлла хаам бийр бу хьуна х1окху сохьта». Схьаоьций телефон а тухий, шена дукхахенахь дуьйна вевзачу прокуроре и г1уллакх цхьалха даккхар т1е дуьллу Лом-1елас. Юха телефонан трубка шен метта охьаюьллу: «Прокурорана вай жижиг, кхин оьшург стенна латтайо моьтту хьуна, х1ара тайпа г1уллакх цуьнга д1а а ца дерзаделча?» – «Ткъа г1уллакх дийр ду аьлла хетий хьуна цо?» – цатешарца юха а хотту 1аббаза. «Дукха ч1ог1а хетта, – аьлла, доцца жоп делира Лом-1елас, – вайшиннан г1уллакх хилла ларахьа», – аьлла т1е а ч1аг1деш. Баркаллаш баха х1оьттира шен хьаькимана 1аббаз. Кхо баркалла мел эли, т1етт1а шен г1ентахь туолуш, куро хиъна 1ара Лом-1ела. Х1ара яккхий з1енаш йолуш стаг ву, кхуьнца болх бан мегар ду, олий, ч1ог1а реза хуьлий ара волу Лом-1ела волчуьра 1аббаз. Лом-1елас ма-аллара, районерачу прокурора, кехаташ схьа а даьхна, та11ийна чуволлийтинера Юнус, 15 де-буьйса хан а тоьхна. Шена тоьхна хан чохь а яькккхина, т1ера х1ума хьакхаелла, бехъелла араваьлла ц1авеанчу Юнусна шозлаг1чу дийнахь балха вахча ша балхара д1аваькккхина карийра. Кхин цхьанна а кепара дан х1ума а ца хуьлий Москох арз дан велира Юнус. Бакъо ахча долчуьнгахь, куьйгалхочуьнгахь юй шена гушшехь, вухавала даго ца вуьтуш, къар ца вала г1ерташ воллура Юнус, шена т1ехь х1уъ-х1уъа а лело ша бежана доцийла хаийта г1ерташ. Шена т1ехь и болх а байтина, х1ара 1адда1ийча нах а буьйлур бара кхунах, ша кхин стаг ца хилча, нах санна 1адда1ийнехьара тоьллера кхунна, бохуш. Цхьаболчу нехан хьекъалца дуьстича, иза дан а дара иштта. Иза а хаьара Юнусна шел шера. Цул совнаха, зуда а яцара кхунна башха реза. Ша реза цахилар Тумишас шен ц1ийндега сихха д1ахаийтира. Тумишас бохура шен х1усамдега: «Ва стаг, хьо и аьрзнаш а дитина 1адда1ахьара, цхьа хан яьлча юха а хьо балха д1а эца мегара директора. Хьуна махаара, вайн чохь г1уллакх тиша дуйла, т1о санна чохь доьзал а бу вашийнна, вайшинех нах буьйлу х1ума а ца доккхуш ахьа иза балхара д1аваккхийтича а, нагахь санна, хьуна цхьаммо а баркалла а эр дацара, 1адда1ахьара хьо. Нах х1инца иштта

ма бу, ша ша 1адда а 1аш, шайна хьалхара цхьана кхечо революци яккха, т1ом бан лууш. Наха лелорг лелийчхьанна даьллера-кха вайшиъ а». – «Дера, дан-м иштта ма дара иза, – шена хетарг ала вуьйлира Юнус. –Делахь а, зуда, цхьамма меттах а ваьлла д1адоло ма деза иза». – «Дика ду делахь, ахьа д1адолийна иза, ткъа хьуна, ахьа бохучунна т1аьхьа х1оьттийний кху вайн йоккхачу юьртахь цхьа а вуй?» – «Ца х1оьттина», – аьлла шега динчу хаттарна дуьхьал доцца жоп делира Юнуса. «Т1аккха хаьий хьуна, айхьа лелориг дош доцийла?!» – аьлла, 1ен а ца елла, барамал т1ех ч1ог1а йистхилира х1усамнана шен ц1ийндега. Ткъа Юнус боккъалла а шех а, зудчух а кула даьлла, дехьачу а вахана, «софа» олучу йоккха шуъйрачу дивана т1е д1атаь1ира. Тумиша а шен г1уллакх дан х1оьттира. Зудчун, майрачун къовсам д1абирзира, шиннена цхьатерра собар кхачарна.

Арахь аьхке яра, стиглахь хаза, бурула можа, дешица къегина малх а кхетта. Олхазарш а шайн эшаршца ц1ар-ц1ар деш х1ора ц1енна т1ехула хьийзаш, юьртахь массеран а самукъа даккха г1ертара. Юнус а, д1атаь1на 1аччохь ц1ехьана наб озийна, хар дан вуьйлира.

Кхин кхо яздечуьра аьрзнаш саца а ца севцна и г1уллакх талла ваийтина РСФСР-н прокуратуран талламхо Александр Борисович Ганин кхечира дукха хан ялале Юнус вехачу юьрта, Макажа. Иза веана хаавелла Юнус цунах кхета хьаьжира шозлаг1чу 1уьйранна. Юнусна иза директоран кабинета чохь карийра. Талламхочо кхуьнан къамеле дика ла а доьг1на, ша эшахь хьо юха т1екхойкхур ву аьлла, аравалийтира Юнус. Александр Борисович, Юнус д1а а хьажийна, ша вара кабинета чохь. Иза лерина д1асахьежа велира ша 1аччохь. Кабинет-м министран санна яра. Цу чохь йолчу езчу мебелх, кузех цецваьлла а ца волура Москохара хьаша. Амма вайн хьешана кхин дагахь х1ума дацара, мел цецваьлла ша хьийзарх, шена Лом-1елера южур йолчу х1уманал совнаха. Цул т1аьхьа-м кхара шайн вовшен пехаш даахьара, аьлла хетара Александрана, т1алкъа а ваьлла дивана т1ехь 1ачу. Х1ара иштта 1ашшехь дукха хан ялале веана чоьхьавелира директор, шек д1а а воцуш, веанарг шен деваша волуш санна. Хьешана дуьхьал лерина охьахиъна цуьнца къамеле велира Лом-1ела.

Цо, къийла а ца луш, доцца д1ахаийтира, жерой, ахчий, мел оьшурггий хир дуйла хьешана. Ткъа хьаша, кхо дуьйцург шена х1умма а ца хетачуха, ладоьг1уш 1ара, Лом-1елас ахча мел хьахий даг т1ехь гилгалш а дуьйлуш. Лом-1елас шен къамел динчул т1аьхьа Александр Борисовича д1ахаийтира кхуьнга шен а Юнусан а хилла къамел. Цул т1аьхьа хи чу тоьхна г1аж санна д1адайра Лом-1елин майра аз. Шена юххехь лаьттачу сейфа чуьра таппийн ахчанах юьззина дипломат схьа а эцна, хьеше, боберо сана, г1ийла дехар дира Лом-1елас, шена г1одахьара аьлла. Кхо дуьйцучуьнга к1еззиг ладуг1ура Александра. Цуьнан ши б1аьрг дипломата т1ебоьг1на бара. Цу чохь ахча мел ду ца хууш холчохь вара иза. Эххара 1а а ца велла, шен къамелах юкъах а воккхуш, следователо хаьттира Лом-1еле, оцу дипломата чохь шай-кай мел ю, аьлла. «Цхьа 20-х б1е эзар доллар ду-кха», – аьлла, шеко йоцуш сихха жоп делира совхозан директора. «Дика ду делахь, г1уллакх дан хьожур ву со, – аьлла, бакъахьарчу новкъа хьовзийра шен къамел Москохарчу хьешо. – Са ма гатде, вохий ма хьийза, х1ара кехаташ аса хьоьга д1ало, д1алаца, хьайна луъург дер ахьа кхарах». Т1екхете схьаоьцу Лом-1елас, шега схьакховдорах а ца тешаш, кехаташ юккъехь долу папка. «Аса, Лом-1ела, х1окху сохьта яз а дина акт шун районерачу прокуроре д1алур ду, суо д1авоьдуш, аьрзнаш дина Юнус бакъ ца хиллера, цо дуъйцург цхьа а дош дац, аьлла. Цул т1аьхьа цо кхин хьуна арз яздарна а ца кхоьру-кха хьуна со. Реза вуй хьо?» – дог теда х1оьттира ахчане безам бахана хьаша. «Дукха ч1ог1а реза ву», – аьлла, вахана мара иккхира Лом-1ела. Шаьшинна барт хиллачул т1аьхьа Лом-1елас сихо йира хьешана

стол х1отто. Схьакхайккхийтина Хедина т1едиллира жерой гулбар. Хьаша а, совхозан коьрта куьйгалхой а, церан самукъадаккха схьагулбина жерой а т1ехь, берриш дууш-молуш, шайн сакъера бевлира. Шаьш лардан, керта совнаха стаг ца вуьтуш, арахь х1оттийна Лом-1елин к1ант а вара. Самукъадаьккхинчул т1аьхьа конторан белхалой а Лом-1елас хьалхе ц1абахийтира. Делкъал т1аьхьа кхозлаг1чу сохьтехь, дипломат буьззина шай-кай юххе а яьккхина, директора ша юххе а ваьлла новкъаваьккхира шен хьаша, Хедига шайна т1аьххьара уборка яр т1е а дуьллуш. Конторехь коьртачарех, хьаькимех аддам а ца дисира. Шен хьаькимо т1едиллина г1уллакх дина а яьлла, ц1ехьа яьлла Хедий, конторе шен аьрзнех х1ун хуьлуш ду хьажа вог1у Юнуссий дуьхь-дуьхьал кхийтира кела арахьа. Юнус хьалха вистхилира Хедига шен хаттарца: «Хеда, талламхо д1а-м ца вахана?» – аьлла. Ткъа Хеда там боцуш елаелла: «Хьоьга хьоьжуш 1ийр-м вацара иза? – аьлла, муьста жоп а луш, т1е дог а дат1ош: – Короче, опоздал ты, Бож-1ела», – аьлла. «Хьоьга х1ун дуьйцур ду уьш санна боьха х1ума ю-кха хьо а, х1ара дуьне даькккхина-кха аша, адамашна ког билла а, сада1а меттиг ца юьтуш. Нахана юккъера марзо, къинхетам д1абаькккхина аша. Иштта х1ара зама кхин д1а а йодахь, кхин адамаш хийца ца луш, дукха хан яц-кха вай оцу Ц1ечу книги т1е довла». Хеда юха а цаяшарца ела а йоьлуш, бага етта х1оьттира шен бала айбина хьийзачу Юнусе: «Дош я1! Боьха х1ума дера ю хьо, нах 1ен ца буьтуш, аьрзнаш деш волу. Аьрзнийн план кхочуш ян-м ца г1ерта хьо, я ван в веана М.С.Горбачевс мидал яларе дог доху ахьа? Хаалахь, Горбачевн бала бац хьуна хьоьца. Перестройка бохург-м иза цхьа хьо тайпачуьнга болх бе бохург дай, кхин х1умма а даций. Цул т1ех дерш, хаалахь, хабарш дуйла. Наха не1алт олу хьуна. Дера и хьан зуда а ма ю, юххе яхча багара боьха хьожа а оьхуш, хьо бахьанехь шен цергаш д1атохийта йиш йоцуш, бага а яхкийна лелаш. Доцца аьлча, тошнит меня от таких людей!» Ша эриг аьлла яьллачул т1аьхьа сихчу боларца кхуьнга кхин ла ца дуг1уш ц1ехьа д1айолаелира иза. Кхин дан х1ума а ца хилла, Юнус а, кхуьнга дийцинарг эрна ду-кха, аьлла, ша арабаькккхинчу новкъа конторехьа д1аволавелира. Вахана чоьхьаваьлча конторехь Юнусна коьртачу хьаькимех аддам а ца карийра. Дог доьхна хьаьвзира иза, ша х1ун дер ца хууш ойлаярах. Кхин дан х1ума а ца хилла, вахана шена юххехь лаьттачу дечкан дехачу г1ента т1е охьа лахвелира иза, цхьа жимма сада1а ша, аьлла. Чу вог1у-вог1ург кхунах шайн б1аьрг ма кхийтти юьстах волура, пе а тухий. Х1ара шайн дагахь цхьа сийдоцуш хетачух тера.

Иза ц1енна гора кхаьрга хьоьжуш хиъна 1ачу Юнусна. Юнусе иза ца лалора. Ша 1аччохь Юнуса цуьнан к1орггера ойла йора. Боккъалла а ша иштта сийдоцуш хета-техьа кхарна, аьлла, арахь дуьйна Хедас цец-акъ ваькккхинчу. Доцца аьлча, ойланаш тайп-тайпанара хьийзара Юнусан декъазчу коьртехь. Дукха хан ялале х1ара шен ойланаш еш 1ашшехь ц1еххьана, ша мичара вели ца хууш, веана гуча велира цкъа мацах кхо цхьа к1еззиг декхар даькккхина хилла волу Ахьмсолта. Ша 1аччохь цунах б1аьрг ма кхийтти воьхна хьаьвзира Юнус, х1ара ша лохуш ара ваьллий хууш. Цхьа к1ира хьалха а ван а веана х1ара ц1ахь а ца карийна д1авахана хиллера иза. Ткъа х1инца х1ара шена карийна Ахьмсолта воккхавина а ца волура. «Хьо вац иза, ва Юнус!» – аьлла, кхуьнга доккха салам а луш, ша арабаькккхина некъ бовзийтира Ахьмсолтас, шен декхар доцуш д1аваха йиш йоцийла доцца д1а а хоуьйтуш. Ша х1ун дер ца хууш т1етт1а хьовзавелла, воьхна хьийзара Юнус, вухаверза ца туьгуш, когаш т1ехь гарранехьа вега а веш. Кхаьршинна юьстах лаьтташ ладуьйг1учу наха бахана Юнусна т1е а х1иттина, к1оршаме юхь яха буьйлира кхуьнан. Цхьамма юккъех чу мохь а тоьхна элира: «Цуьнгахь мичахь ду эхь, цуьнгахь иза хила а ца хилча», – вукхо элира: «Нахана аьрзнаш деш лелаш волчу, оцу боьхачу х1уманна ма диталахь, и хьайн ахча», – кхозлаг1чо 1оттар йира цаяшарца:

«Аьрзнаш деш араваьлла лелаш дайина хир дай цо и хьан ахча, бехк боцуш ма хьийзавехьа иза», – аьлла. Кхин са тоха а ца дела, ша х1инцца схьа дахьа хьуна и хьан ахча аьлла, кертал ара д1ахьаьдира Юнус, к1елхьара валарх а ца тешаш. Ведда вог1у Юнус КамАЗан к1ела нисвелира. Адамийн маьххьарий девлира. Амма цхьанне а дан х1ума дацара Юнусан 1ожаллина. Декъазчу Юнусан валар хилира.

Тумишин кертахь доккха тезет делира. Тоделлачу т1е а тоделира Тумишаг1еран г1уллакх, доьзал да воцуш бисира байлахь, дукха жимчохь. Тумишас берех лачкъийнера Юнусан кхалхар. Бераш а цецдевлла хьийзара шайн нанна т1аьхьа а девлла, хилларг х1ун ду ца хууш, нах стенна гулбелла, зударий стенна боьлху. Тезет д1адирзинчул т1аьхьа Тумиша шен доьзалца чуйирзира. Мел ц1е ягорах йох яла ца туьгуш шийла яра чоьнаш. Тумишас сихха яхана берашна сада1а меттанаш дехкира. Амма берашна д1адийша ца лаьара. Цара нене хоьттура шайн да ц1а маца вог1ур ву бохуш. Тумиша х1оьттинера, иштта а самалделла йолу, кхара ца хьийзича а, кхеран хеттаршна харц жоьпаш дала. Кхин х1орш т1ебирзинчуьра д1абеврг а ца хила, берийн нана кхарна туьйра дийца х1оьттира, шен коьртара йовлакх хьаж т1ехула охьа а тоттуш, б1аьргашчуьра хиш д1а а дохуш. Дукха хан ялале берашна наб кхийтира шайн ненах хьаьрччинчохь. Тумишас уьш цхьацца бехачу дечкан маьнгин т1е шайн-шайн метте охьа а дохкуш д1анисдира. Цул т1аьхьа ехха 1ийра Тумиша тийжаш, йоьлхуш. Ша х1ун дийр ду ца хууш, ша х1ун дина кхиор ца хууш да воцу доьзалш. Цунна царах къахетара. Иштта хеназа, боккха бала шен кийрахь къуьйлуш веллачу шен ц1ийнадех а, хетара къа Тумишина. Делахь а, Дала динчунна реза ю ша аьлла, Делера шена собар а дехна ша 1аччохь берийн когашкахь д1атаь1ира Тумиша цхьана ханна. Денош д1аоьхура. Амма Тумишин дагт1ера сингаттам д1абала ца туьгура. Цунна даима шен ц1ийнада дагахь лаьттара. Иштта цхьа к1ира хан яьллачул т1аьхьа Тумишина лулахошкара хезира, 1аббаз къуьно, ахча даккхархьама, вийна, аьлла. Иза бакъ хилар т1еч1аг1дира 1аббазан кертахь д1ах1оьттинчу тезето. Амма Тумиша оцу тезете яхацаелира. Цо иза Дела кера д1авеллера. Дала цунна бекхам бина аьлла хетара Тумишина. 1аббаз цу дийнахь д1авоьллира. Иза дара 1аьнан беттан к1иран де. К1еззиг бара юьртахь цунах къахета олуш нах. Тезет а г1ийла дара 1аббазан. Цуьнан къинойх воьттина Дала дуьхьала вахар хилира. Ткъа Тумишин доьзал хаза могаш-маьрша хьалакхуьуш бара. Болх Далла т1е а биллина къахьоьгуш шен доьзал кхио г1ерташ йоллура Тумиша. Цунна Дала г1о дора. Доьзал муьт1ахь, ламаз, мархийца кхиар – иза бара Тумишин бахам. Доьзалах 1ехаелла йог1ура иза. Делан къинхетамах, Делан диканах дог а ца дуьллура цо. Дала цунна рицкъа а латтадора цхьацца бахьанийца. Цо кест-кеста олура: «Ницкъ болуш верг а Хьо ву-кха, нийсо еш верг Хьо ву-кха, массарна рицкъа латтош верг а Хьо ву-кха, Алхьамдуллиллах1! – олий, Далла хьасталора иза. Дика ду-кха нехан керахь доцуш рицкъанаш. Иштта т1етт1а толуш д1адахара Тумишин, цуьнан доьзалан дахар. Юьртахь наха лара а лоруш, масал хилла д1ахоьттира Тумишин доьзал. Ткъа Тумиша йоккха йина а ца йолура.

Поэзи

Шамсадов Муса

Ас муха хьаста хьо, Нохчийчоь?

Сан жима Нохчийчоь,
Х1ун дисна ахь ца ловш?
Ма дера чевнаш ю
Йинарш хьан сина.
Хьан яртех, г1аланех
Херцарш йина.
Йохийна, ягийна
Нохчийчоь яц хьо товш.
Ас муха дарба де,
Нохчийчоь, хьуна?
Ас муха хьаста хьо,
Йохъе хьо муха?

Сан собар, синтем а бохийна,
Сан б1аьрса, денош а кхолийна,
Шийлачу хьацарца со набарх вохуш,
Боберийн хьажарца
дог т1е-к1ел дохуш,
Цхьа ира лазам бу сан сина 1еткъаш,
Цхьа беза мохь бу т1ебазбелла суна,
Абаде кхаччалц сан д1акхехьа безаш –
Чов йина Нохчийчоь
хьо ю сан лозуш.
Ас муха дарба де,
Нохчийчоь, хьуна?
Ас муха хьаста хьо,
Йохъе хьо муха?

Сулайман Ахьмад

Дуьне хьайн белшаш т1ехь сецош,
Вехира хьо Пхьармат санна,
Адмашна д1алуш са-серло,
К1ант хилла масо а нанна,
Да хилла – да воцучарна

Тахана тхо байш ду г1ийла,
Тхан х1усам, Нохчийчоь – шийла
Ю ахь и йитичахьана.
Хилла тхан дегнашна эшам,
Д1абайча санна малх, тешам.
Г1елделла, мацделла синош,
Лозу тхан, дазделла къинош.
Нийсачу некъах тхо тилла.
Ма ч1ог1а оьшура тхуна
Хьо – ваьхнарг халкъан 1у хилла,
Некъ гойтуш б1арзвеллачунна,
Лерса луш къарвеллачунна,
Хьайн сица ловш мехкан бала.

Ц1е яхьаш веъначу хьуна
Баркалла хир ду-кха ала
Т1аьхьенийн. Дегнашкахь нехан
Вехар ву, дуьне мел деха,
Хьо – хилларг Дуьненан меха.

Нохчийн лаьмнаш

Шовда зевне декачохь,
Хи чу 1енаш беттан са,
Стигал сецош шайна т1ехь,
Б1аьвнаш йолчохь – ду сан са.

Цигахь ду сан орамаш,
Цигахь даго лоькху йиш.
Ас цхьанхьа а мелла дац
Цигахь санна мерза хиш.

Нохчийн лаьмнаш – ага сан!
Со ду аш кхиийна бер.
Нохчийн лаьмнаш – илли сан,
Даим даг чохь декашдерг.

Нохчийн лаьмнаш – туьйра сан!
Шуьца ду са, ойланаш,
Шух къаьстина 1а ца ло –
Дог йийсаре дина аш!

***

Сан деган х1усаме беъна,
Сох кхаьрдаш, бен бина шена,
Са лаьцна 1а лазам шийла,
Сох йийсар дан г1ерташ г1ийла.
Дера дарц ду дег1ах хьерчаш,
Со вожо, эшаван г1ерташ.

Гулдина мел долу г1ора,
Вог1у со. Дег1 ду сан г1орош,
Г1елделла б1аьрса а са а.
Амма со ца воьжна гора.
Онда бу къийсаме лаам.
Мел ч1ог1а базбаларх бала,
Бакъо яц сан юхавала.
Ницкъ боьху ас деле сайна,
Ца йицъян къизалла лайна,
Ца дицдан мостаг1чун сибат.
Къисам д1абахьа сан – нигат,
Дог мел ду детталуш некхехь...
Лазамаш, чевнаш а хьекъа,
Хала ду дахаран некъаш,
Хала ду серло луш вага.
Ца вагахь – ца оьшу ваха
Боданехь диънарг дац дахар.
Адаман са кхийда малхе,
Даим а д1авоьхуш хьалха.

Х1ара мохк бу сина мерза

Б1аьстенан буьйса ю хаза,
Боданехь лепаш к1айн заза.
Тийналлехь д1атийна лаьтта,
Сан беральа техкийна лаьмнаш.

Х1ара мохк бу сина мерза,
Декало сан деган мерзаш.
Даим а со кхуза кхаьчча,
Айло са г1айг1ано лаьцна.

Некъаша д1авигна гена
Лийли со хийрачу махкахь.
Ц1авирзи хедийна генаш,
Къухдаьлла сайн ирзу ахка.

Д1айирзи сан чевнаш лезна,
Шовданан зевне аз хезна.
Вехар ву со декъал хилла.
Лелар вац кхин ирсах тилла...

Б1аьстенан буьйса ю хаза,
Боданехь лепаш к1айн заза.
Денделла ойланехь тховса
Мел дезнарг, доккхуш са ловза.

***

Езаш вац со г1алин петарш,
Ла ца ло соь бенцахетар
Кху г1алахойн синтем боцчу.
Кхузахь хьелахь хуьлу холчохь.

Беза суна синтем, цхьалла,
Мерза мукъам, б1аьсте санна,
Деза лекха, кура лаьмнаш,
Къора хьаннаш,сийна 1аьмнаш.

Еза суна тийна хотеш,
Дайх йисина тиша к1отарш.
Цигахь сан са парг1ат долу,
Цигахь дагна т1емаш довлу.

Лаьа ломахь валлалц ваха,
Ца лоьхуш кхин некъаш, бахам.
Со аренца лийли дукха.
Х1инца со ц1авоьрзур ву-кха.

***

Ца лоьху дуьненан хазна,
Сий, бахам, туьйране ирс.
Со ваха лууш ву хаза –
Даима некъ а беш ирх.

Х1уммаъ дац буьххье ца валарх –
Сол т1аьхьа вог1ур ву к1ант.
Коьртаниг – дог догуш вахар,
Коьртаниг – кхиор цхьа кан!

***

Кху дуьненан бахамах
Хуьйцур яц сайн маршо цкъа а.
Лур бу цунах муьлха мах,
Сайн кхолламан хила да ас.

***

Илланчин цхьа кхоллам бу-
Сица ловш шен мехкан бала.
Илланчин цхьа лазам бу –
Янза йисна ирсан г1ала.

***

Ас телли дукха мехкаш, г1аланаш,
Мичча а со вахча – лазамаш,баланаш.
Адамаш масанхьа къиза ду, 1еса ду.
Адамийн дегнаш а дешнаш а деса ду.

***

Халачу зиерашкахь,
Цу ц1еран шерашкахь
Ас диц ца дира г1иллакхаш дайн.
Хьаша т1еийцира,
Бакъдерг а дийцира.
Хьаьжира адмалла, дош лардан сайн.

***

Бакъдерг дийца оьшу къонах,
Вухуш воцург дарцехь,вонехь.
Бакъдерг толо аравалахь,
Хир бу хьуна лазам, бала.

***

Соьца ду генарчу бераллин аматаш,
Соьца ду аьрхачу
жималлин г1алаташ.
Соьца бу лехамаш, эшамаш, лазамаш,
Ворх1ий ден весеташ,
до1анаш, узамаш.

***

Ас лазам, баланаш
сайн даг чохь къийлира,
Харцонна ницкъ мел бу
со дуьхьал вийлира.
Г1о эшна,деэшна висча а цхьалха,
Къар ца луш,ца соцуш,
некъ бина хьалха.

***

Гина суна:
1уьйрана зезаг схьаделлалуш,
Малхана эсала делалуш;
Б1аьстено набарах яькхина,
Беш денлуш, зазадаькхина;
Дохк г1оттуш 1ин чуьра садаьржаш,
И ломан басешца д1адаьржаш;
Хьаьрчина сийначу боданах,
Бижна лам, ладоьг1уш шовдане;
Анайист ц1иййелла суьйрана,
Тхан лаьмнаш тардина туьйранах.

Вай ц1ий ца кхоийра…

Вай ц1ий ца кхоийра вешан а, нехан а.
1алашо яра – ц1ий дацара мехала.
Адамийн даь1ахкаш д1айийра
лаьттах –
Ялта ду т1едаьлларг –
чарташ д1о лаьтта.

Ц1ий 1ена, б1аьрхиш а
хьалха ма 1еннара.
Схьадог1уш ду иштта
б1ешерийн генара.
Хенаца садолуш дац-кха
вайн хьекъал –
Йилбаз ду шен болхбеш
зуламаш хьекъош.

Гой шуна шаьлтанаш
баттара яьхна цо,
Гой шуна вежарий
вежарех баьхна цо.
Вайх шен лайш дина цо,
кхолийна кхетам,
Вай х1аллакдеш ду цо,
ца беш къинхетам.

Мостаг1 ву къиза.
И вехаш ву ц1ийца вайн.
Ц1андала деза вай.Беза некъ хийца а.
Вай ц1ий ца кхоадо вешан а нехан а.
1алашо яц – Адамалла ю мехала!

***

Дахарехь шера некъ
лоьхуш ца лийлира.
Къаьхьа а дуьра а кедаш ас мийлира.
Лазаман кад бара буьззина боьттина.
Халонех чекхвуьйлуш
вог1у со х1оьттина.
Кхолламо ца кхоий,
ца лелий хьоьстуш со,
Дера кайитти цо чевнаш еш,
цоьстуш дог.
Хаьа со бехке ву ларлуш ца леларна,
К1иллойх со тешарна,
1ожалах веларна.
Накъост ца хиллера
ас лаьцнарг тешаме,
Некъаш а хиллера
хаьржинарш кхераме.
Г1алаташ дийли сох,
мостаг1ий кхардий сайх,
Амма со вохка ца вели,
ца къарби дуй.
Дайн весет кхочушдеш,
кхерчахь ц1е латийна,
Сайн долчух тоамбеш,
веха со сатийна.

Б1аьстенан марха

Цхьа марха яра генара йог1уш
Б1аьстенан довхачу дийнахь.
Мелачу б1аьрхишца,
сан г1айг1а огуш,
Йилхира суна и тийна.

Йоьлхуш а 1ийна
Ойлане, г1ийла,
Юха а яхара и гена д1а,
Дитина суна
Стела1ад...

Поэзия

Руслан Умаев

Запоздавший гость

***

И душа нараспашку, и мысли вразброс –
Веером.
В жаркий полдень меня пробирает мороз.
Верите?

Говорила – любовь. Уверяла – навек.
Устал я...
Не заметил, что это подкрашенный снег...
Он растаял.

Как воздух, вода, так мне вера нужна,
Я ей тоже.
Мы из чаши сомненья испили до дна.
Хватит, может?

Мы по жизни – бегом. Веселиться?
Потом.
Успеется.
К горлу ком, а когда утеремся тайком,
«Как вы смеете?»

Не ко сроку, не в корм,
и почти невпопад,
Все как в жизни.
Хоть брани и кляни –
парадоксов парад.
Катаклизмы.

Вроде, я добежал, не солгал,
но достиг,
И – достоин.
Но проснешься в поту,
не поняв, что за крик...
Мой он.

И опять как вначале –
мороз по спине.
Грустно.
Рассмеялся второй, тот,
который во мне.
Пусто.

***

Касимову Вахиду

Мы за истиной долго бродили по свету,
Чтоб науки гранит и добро обвенчать,
Милосердия Эру натощак не встречать –
Голодранцы, глупцы, правдолюбы, поэты.

У надежды прекрасной обивая пороги,
До упора упрямы, нам неведом был страх,
И по шею в грязи и по плечи в долгах
Мы карабкались вверх по тернистой дороге.

Мы сражались отважно, и пусть это Мельница –
Разодрали коленки и сердце в крови;
Не дождались любви и ... зови – не зови:
Понимали при этом, что все перемелется.

И, устав от борьбы, мы отринули шоры –
Новейшее время постучалось в окно.
Мы одни в поле воины.
Все. Решено:
Мы остаток добра перечислим в оффшоры...

***

Джавтаеву Зелимхе

Он не рассказывал о ней,
О той афганской стороне,
Когда вернулся он домой,
И вроде тот и сам не свой.

Как тот афганский муравей,
Я много спрашивал о ней,
Но он всегда в ответ молчал –
Во сне ж метался и кричал.

Я видел жизнь – я старше был,
И ненавидел и любил.
Он младше был, но видел смерть,
Хотел из памяти стереть

Афгани, стингер и «бача»,
Гашиш, «зеленку», ДШК
И, удивляясь на страну,
Он не любил в кино войну.

Под стук колес... истошный крик...
Что видел он в последний миг?!
Когда, кому принес он зло?
Поверить, что не повезло,

Я не могу, но пусть судьба –
Она нелепа и груба –
Забрала Божьего слугу...
Себе смиреньем помогу.

Хоть ощущенья нет вины,
Но очень часто вижу сны,
Что я спешил и опоздал,
Недосмотрел, недосказал...

Казнь Байсангура

А в слободе базарный день,
Стекались люди отовсюду,
Ведь Байсунгур, попавший в плен,
На радость всем повешен будет.

Пляши, народ, пляши, пляши!
Уже объявлена награда.
В толпе зеваки, палачи,
Им казнь – монета и отрада.

Мятежно голову подняв,
Он слободу окинул взором:
И, в плечи головы вобрав,
Стоял покорно и позорно
Народ.

Ты слышишь, Байсунгур,
Всегда боявшийся бесчестья? –
В толпе пронесся ровный гул.
И вот он вышел, человечек.

Ничтожен, жалок твой палач,
Трясется весь: «Давай монета».
А над майданом женский плач...
...В Калуге солнце ровно светит.

Негоже горцу умереть,
Не в битве, а с петлей на шее.
Не мы, а нас. Так рассудила смерть:
Кому – от пуль. Кому – ошейник.

Прости его, Беной, прости,
Он пред тобою был безгрешен,
Но и у смерти не в чести,
В ком бог – свобода – дух мятежен.

Сейчас коснется палача
Рука. И все…
Твой путь окончен.
Народ, привыкший не прощать,
Когда еще кинжал наточит?

На чем ты, грешный человек,
Решил скопить себе богатство?
Потомкам не отмыть вовек
Позор такого святотатства!

И он презренье превозмог,
Всю жизнь хранимый только горем.

… Спасая горца от позора,
Сам выбил стул свой из-под ног…

В последний миг он столько смог…

Зелимхан

Трепещите,
поручик,
ваша гибель близка,
Если так завещал
сыновьям Гушмазуко.
И вас все же настигнет
Зелимхана рука.
Пуля в лоб –
согласитесь –
прескверная музыка.
Уехать?
Ну, право,
зачем вам Чечня,
Эти горы,
абреки – бритоголовые бестии?..
Счастливо,

поручик...
Но – получите сполна
За честь Солтмурада,
за слезы невесты!
Мужчина не тот, кто добро забывает,
И дважды не тот, кто обиду простит.
Зезаг,
не плачьте,
лучше участь вдовы.
Чем жить с нелюбимым,
богатым холуем.
Он ответит за все,
подлый сын старшины,
Пусть гяуры над ним пропоют
«аллилуйя»!
«За очерченный круг
выходить не моги!
Что твой бунт для империи?
Буря в стакане.
И чтоб было такое
неповадно другим,
Изловить,
уничтожить его как смутьяна!»
И, рожденный для счастья,
в лес ушел Зелимхан,
Обрекая себя на лишенья,
невзгоды;
Петроград
и Москву,
Чечню,
Дагестан
Весть о нем обошла,
что заступник народа.
Мужчина не тот, кто добро забывает,
И дважды не тот, кто обиду простит.
От тюрьмы и сумы,
от греха и стыда,
Говорят старики,
что нельзя зарекаться.
Знал абрек,
что терпенье –
извечно вода
И, следа не оставив,
прольется меж пальцев.
Показался кому-то он легкой добычей.
Слов цена тяжела
и закон наш суров –
Забывали,
что есть у чеченцев обычай:
Око за око
и кровь за кровь.
Мужчина не тот, кто добро забывает,
И дважды не тот, кто обиду простит.
Значит –
месть.
Он не видел иного пути.
Только месть –
его долг,
его честь подсказали.
Дай, Аллах, ему сил
свою правду найти,
Газават к подлецам
до конца довести,
Чтобы кару Аллаха
при жизни познали.
И один в поле воин,
если он Воин.
Выпал жребий такой –
не кошачья игра,
Быть абреком – героем,
абреком –
изгоем
И терзаем вопросом:
«А может, все зря?»
Мужчина не тот, кто добро забывает,
И дважды не тот, кто обиду простит.
В этой жизни,
как в сказке,
что придумали люди:
Там,
где есть добродетель,
предательство есть.
В этой жизни,
как в жизни,
найдутся Иуды,
От звона монет потерявшие честь.
...Окружен Зелимхан.
Ты уйдешь,
только выстой,
Как на землю ночная опустится мгла,
Но в Шалинской ночи
прозвучал подлый выстрел...
Пуля-дура его догнала...
Обожгла.
...Вот и все.
Его жизни окончена повесть,
Как пропетая песня,
последний намаз.
Не абрек –
наших гор обнаженная совесть.
Убиенная правда о прежних
о нас.
Мы живем, не боясь ни стыда,
ни греха,
Забывая порой,
что потомкам достанется,
Но в наших сердцах
вечно жив Зелимхан,
А предатели пусть
медяками
подавятся.

***

...А грусть на душу
опадает пеплом,
И не прикажешь ей:
«Не баламуть! Оставь!
Устал...
Ты скажешь,
нет ли

Путей,
чтоб мог я прошлое вернуть?»
И вдруг поймешь:
не так все это просто
И что-то вечное
оборвалось внутри.
Уйду.
А если кто меня и спросит,
Скажи ты им,
что вышел
покурить...

***

Александру Торба – умнице
и моему студенческому другу

Было по-разному.
Грустно и весело.
Было невесело.
Грустно по-разному.
Старые мысли кажутся плесенью.
Недопонято. Недосказано.
А в себе захороненный стих,
Как заржавевшая бомба.
Если б каждый из нас хоть на миг
Срывал с души своей пломбы...
Объясненья намеками, знаками,
Обнаженность черпается горстями,
Но осторожней, там нет указателя:
«Горести».
Все воедино, все вместе –
Перепуталось,
перемешалось.
Одна сокровенность
стоит невестой.
Не мешайте.
Прикоснемся ладонями потными,
Ломимся в хрупкие двери,
А потом становимся
в позу непонятого
Хотел помочь – не поверили...
Металл горячим куется,
Отсекая лишнее,
прочее.
Пусть только в стихах остается
Недосказанность
многоточия...

***

Умашеву Саид-Магомеду

Мы откуда пришли
и зачем
в этот мир, неестественно
грешный!
Зададимся вопросом,
заранее зная ответ:
чтобы жить.
Стыдоба,
если жить по законам зверья
и амебы простейшей.
Вознесясь,
а потом
утопая в пороках,
грехах
и во лжи.
Жизнь мудрее мудрейших,
и она по местам все расставит,
Кто был кем
и зачем,
кому жребий наверх,
а другому – в откос.
Это все суета.
Но отметки какие она нам проставит –
Вот вопрос...

***

Он знал, что вертится земля,
Но у него была семья.
Е.Евтушенко

Нас обучали формулам успеха,
Где было: промолчи – и в богачи,
А если надо – что там? – настучи.
Какая мелочь: в совести прореха?

И пусть она, болезная, кричала
И призывала все с нуля начать...
Пусть на молчанье трусости печать,
А мы считаем: мудрости начало...

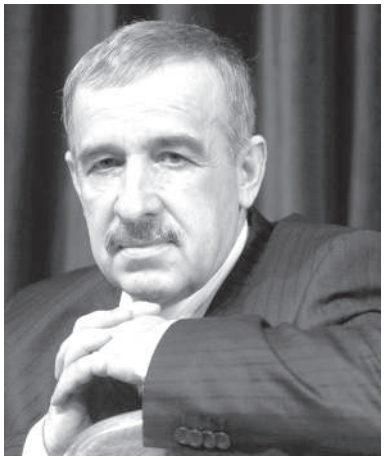
***

Я тебя не видел долго-долго.
Я разлуку смог бы перенесть,
Но закралась в душу грусть-тревога,
Прилетел к тебе из дальних мест.

Я к тебе поднялся, обессилен.
Вышел кто-то. Что скажу теперь?
Я спросил его: «А кто Вы, милый?»
«Муж», – ответил и захлопнул дверь...

Проза

Муса Ахмадов



Море оказалось жестоким

Рассказ

– А-А! А-а! Отдай мою медаль! Верни! – словно желая навести ужас на весь мир, кричал он и бежал вдоль берега моря.

Завидев его, люди разбегались, некоторые удивлялись, другие смеялись…

***

В школе Мисарсолт собирал марки. Довольно долго.

– Брось эти марки, учись… Если еще раз их увижу, брошу в огонь, – в один из хмурых осенних дней поругал его отец.

Испугавшись, Мисарсолт спрятал марки на чердаке в сарае. Потом он ходил к маркам с особой осторожностью, таясь, дважды в день – вечером и утром, так, чтоб отец не знал. Быстро спускался с чердака, пока кто-нибудь из домашних о нем не вспомнил.

И вот счет марок почти достиг ста, Мисарсолт решил, что он настоящий филателист. Он собирал отечественные и зарубежные марки. Когда же их стало сто, радости Мисарсолта не было предела. Он пошел на окраину села, пел песни, долго насвистывал мелодии. С этих пор он стал еще усерднее собирать марки. Но, когда их количество стало доходить до двухсот, случилось непредвиденное.

В одну из ночей подул сильный ветер, лил дождь. Он дважды проснулся из-за кошмарных снов. Сны были, как говорится, без головы и ног, – не пересказать. Словно разорванные куски фотографии, разные обрывки прошлого слились в каком-то сумбуре.

На рассвете Мисарсолт выбежал из дома. При виде крыши сарая его сердце стало стучать, как сумасшедшее, потом внезапно остановилось, словно колесо мельницы, когда заканчивается вода. Вокруг все померкло, исчезло в темноте – Мисарсолт почувствовал слабость в ногах и опустился на землю…

Когда он пришел в себя, над ним стоял отец:

– Что ты делаешь? Что с тобой случилось? – кричал он.

– Ничего не случилось, – медленно поднялся Мисарсолт.

– Если все в порядке, то собери черепицу, сброшенную ветром: целую – в одну сторону, осколки – в другую.

– Хорошо, – Мисарсолт принялся выполнять то, что ему сказали.

Старший брат, складывавший черепицу на крыше сарая, бросил вниз большой, измятый, промокший лист с налепленными марками, размытыми дождем. Не успев долететь до земли, бумага разорвалась на несколько частей.

Мать жгла листья в саду и кинула эти обрывки в костер. Мисарсолт даже смотреть в ту сторону не мог, пока огонь не перестал гореть.

Потом подошел и стал ворошить сгоревшие листья ногой, разглядывая пепел, в который превратились его марки. Одна-две слезинки упали с глаз на этот пепел, подняв черную пыль. «Не собирается ли дождь?» – посмотрел в небо Мисарсолт. Небо было ясным, ни одного облачка. Плакали его глаза.

Прошло много дней в грусти по пропавшим маркам. В мыслях он снова и снова возвращался в свои счастливые дни в поисках причин случившегося. Он был сам виноват: если бы не положил марки на чердак, ничего бы не случилось. Если бы в ту ночь не поднялся ветер, не пошел бы дождь…

Так он сыпал соль на свою рану. Соль оказалась целебной. Рана зажила через два-три месяца.

Но было так грустно, ведь он остался без цели. Нужна была новая цель, чтобы придать смысл жизни. Эта цель как-то внезапно обнаружилась, когда он в школьном дворе присел на корточки, чтобы завязать шнурок своего ботинка, и неожиданно увидел пятиконечную звезду, а в центре – фотографию ребенка с косым пробором волос. Это был Ленин в детстве – тот, кто спас трудящихся от богачей. Взяв звездочку, почистив ее рукой, он положил ее в карман. На уроках и после он пребывал в очень радужном настроении. Один из учителей так и сказал: «Чего ты так сияешь, Мисарсолт? Не шайтаны ли с тобой шутят?» Он ничего не ответил. Честно говоря, он эту фразу и не расслышал, Мисарсолт еще шире стал улыбаться своим мыслям, демонстрируя все свои зубы. «Я буду собирать медали и значки, им не страшен ни дождь, ни снег, ни огонь… Правда, от огня их надо беречь: не сгорят, но почернеют… могут и согнуться… Но их будет легче беречь, чем марки», – такими были убаюкивающие его мысли.

С этого дня опять появился аппетит, жизнь стала радостной, он стал активным, деловитым. Мисарсолт собирал значки и медали в картонной коробке из-под обуви. Вскоре там уже было около двадцати медалей и значков. Он вложил туда и три медали своей матери, которые ей дали как многодетной героине. Однажды с такой медалью на груди он пришел в школу. Ровесники смеялись над ним, мол, пришел с медалью своей матери.

– В этой медали и моя заслуга есть, – сказал Мисарсолт с глазами, полными слез.

– И в чем заслуга? – пуще смеялись ровесники.

– Ее дали матери, когда я родился.

– Правду говоришь? – они смеялись еще громче.

– Оставь меня! Отстаньте все!

Но после этого случая медаль он все же не вешал.

На окраине их села, где начинался лес, жил одноногий Мида. Мисарсолт слышал, что у него много медалей с той войны с Германией, откуда он вернулся без ноги. Как-то летом Мисарсолт отправился к нему, прихватив с собой обувь с оторвавшейся подошвой. Мида был сапожником, он ремонтировал обувь сельчан, но никогда не брал за это денег. Вместо этого просил выполнить кое-какую работу по дому: наколоть дров, накосить траву, вырвать сорняки…

Мида с женой очень тепло приняли Мисарсолта. Угостили хингалшами, чIепалгшами и чаем. Пока Мида тачал обувь, Мисарсолт скосил ему за домом, пять-шесть полос травы. После этого повесил косу на яблоню, пошел под навес к Миде. Тот уже сделал свое дело.

– На, носи теперь, – протянул он.

– Ваши, я слышал, у тебя много медалей, – сказал Мисарсолт.

– Есть, конечно, хочешь посмотреть? – Мида зашел в дом и вышел в кителе, увешанном наградами.

Опершись на костыль, освободившейся рукой он стал показывать свои ордена и медали:

– Эту мне дали как участнику битвы под Сталинградом, эту, когда форсировали Днепр, там я был ранен в руку. Этот орден – в Польше… Тогда мне ампутировали ногу. Вот эту медаль я получил в честь 30-летия Победы…

– Я… я… собираю медали… — покраснел Мисарсолт, превратившись в море пота.

– А-а… что это значит – собирать медали? Их надо не собирать, а завоевывать в битве…

– Но война закончилась… Нет войны, чтоб получить медаль, – погрустнел Мисарсолт.

– Войны? Нет ее… И хорошо, что нет… А ты трудись… За хороший труд тоже дают медали…

– Где? Когда мне их дадут? – потеряв всякую надежду, поникшим голосом произнес Мисарсолт.

– Всю мою поляну скоси. Тогда я дам тебе свою медаль в честь 30-летия Победы. Согласен?

Мисарсолт был очень даже согласен… после этих слов ему казалось, что он поднялся в небо на крыльях и кружит вокруг дома Миды. Кружит долго, играя в волнах радости. Когда же спустился на землю, увидел перед собой Миду, который что-то ему говорил.

– Я сейчас же это место расчищу, – он побежал к косе.

– Не стоит сейчас, уже стемнело… Приходи завтра утром, до восхода солнца, до того, как роса спадет, и коси, – остановил его Мида.

– Хорошо, – согласился Мисарсолт, хотя было очень тяжело дожидаться завтрашнего дня без медали.

– Я сегодня подточу косу, подготовлю…

– Хорошо. До свидания, – ноги, не касаясь земли, летели домой.

На следующий день, когда день и ночь еще не разминулись друг с другом, он побежал на окраину села к Миде. Тропинка спускалась в ущелье, затем вилась по нему, потом, когда пройдешь далеко, поднималась оттуда, бежала по склону горы вверх и, наконец, упиралась в деревянную калитку Миды.

Тьма еще не совсем растворилась в ущелье. Прыгая с камня на камень, Мисарсолт увидел на изгибе ущелья какого-то зверя, внимательно наблюдавшего за ним. «Меньше волка, но больше лисы… Наверное, барс, – остановился он в раздумьях. Простояв довольно долго, хищник скрылся, словно его и не было, Мисарсолт не заметил даже, в какую сторону. Дорога снова была свободна. Без каких-либо приключений на последующем пути добрался он до дома Миды. Летящей походкой отправился под навес, взял косу и точило. Вскоре предрассветную глухую тишину нарушили звуки косьбы: тхашт-тхишт, тхашт-тхишт, тхашт…

Не почувствовав усталости, с первыми лучами солнца, упавшими на эту поляну, он закончил косить. Травой вытер острие косы и пошел во двор, где его встретил улыбающийся Мида.

– Парень, ты или герой, или тебе помогают джинны, – говорил Мида, – за пару часов ты очистил место, на которое у двух косарей ушло бы полдня. Ты заслужил медаль, – достав ее из своего кармана, Мида повесил на грудь Мисарсолта медаль «30 лет Победы». Возвращавшаяся в этот момент с утренней дойки жена Миды, Ракат, поставив ведро на землю, хлопнула в ладоши.

Мисарсолта, готового на радостях бежать без задних ног, еле остановили, чтобы попить чай. В ту же минуту Ракат пожарила пышки, поставила варенье из алычи. Пока он с Мидой допивали мятный чай, солнце своими лучами забралось под навес.

Когда он учился в 10-м классе, в осенний листопад, Мида умер. Ракат позвала Мисарсолта к себе.

– Мужчина перед смертью сказал, чтобы я передала тебе эти ордена и медали, у него ведь нет наследника, – сказала Ракат со слезами на глазах.

Он от души плакал, вспоминая, как впервые пришел к Миде, пил с ним чай, косил траву, как тот дал ему медаль.

После этого Мисарсолт написал о Миде статью в районную газету, перечислив его ордена и медали, с фотографией… С этой газетой он ходил к Ракат, а пожилая женщина очень этому обрадовалась. С тех пор он стал писать о больших делах своего аула, подружившись с газетой.

В последующие один-два года много изменений произошло в его жизни: умер отец, старший брат уехал в город на работу, в селе остались он и мать.

Когда он сказал, что хочет учиться в институте в городе, Мадарсолт стал наставлять:

– Далась тебе эта учеба, живи в селе вместе с матерью, пиши в газету новости о сельской жизни, стихи о чистом воздухе, родниках, прекрасной природе…

Он молча согласился с братом. Мисарсолт был не прочь жить в селе, лишь бы не мешали его любимому делу.

Иногда мать ругала:

– Зачем ты собираешь эти железки? Если не можешь без собирательства, иди в лес, дров принеси или камней из ущелья… Их берут строители, платят хорошие деньги… Если будешь так носиться со своими железяками, попадешь в Брагуны.

– Что это за место, нана?

– Там содержат тех, у кого с головой проблемы – сумасшедших.

– Я туда не попаду, – обиделся он.

– Хоть бы не попал, а стал походить на людей, – на глазах матери выступили слезы.

Потом началась война. Сначала из города хлынул народ, затем побежал обратно. Село стали бомбить. Некуда было деться-скрыться, сельчане не знали, что делать. В один из солнечных дней приехал Мадарсолт с известием: срочно спускайтесь на равнину, дали однодневный коридор, чтобы мирные люди прошли по лесной дороге. Затем село покроют ковровыми бомбардировками, – он кричал: – Берите паспорта, выходите оба. Когда поедут машины, трудно будет спускаться.

Мать взяла паспорта, свои золотые украшения, оставшиеся от отца серебряные пояс и кинжал, «Коран», завернутый в белое полотно, доставшийся от прадеда.

– Ва, сын, что делать с хозяйством? Овцы, коровы – как же их бросить?.. – закричала мать, когда Мадарсолт завел машину.

– Что свыше суждено вам, останется. Лишь бы с самими ничего не случилось… Остальное не страшно.

Нет-нет, Мисарсолт не забыл о своих медалях. Он спрятал их в железную коробку и закопал в саду под большой грушей, отступив от нее три шага, на тот случай, если солдаты будут обыскивать дом. Как бы он ни дорожил ими, не рискнул копать глубоко, чтобы Мадарсолт не отругал, что из-за этих железок он их задержал.

Прошло полгода с тех пор, как они жили в городе. Как только дороги стали свободны, Мисарсолт тут же поехал в село. Там несгоревшим остался всего один дом. Все остальные были сожжены, в том числе и их дом. Возле той груши зияла огромная воронка, оставленная глубинной бомбой. Пока летний день не перешел в вечер, он перекопал весь огород. Но ничего не нашел.

Он и дальше продолжил бы свои поиски, если бы возникший, неизвестно откуда, вертолет, словно выпрыгнувший из-за опушки, не запустил пулеметную очередь совсем рядом от него.

Он не помнил, как добрался до города, собранные за столько лет дорогие его сердцу ордена, значки и медали пропали.

В один из дней в городе он встретил соседа Тимаргири, возвращающегося откуда-то, на его груди висела необычная медаль.

Мисарсолт поздоровался. Потом, стесняясь, робко спросил, что это за медаль?

– Это… Как тебе известно, я член двух союзов – писателей и художников. Я пишу стихи, рисую картины. Я новатор в этих областях. Впервые художественным словом я показал, как работает маслобойка, как взбивается масло, как отделяют пахту, готовят кашу на осадке кипяченого масла. С тех пор меня называют этническим поэтом.

В живописи я первый чеченец, который ввел принцип кубизма. Если Малевич написал «Черный квадрат», я четыре квадрата создал – синий, зеленый, желтый, разноцветный. Потом соединил их вместе в одну картину и назвал ее «Чалх[1]». Западные журналисты стали у меня интересоваться смыслом этого слова. А я не говорю назло. На другой язык это слово и не переведешь, отвечаю, это сакральный шифр чеченского народа. Ха-ха-ха…

– Эта медаль… – робко простонал свою боль Мисарсолт.

– А-а… Эта… Это медаль в честь Лермонтова. Я посвятил ему стихотворение:

Твой белый парус
Живет в Чечне,
Вверх-вниз по Аргуну
Плывет он.
Твой Мцыри
Живет в наших горах,
Проголодавшись, ест чинары листья,
От жажды пьет росу.

– Такую и я хочу…

– Такую?.. Ее-то нетрудно получить. Ты член Союза?

– Нет.

– Нет, так должен стать. Заходи ко мне рисовать, я дам тебе и мольберт, и холст.

– Рисовать я не умею…

– Тогда пиши стихи, рассказы…

– Несколько лет назад я писал заметки в газету…

– Вложи их в папку, она должна быть толстой. Пиши художественные вещи, например, рассказы. Я дам тебе рекомендацию… Мой друг Гирга Алхазуров тоже даст, он тоже пишет. Главное, что ты хороший человек, стеснительный, воспитанный, писать-то научишься… Как только тебя примут в Союз, начни собирать свой музей… А то, когда умрешь, никому не будет до тебя дела… чеченцы ведь – странный народ, им дела нет до писателей и при жизни, а уж после – тем более…

В тот вечер он пошел к соседу посмотреть музей. Он располагался во дворе в двухкомнатном доме. Как только открываешь дверь, видишь большой портрет Тимаргири, выполненный красками, под ним написано: 1957 – … Год смерти не был указан – родственники заполнят, когда умрет…

Разные надписи: «Тимарсултанов Тимаргири в детстве», «В школе», «В институте», «Собирает листья в саду», «На работе», «На берегу Ясси», «Тимаргири на Тереке ловит рыбу»… Под каждой надписью – фото: «Тимаргири – год», «Тимаргири впервые взял бутылку с соской», «Первый шаг Тимаргири», «Тимаргири в первом классе». Фотографий было много, иногда были и его книжки, и статьи о нем, вырезки из газет, картины в стиле кубизма… Музей был готов к принятию посетителей, нужен лишь экскурсовод.

В тот вечер Мисарсолта одолело огромное желание сделаться писателем…

За двенадцать дней он написал двенадцать коротких рассказов. Тимаргири назвал их миниатюрами.

Больше всего ему понравилась миниатюра «У родника»: «Сгорая от любви, Аслан пошел к роднику. Он надеялся, что родник станет для его горящего нутра исцелением. Но, когда выпил из него, еще больше разгорелся огонь любви. Не зная, что делать, он стал наблюдать за муравьями в траве. Он заметил на одном желтом цветке божью коровку – красную в черный горошек. Пока она не взлетела, он схватил ее. Потом, отведя далеко руку, Аслан шепотом произнес, стараясь не нарушить покоя природы:

Божья коровка, божья коровка,
В красно-черную капельку,
Покажи мне, откуда приведу я невесту
Или сама она придет
Со своей корзинкой.

Божья коровка полетела. В эту же минуту с той стороны появилась с ведрами его любовь Камилла.

– Камилла, у меня для тебя радостная новость.

– Во-первых, привет, – сказала Камилла. – Что за новость?

– Божья коровка с травки полетела в твою сторону… В этом есть какой-то смысл…

Камилла, словно пышная лепешка, была девушкой в теле, белокожая, с черными волосами.

– На такие вещи я не обращаю внимания, – Камилла подставила ведро под струю родника. Установилась тишина, лишь слышно журчание ручья «шукул-букул».

– То же ты чувствуешь, что и я? Болит ли у тебя сердце, как у меня? – сказал Аслан.

– Эти наши чеченские вещи я хорошо знаю. Я скажу – да, ты скажешь – дай слово, я дам слово – ты скажешь – назначь время, – сказала девушка, смущенно поправляя косынку.

– Скажу… дай мне слово… назначь время…

– Все в один день не делают, – Камилла была очень умной девушкой. – Главное, чтоб ты вышел на правильную дорогу, оставив божьих коровок в покое.

– Ты – моя путеводная звезда, – Аслан сорвал и протянул ей белый цветок.

– Благодарю, – она бросила цветок в ведро, набрала воды и стала уходить.

– Камилла, – позвал Аслан.

– Да… – ответила девушка.

– Приходи еще. Если задержишься, мое сердце разорвется.

– Вы всегда так говорите, пока же никто не умер оттого, что я задержалась, – глядя на него, ответила Камилла.

До того как скрыться за бугром, она оглянулась с улыбкой:

– Если начнется дождь, иди домой, а то заболеешь… В дождь я не приду…

– Хорошо, – Аслан был согласен со всем.

Девушка ушла. Аслан снова принялся искать божьих коровок в траве. Зачем?»

Этот рассказ Тимаргири прочитал на Правлении Союза писателей, дал вникнуть в смысл, потом сделал небольшой анализ. Он сказал:

– В этом коротком рассказе таким смачным, сочным языком, от самого сердца повествуется о душевной боли, которую называют любовью. О том, что придает ей жизни, нежности. Здесь мы наблюдаем крепко связующую людей нить любви. А как приятна сердцу чеченская народная примета, связанная с божьей коровкой, приводимая здесь.

– Правда, ранее один поэт уже использовал этот образ: «Поднимая с травы божью коровку на пальце…» – сказал человек с лицом, надутым, словно мяч, сидевший в сторонке.

– Это правда, – по-своему улыбнулся Тимаргири. – Но устное народное творчество – это источник для всех, все имеют право испить из него. Мне кажется, вы согласитесь со мной: Мисарсолт пьет эту воду с особенным вкусом… А чего стоит сравнение, которое он привел: «Словно лепешка…» А концовка? Такого финала в чеченской литературе никогда не было. «Зачем?» – этот вопрос заставляет нас размышлять о смысле жизни, о Вселенной, о том, что питает жизнь… Мое мнение таково: если принять Мисарсолта в наши ряды, наша творческая сила значительно увеличится. Более того, прошу нашего председателя вручить ему медаль имени Грибоедова.

– Постойте, постойте, – встрял смотрящий и улыбающийся легко, словно одуванчик, писатель. – Знаете, что мне понравилось в этом рассказе? Звукоподражание «шукул-букул», точно передающее журчание родника. Не «шхар-шхир» или «чхар-чхир»… Как-то нежно сказано – «шукул-букул». «Шукул» – волна поднимается, «букул» – опускается, сворачивается. Так, всего в двух словах автор передал красоту перелива воды в роднике.

Председатель согласно кивнул.

– Мисарсолтом его зовут? Я ведь вам говорил, что наши корни издалека идут – из Шумерии, Египта… В глубине чеченской памяти, в крови хранятся воспоминания о прошлом. Эти воспоминания и дали имя Мисарсолту, которое означает: египетский султан – фараон. Достаточно было бы одного его имени, чтобы включить этого молодца в Союз, – завершил усатый свою речь.

– Не то, что медали Грибоедова, он достоин ордена Александра Невского.

После этих слов никто из присутствующих не усомнился в том, что Мисарсолта необходимо принять в Союз писателей и вручить ему за активную литературную деятельность медаль им. Грибоедова.

Глаза Мисарсолта загорелись, когда председатель повесил на его грудь эту медаль. В ушах его раздавалось: «Все только начинается, начинается!»

Да, с сегодняшнего дня опять начинается коллекционирование медалей. Теперь-то он знает, как их беречь. Эта медаль была первой, полученной за его собственные заслуги и старания. Это радовало сердце, придавало жизненных сил.

Как только ему вручили медаль, он побежал к выходу, но председатель остановил его:

– Заседание еще не закончилось. Мы будем еще кого-нибудь принимать сегодня? – голос председателя прозвучал странно, резко.

– Есть один, то есть одна, –Тимаргири еще шире улыбнулся, показывая зуб мудрости. – Бикату Периева. Вот ее произведения, – он протянул председателю папку.

Раскрыв ее, председатель стал листать вложенные бумаги. Потом сердито посмотрел на Тимаргири:

– Не спутали ли папку?

– Почему ты так думаешь? – загадочно улыбался Тимаргири, словно владел какой-то тайной.

– Они же абсолютно пустые, ни одной буквы не написано, если не считать слово «Любовь» на титульном листе.

– Вот-вот, – подскочил Тимаргири, при этом он оторвался от пола и, не опускаясь больше вниз, слегка кружа, стал говорить: – Любовь! Какое великое слово! Оно включает все: любовь к своему избраннику, к Родине, к ее камням, родникам, пескам на их берегах, следам, оставленным на них, зеленой весне, поздней осени, к отцу, к матери, к чистому, выметенному двору, к галушкам с острым соусом, черемше, которую собрали из-под снега, золотым украшениям, жемчугам, цветам, снежинкам…

– Хватит! Голова кругом идет! – вскричал председатель.

– …Если сказать кратко, весь мир заключен в одном этом коротком слове «любовь», – завершив свою речь, Тимаргири спустился на пол.

– Так-то оно так, но здесь обо всем этом речь не идет! – закричал председатель.

– Ой! Напишет еще! – прозвенел голос Тимаргири. – Напишешь? – он обратился к Бикату. Та, словно ребенок, которого пожурила мать, надув губки, недовольно смотрела в окно.

– Да, – был ее ответ.

– В одном слове, сказанном этой девушкой, слышен отзвук произведений, которые она напишет, тело пронзает дрожь, кстати, любовь – это поэтическая личинка, она подарит жизнь ее творчеству, – сказал худощавый писатель с рыжей бородой.

– Чистый лист… То, что Бикату принесла сюда неисписанную бумагу, имеет глубокий смысл, – взял в руки беседу Гирга. – Чистый лист – это поле жизни, которое распростерлось перед девушкой, покрытое снегом поле или… Я не стану задерживать… Наши люди не умеют ценить своих… Евреи умеют… Что нарисовал Малевич? Черный квадрат! Взял черные краски и размазал. Разве не всякий сможет сделать то же самое? Но скоро будет сто лет, как во всех уголках мира только об этом и говорят. Бикату первой пришло на ум принести в Союз писателей чистую бумагу! Как это необычно! Если бы она была другой национальности, на телевидении, в Интернете, во всех газетах только о ней бы и говорили. Нам бы хоть малость походить на них.

За принятие в Союз писателей Бикату проголосовали единогласно. Мисарсолта это сильно задело: он трудился чуть ли не до смерти двенадцать

дней, а она ничего не написала. Но, вспомнив про медаль (кстати, Бикату ее не дали), его сердце немного успокоилось.

Всю неделю Мисарсолт радовался своей медали, и вот однажды сосед Тимаргири сказал ему:

– Я, Гирга и еще несколько писателей едем на Каспийское море, мы и тебя решили взять с собой.

Неизвестно почему, но эта идея ему не очень пришлась по душе.

– Я никогда там не был, плавать не умею… – попытался отказаться Мисарсолт.

– Все когда-нибудь случается впервые… Я тоже не умею плавать… Можно ведь просто сесть на берегу, у самой кромки воды, чтобы на тебя накатывали морские волны, обдавали тебя, купали – и стараться особо не придется… Море само все сделает. Не ищи отговорок, собирайся-ка лучше быстрей. Мы не всякого приглашаем в свою компанию, ты талантливый писатель, поэтому…

Мисарсолт согласился. Группа писателей на двух машинах доехала до базы отдыха на седом берегу Каспия. Там стояло с десяток домишек и больших двухэтажных домов. «Чайка» – так называлось это место.

Они заняли один домик. В дорогу они взяли с собой провизию. А когда расплачивались за нее и за домик на берегу моря, Мисарсолт пытался всех опередить, чтобы заплатить за товарищей, так как был самым младшим и хотел соблюсти вайнахский этикет. Все свое состояние, которое накопил за последние 10 лет жизни, он уже почти потратил по дороге на море.

Приятели по приезду сразу же разделись, чтобы окунуться в море. Но сначала сели вокруг стола на веранде отметить свой приезд. Налили и ему.

– Я не пью… не пил никогда, – Мисарсолт отошел в сторону.

– Мы тоже не пьем. Но, когда приезжаем на море, то, по традиции, слегка выпиваем… Надо чуточку выпить, а то море рассердится, – в своей манере улыбнулся Тимаргири. Остальные захохотали.

– Да не стесняйся, не стесняйся… На берегу моря все одинаковы, – сказал Гирга, надувая свои покрасневшие щеки.

Мисарсолт выпил.

– На здоровье! – кто-то протянул ему огурец.

Голова закружилась, тело стало невесомым. Он зашел в домик, с собой он привез медаль – боялся оставить ее дома: кто знает, что случится? Вдруг воры нагрянут или солдаты с «зачисткой». Они же все, что под руку попадается, уносят. Он прицепил ее к внутреннему карману своего пиджака. Без медали на берег и не пойдешь: замок на домике не нужно и ломом долбить, достаточно сильно дернуть – и сорвется.

Что же с ней делать? Сначала подумал связать два шнурка вместе и повесить на шею. «Люди будут смеяться!» – не очень понравилась ему эта идея.

Подумал еще и решил прикрепить ее с внутренней стороны своей одежды для купания. После, думая, что на него смотрит весь мир, ступая медленно, с опущенным взором, он направился к морю.

Когда Мисарсолт дошел до берега, он был изумлен морем, ведь видел его впервые. Ветер поднял сильные волны, и море со страшным ревом тяжело несло их к берегу. Его поразила мощь моря, созданного Всевышним. Что перед этой силищей человек? Ничто. Мисарсолт задумал написать на эту тему философский рассказ.

Второе, что его удивило, – это ракушки на берегу. Мисарсолт стал приглядываться к ним и искать самые причудливые. Проходил довольно долго. Ему пришла идея собирать не только медали, но и их. Из найденных он образовал на берегу холмик. Однако поднявшаяся волна в ту же минуту смела этот холм.

Тогда он бросил свое новое увлечение и вошел в море. Волны то покрывали его с головой, то вновь показывали, так он стоял несколько минут спиной к морю. Затем вышел и лег на теплый песок. Постучал по правому бедру: то, что медаль на месте, грело его сердце, как лучи солнца грели его тело.

Слева от себя он увидел своих товарищей, они, собравшись в круг, сидели на

берегу. Кто-то, подзывая, махнул ему рукой. Он не подошел. Хоть Тимаргири и сказал, что на морском берегу все равны и одного возраста, он так не думал… Поэтому, чтобы не стесняться старших, надо держаться в сторонке и с пользой провести время.

Но у моря на этот счет были свои планы.

Погревшись вдоволь на берегу, переворачиваясь со спины на живот и обратно, Мисарсолт прыгнул в воду. Волны закружили его, словно соломинку, откидывая, затягивая в свою глубину, не давая отдышаться, он даже испугался в какой-то момент, что погибнет здесь; страх не успел перейти в ужас, как волна откатила, глотнув побольше воздуха, он нырнул в сторону берега, руками хлестая воду… Это помогло, он оказался на кромке. «А-а, вот ты какое, море!» – подумал Мисарсолт, глядя на взбесившиеся волны, и по привычке провел рукой по бедру. Медали не было. О несчастье! О Божья кара! О вероломство!

В душе Мисарсолта за какую-то минуту накопилось море обиды, он изрыгал ее, кидаясь в настоящее море.

– Будь ты проклято! Зачем тебе эта медаль? Верни ее! Верни! – бросившегося с этим криком в воду море чуть было не поглотило, закрутив в водовороте волн. Высвободившись, Мисарсолт побежал по кромке моря, ему хотелось увидеть лицо этого предательского моря, заглянуть в его глаза.

– А-а! А-а! Отдай! Отдай! – громко причитая, он бежал вдоль берега. Какие-то люди, завидев его, разбегались, другие смеялись от души. Он не понимал, что их смешит. Лица его приятелей, выбежавших навстречу, тоже улыбались. Двое из них – Тимаргири и Гирга – остановили его, схватив за руки.

– Отпустите, отпустите! – вырывался он. Но те не отпускали, кроме того, на помощь к ним бросились остальные и повалили его на песок.

«Так вот оно что! Они заодно с морем! Предательство большее, чем весь земной шар!» – это была его последняя мысль.

…Придя в себя, он увидел, что лежит на чужой постели в незнакомом доме. Тело было тяжелым, двигаться не хотелось. Он услышал тихий разговор.

– Доктор, что с ним? – это голос матери.

– Ничего страшного, попьет финлепсин, финобарбитал и через два-три месяца придет в себя, – ответил незнакомый голос.

– Если это не так страшно, скажите, почему он оказался здесь?

– Его привезли друзья. С их слов стало известно, что он нагим бежал по берегу моря и кричал: «Верни мою медаль!»

– Да, он собирал медали, а я ведь говорила: оставь это… не доведет до добра…

Продолжение их разговора Мисарсолт не расслышал. Слова врача его очень расстроили, по лицу текли слезы…

– Море оказалось безмерно жестоким, оно не только мою медаль унесло…

– Кажется, приходит в себя, я вколол ему две дозы аминазина, поэтому он проспал двадцать четыре часа, – молодой человек в белом халате, с открытым, чистым лицом встал над ним.

– Как ты? Да умри твоя мать! – подошла и мать. Врач вышел, чтобы они могли поговорить.

– Не знаю… Где я? – с трудом проговорил Мисарсолт.

– Ты в больнице, да умри твоя мать! Я же предупреждала – оставь, оставь эти железки… Попадешь в Брагуны… Вот и попал сюда… – она заревела в голос.

– Не плачь больше, мама, я понял, я понял одну из тайн нашей жизни: нельзя в нашем мире ничего собирать, а если и начнешь – ничего хорошего из этого не выйдет.

– Что накопишь в мире, у которого нет будущего, в котором, что ни создаешь, все подвержено разрушению, – тяжело вздохнула мать.

[1]Чалх – беспорядочное скопление разных предметов.

Перевод с чеч. Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ.

Поэзия

Леча Ясаев

Спаси меня, Всевышний, от гордыни

***

В строках сквозь столетья
тревожа умы,
Хотел бы достичь я высот Низами.
Мне дорог Казбеги, писатель-грузин,
Он предан Кавказу,
как истинный сын.

Английского лорда изысканный слог
Открыл мне глаза
на бескрайность дорог.
Под небом Эллады погиб от свинца
Кто преданно музе
служил до конца…

По-новому, помню,
взглянул я на мир,
И в этом помог
мне великий Шекспир.
Безбрежного Данте
молитвенный стих
Пронизан и болью,
и скорбью святых.

Он мира и правды достойный певец,
Несет сквозь столетья
терновый венец.
Я Генриха Гейна умоюсь слезой –
Стихи его дышат весенней грозой.

Учитель смиренья,
не знавший вражды,
Нас к вере взывает дух Кунта-Хаджи.
Он в жизни не прожил в покое и дня
И жил, и дышал он тобою, Чечня.

Не счесть всех людей,
что прошли по земле:
Деянья ушедших остались во мгле…
Никто в этот мир
сам прийти бы не смог –
Но, видно, отметил
зачем-то нас БОГ…

***

Спаси меня, Всевышний,
от гордыни!
Не дай душе зачахнуть в суете.
В миру людей живу я, как в пустыне,
И в гости не спешит никто ко мне.
И я визиты все давно просрочил,
Даганов, друг наш,
с книгой не успел...
Черкес Увжук
нам встречу напророчил…
Джангар калмыцкий
к музам охладел…
Опять пропал Хамхоев почему-то,
Я слышу: «Не доступен абонент...»
Проведать его было бы не худо –
Он дорог нам не только как поэт.
Я слышал, Гарий стал богаче Креза,
Одним пером неслыханно богат…
Он сделан из хорошего замеса
И в нем силен писательский заряд.
Вся наша жизнь завязана на деле…
Сгорает все за поиском пути…
Мы все спешим и думаем о цели –
Мечтаем, мечемся,
пытаемся найти...

***

Потерпи, мое сердце, немного
Видит Бог, мы не к этому шли.
Измотала всю душу дорога…
И в пути мы себя не нашли….
Нет причин никаких для отчаянья:
Все по сути одна круговерть…
Просто нет ни надежд, ни желанья
В этом мире хоть что-то иметь.

Проза

Сайд-Хасан Кацаев

О матери

Я очень любил свою мать. Всем сердцем.

Она умерла в очень тяжелое для чеченского народа и для нашей семьи время, в самом начале второй войны.

Не помню случая, чтобы она хотя бы раз поругала меня. Я не помню дня, чтобы она хоть раз поссорилась с кем-либо или повысила голос. Даже соседские дети называли ее мамой.

Она прожила тяжелую жизнь. Отец пропал без вести на Германской войне. А зимой 44-го их, многодетную семью, выслали вместе со всем народом в бескрайние степи Казахстана и Киргизии. Умерла младшая сестра. Моя мать, Петимат, была старшей в семье. И надо было помогать матери. Устроилась на работу в шахту, добывала руду. Переболела тифом. Из-за этого у нее всю жизнь были слабые бронхи и легкие.

Она много рассказывала о тех днях. И много доброго я слышал от нее о русских, украинских женщинах, немках, казашках, киргизках, вместе с которыми работала. Они помогали им, чем могли, хотя самим приходилось нелегко.

Через несколько лет их нашли родственники отца. Стали жить вместе. Потом ее встретил мой отец, и они поженились. Построили дом, родились дети. Вроде бы, трудности остались позади. Но после XX партсъезда жизнь репрессированных народов изменилась коренным образом. Им разрешили вернуться на историческую родину. Родители не нашли покупателей на дом даже за бесценок и приехали домой, оставив нажитое с таким трудом добро. Первые годы было нелегко, но что это по сравнению с тем, что пришлось пережить во время высылки?! От голода, холода и болезней десятки тысяч людей навечно остались на казахской и киргизской землях. А дома, как говорится, и стены помогают.

Наверно, самым счастливым этапом в жизни чеченцев были 60-80 годы прошедшего века. Для нашей семьи в том числе. Женились мои старшие братья, сестры вышли замуж. Я, после окончания средней школы, поступил в университет. Отец болел уже несколько лет, и я в свободное от учебы время помогал братьям на стройках. Облицовочные работы на многих крупных зданиях организаций и учреждений Грозного произведены нами. В Чечне тогда мало было специалистов по резке и кладке мрамора, гранита и ракушечника. Работа, хотя и была тяжелой, хорошо оплачивалась. Но семья была большая, и мне порой не хватало денег. (Правда, я покупал очень много книг!) Но у мамы всегда было что-то припасено для меня. При случае она откладывала с пенсии. Я был младшим в семье, тем, кто должен остаться в родительском доме и обязан быть их опорой в старости.

– Ты наш будущий кормилец, – говорила мама и называла меня ласковыми именами.

Я стеснялся. И говорил иногда:

– Мама, мне неудобно, когда ты обращаешься со мной как с ребенком. Я уже взрослый.

– Сколько бы тебе ни исполнилось лет, для меня ты всегда будешь моим маленьким, дорогим сыночком, – отвечала она.

Что я мог сделать? Я горячо любил ее. И готов был отдать за нее жизнь.

Пять лет учебы не удовлетворили моей тяги к знаниям. Я хотел быть ученым, писателем. Меня пригласили на работу в научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии. Зарплата была маленькая, квартиры в Грозном у меня не было, и я опять, как и в студенческие годы, сидел на шее у братьев. Несколько лет я состоял на учете в тубдиспансере, и меня не брали в армию. На этом можно было сделать белый билет, но при первой же возможности я пошел в армию. Накопив достаточный материал из армейской жизни, я вернулся домой, хотя и не увидел того, что ожидал.

Меня пригласили на работу в родной университет, на кафедру вайнахской филологии. Начались сбываться мои мечты. Любимый город, любимая работа... Я молод и полон надежд. И дома все живы, здоровы.

По направлению прошел собеседование в ИМЛИ им.М.Горького. Оставалось только приступить к занятиям в аспирантуре. Пожил немного в одном из общежитий МГУ. Но после развала СССР началась страшная инфляция, достигшая своей кульминации именно в эти дни. На свою зарплату, которая автоматически переходила в стипендию, я не мог прожить в Москве и нескольких дней. И в республике события начали развиваться со стремительной скоростью. Президент России Б. Ельцин объявил в Чечне ЧП. Начались волнения. Дудаева не признавала Москва, а он объявил о выходе из РФ и о создании суверенного государства. Жизнь стала очень дорогой. Работы не было. А тем, кто работал, зарплата не выплачивалась. И в этих условиях у меня не было никакой возможности продолжить учебу в Москве. Братья уже обзавелись своими семьями и не могли помогать мне, как раньше. Это было время серьезного испытания для чеченского народа на прочность. Руководство республики вело народ в тупик...

Перед войной от продолжительной болезни умер мой отец. Это была суровая зима. Декабрь 1993 года. Отец был человеком мужественным и щедрым. Люди до сих пор рассказывают о том, как он в самые трудные времена помогал обездоленным, больным, старикам, вдовам и сиротам... Отец – большая опора в жизни. Мать – это любовь к жизни. Когда они живы, человек не так остро ощущает и осознает это, как после их смерти, когда наступает полнейшая апатия к жизни и душевная пустота... Казалось бы, после окончания войны у Чечни были все шансы зажить цивилизованной жизнью. Но республика опять погрузилась во мрак.

В это непростое время я работал заведующим районным отделом образования. Часто в доме даже хлеб не на что было купить. Не выплачивалась зарплата, не выдавались пенсии. А у меня уже росла дочь. Мама болела недолго.

– Я не боюсь смерти, – говорила она не раз. – Я пожила достаточно. Лишь две просьбы у меня к Аллаху: после смерти оказаться с вашим отцом в раю и чтобы Он послал Саид-Хасану сына...

Мама умерла в самом начале второй войны, в ноябре 1999 года. (Ей было 70 лет от роду). Федеральные войска, окружившие село, два дня не пускали нас на кладбище, чтобы похоронить ее… Не знаю, может, только больная спина не позволила мне тогда уйти в лес. Боль приходит неожиданно, так что я не мог ни сесть, ни встать. Бог миловал. Я пережил и вторую войну. У меня вышло несколько книг. Работаю главным редактором районной газеты. Союз писателей Чечни готовит к выпуску собрание моих сочинений. Я счастлив в браке. У меня пятеро детей: две дочери и три сына. Исполнилась мечта моей матери. Каждый раз, при мысли о ней, у меня на глаза наворачиваются слезы. Она была хорошей матерью. Дай Бог всем таких матерей, добрых, любящих, любимых. И дай ей Бог встретиться в раю с моим отцом и со всеми нами. Аминь.

Миниатюры

Благодеяние

Один бедный человек так отчаялся, что решил написать Богу письмо с просьбой о помощи. «О Аллах, – написал он, – я бедный человек. Мне нечем кормить семью. Яви милость, пришли мне 1000 рублей, ведь Ты Слышащий, Знающий». Бедняк полез на крышу дома и сбросил письмо, сказав: «Предаю тебя в руки Аллаха». Легкий ветерок подхватил листочек и понес его по воздуху.

В это время глава администрации этого села ехал на работу. Только он вышел из машины, как, кружась и трепеща, листочек упал к его ногам. Глава нагнулся, развернул листочек и прочитал письмо бедняка.

«Видимо, ему действительно плохо приходится, если он решил написать такое письмо», – подумал глава администрации. Он подозвал своего заместителя и сказал: «Сходи к такому-то и отдай ему от меня эти 500 рублей». Заместитель главы администрации нашел этого человека и отдал ему деньги.

Получив деньги, бедняк написал второе письмо и опять сбросил его с крыши. Письмо было следующего содержания: «О Аллах, в другой раз, когда Ты соблаговолишь оказать милость своему рабу, то не делай этого через главу администрации».

Два товарища

Шли два товарища. Путь был неблизкий. Каждый ел свое. Один – курятину, второй – дешевую рыбу. Спрашивает первый у товарища:

– Ты почему всегда рыбу покупаешь?

– Так она для мозгов полезна, – отвечает второй. – Ума прибавляет.

– Дай попробовать, – попросил первый, – возьми курятину.

Обменялись едой, начали есть. Курятина вкусная, пальчики оближешь. А рыба дешевая, вся в мелких косточках.

– Сколько в ней косточек! – пожаловался первый.

– Видишь, – говорит второй, – прямо на глазах умнеешь!

Завещание

Ранней весной умерла мачеха моего друга. Перед смертью она обратилась к людям, стоящим вокруг смертного одра, с последней просьбой:

– Я завещаю… я прошу вас не приводить в дом мать этих детей. Кого угодно, только не ее…

Сказывают, в давние времена жили с мачехой брат и сестра, у которых рано умерли родители. Однажды вечером их теленок не вернулся с пастбища, и мачеха приказала падчерице и пасынку: «Идите немедленно, разыщите теленка. И без него не возвращайтесь домой». Дети целый день искали теленка и не смели возвращаться домой, боясь наказания. Так они добрели до леса. Наступил вечер. Дети устали, проголодались, озябли. Теленок все не находился. И тогда они решили разойтись. «Ты наше-е-л?» – кричала сестра. «Не-е-т! А ты-ы?» – доносился из чащи голос братца.

Наконец, отчаявшись, они взмолились: «О Аллах, преврати нас в голубей, пока мы не найдем своего теленка. Тогда бы мы быстро нашли его. Ты же хороший». И Бог пожалел их и превратил в голубей. Но теленок так и не нашелся. Говорят, до сих пор они мечутся в поисках пропавшего теленка, боясь вернуться домой и перекрикиваясь часто:

– Ты наше-е-л?

– Не-е-т! А ты-ы?

Мачеха мучила моего друга, часто наговаривала, обвиняя в разных проступках, чтобы отец поколотил его. Поэтому ему нравилось жить у нас. Мы

вместе спали, ели, играли и делали уроки. И уходил домой он лишь поневоле, когда за ним присылали сестру. Сестра была младше и настолько напугана мачехой, что не смела слова сказать или ногой ступить без ее разрешения. И ни разу не пошла с нами к своей матери. Она была нашей дальней родственницей. Когда мать покупала что-нибудь для своих детей, мачеха ругалась и отправляла все обратно, а бедняжки терпели нужду. Но добрые люди и соседи всегда присматривают за детками без матери, жалеют, помогают, даже если мачеха хорошая. Иначе бы они вырастали непутевыми.

Мы повзрослели. Мой друг стал более самостоятельным. К младшим братьям и сестрам он относился с любовью и добротой. Хотя они были не единоутробными, заботился о них. А родная мать, из-за любви к сыну и дочери, так и не вышла замуж.

– Когда вернусь из армии, я заберу свою маму домой, – говорил он.

Поразительные вещи случаются в этом мире. Его мачеха, такая молодая и здоровая, простыла и умерла в одночасье. Рассказывали, как она плакала перед смертью:

– Заклинаю… не приводите ее в этот дом! Кого хотите, только не ее…

У нее осталось пятеро несовершеннолетних детей. Старшему исполнилось только четырнадцать. Не знаю, может, она боялась мести с ее стороны. Теперь она в мире ином. А встретить смерть достойно, как и подобает всем истинно верующим, видимо, она считала себя не вправе.

Закат империи

Египет, Персия, Греция, Рим, Арабский халифат, Монголия, Испания, Франция, Англия, Османская империя, Германия, Советский Союз...

Расцвет и упадок любой империи сравним с морской волной. Она накатывает с яростной силой, опрокидывая людей и корабли, народы и цивилизации, пока не дойдет до определенного рубежа, где сила и мощь ее постепенно слабеют... Волна откатывается назад. На берегу остаются выброшенные ею ракушки, рыбки, иногда даже киты... Это жертвы войны. Но что такое империя, когда она сужается, подобно шагреневой коже? Ни одна из вышеназванных стран-империй не играет в современном мире ведущей роли на политической арене. И от самого великого императора остается, в лучшем случае, лишь страничка в учебнике истории. Из небытия приходят и в небытие уходят.

Курьез

Я редко выключаю телевизор. Смотрю я его или нет, он горит постоянно. А ночью я переключаю его на «Радио FM» или «Дорожное радио», засыпаю под музыку. Иначе стрелки часов так громко тикают в ночной тиши, что невозможно заснуть. В разное время суток люблю смотреть разные каналы. Благо, на «Триколор ТВ» выбор большой. Хотя бывает и так, что около ста каналов, а смотреть нечего. Единственный день недели, когда я могу позволить себе расслабиться, это когда я заканчиваю очередной номер газеты. В эту ночь я сплю спокойно. Иногда бывает так: проснешься после полуночи, перевернешься с боку на бок, сон пропал, устаешь лежать, а вставать еще рано и переключаешь телевизор на ТВ. Как филологу, мне всегда интересны познавательные передачи. По всем гуманитарным наукам. Одна из таких передач на канале «Культура» – лекции для студентов московских вузов. Лекторы – обычно академики РАН. Один из них – Вячеслав Иванов, человек, опубликовавший переводы с восемнадцати языков, читает лекции не только по-русски и по-английски, но и по-немецки, по-французски, по-испански, по-итальянски… Про него говорят, что с каждым он может беседовать на его языке. Сам он о себе однажды сказал: «Я не полиглот, но читаю на ста языках». Известно, что родственные языки составляют группы, которые, в свою очередь, входят в более крупные группы,

а те – в еще более крупные. И так он рисует пирамиду, в виде треугольника, вершиной которого является праязык.

– На каком же языке разговаривали первые люди на земле? – задает он аудитории вопрос. И сам же отвечает: – Неопровержимо доказано, что первые люди на земле разговаривали на языке, похожем на сегодняшний чеченский, ингушский, дагестанские языки, – и называет фамилии ученых, которые многие годы работали в данном направлении. Наиболее известные из них: князь Н.С.Трубецкой, после Октябрьской революции эмигрировавший во Францию, и недавно скончавшийся профессор С.А.Старостин. – На родственных языках, – рассказывает он дальше, – говорят баски в Испании, некоторые народности в Китае, Сибири, Америке, они оставили свой след в Венгрии и других странах...

Через несколько дней смотрю фильм «Бог игроков» с участием известного азиатского актера Чоу Юнь-Фата в роли игрока Ко Чуна. В конце фильма идет перестрелка между врагами и друзьями Ко Чуна. Суматоха, беготня, драки, стрельба. Женщина упала на кровать и визжит:

– Давала, давала, давала! (Перевод: «Уйди, уйди, уйди!»)

Он собирается уходить, она:

– Хавола, хавола, хавола! (Перевод: «Иди сюда, иди сюда!»)

Весь курьез в том, что это буквально звучит на современном чеченском языке.

Ночные гости

Во вторую чеченскую в одном из предгорных сел убивали каждого вновь назначенного главу администрации. И вот ночью постучались к очередному главе.

– Кто там?! – спросил он.

– Открой ворота! – был ответ.

– И ворота не открою, и завтра на работу не пойду! – сказал он.

Гости ушли...

Прототип

После выхода романа известного чеченского писателя один из его друзей жаловался:

– Это же неправильно, когда автор изображает себя большим талантом, а меня – идиотом.

«Идиот тоже может быть большим», – подумал я.

Волк

Все его знали как весельчака и балагура, с которым не соскучишься. Мастер сочинять и рассказывать байки. Играет на дечиг-пондаре.

– Был я недавно в Астраханской области. У земляков. На точке. У них несколько десяток крупнорогатого скота, лошадей и две-три тысячи овец. Живут, не бедствуют. Но вот беда, повадился к ним волк. Не волк, а живодер какой-то. Никакого спасу от него. Смерть, да и только, жалуются хозяева. Но вот, после сытного кавказского ужина, сижу я в гостиной, в руках у меня неизменный дечиг-пондар, а взрослые и дети удобно расселись вокруг. И вдруг вижу матерого волка. То ли его привлекла моя мелодия, то ли новый запах незнакомца. Все, как увидели его, попятились назад. А я гордо сижу, нога закинута на ногу. А он стоит на задних лапах, передние поставил на окно. И смотрит на меня. Я указательным пальцем правой руки медленно указал на волка, потом так же медленно указал на себя. Волк еще постоял, как бы испытывая меня, и скрылся во мгле.

После этого случая никто больше не видел волка. И не было случаев гибели домашнего скота.

Все облегченно вздохнули.

– Но что же ты сказал волку, когда пальцем указал сначала на него, потом на себя?

– Я сказал: «Я такой же волк, как и ты». И он понял. Двум волкам в одном логове не ужиться.

Закят

В месяц Рамадан некий горец решил во имя Аллаха принести в жертву десяток овец из своей многочисленной отары. Спустившись на равнину, он остановился в первом же селе перед мечетью. Перевязав ноги одной из овец и приготовившись принести жертву, горец вынул кинжал и, зайдя в мечеть, громко, чтобы все слышали, прокричал:

– Есть среди вас правоверные мусульмане?!

Имам только закончил азан, и люди как раз собирались совершить пятничную молитву. Но, увидев незнакомого верзилу с огромным кинжалом в руке, все молча уставились на него.

– Что все замолчали? – строго сказал горец. – Есть среди вас правоверные мусульмане?!

– Я правоверный мусульманин, – сказал один из прихожан.

– Пойдем со мной, – сказал горец.

Они вышли. Горец, произнеся молитву, зарезал овцу и отдал тому человеку. С окровавленным кинжалом в руках горец зашел в мечеть и снова спросил:

– Кто из вас мусульманин – выходи!

Видя у него в руках окровавленный кинжал, все молчали.

– Что, нет больше среди вас мусульманина?! – вскричал горец.

Притаившийся имам выглянул из-за спин прихожан и ответил:

– Был один, и он с тобой вышел.

Поездка на море

Некий повеса, изрядно выпив в компании таких же гуляк, собрался с ними на море. Три дня и три ночи провели они на море: пили, купались, загорали. А наш друг все три дня и три ночи, не выходя из гостиницы, пил безбожно, ненадолго отключаясь на сон. Пьяного и сонного его посадили в машину и привезли домой.

– Выходи, ты приехал.

– Но мы же собирались ехать на море! – сказал он.

Виктория Кантария

Родилась в г. Брянске. С 1949 по 1994 годы проживала в Чечено-Ингушской АССР. Работала преподавателем и заведующий фельдшерским отделением медицинского колледжа в Грозном с 1961 по 1994 годы; является заслуженным учителем ЧИАССР. В связи с военными событиями вынуждена была покинуть республику, однако тоска по родному краю, по ее собственному признанию, вызвала у нее потребность и желание писать стихи. В настоящее время проживает в г. Иваново.

Спасибо, жизнь...

***

За годы, что живу без вас,
Не упрекайте за печаль –
Она мне дорога, любима,
Всегда зовет в былую даль.

Печаль моя – любовь к друзьям,
Тоска смертельная по краю,
Который дружбу подарил
И был для нас почти что раем.

Печаль моя всегда со мной,
приходит просто так, беспечно,
Осенним вечером порой
И длится, длится бесконечно…

Она виток моей судьбы,
Подаренный и Богом, и друзьями,
О многоликая печаль!
Всегда во мне – я, значит, с вами.

***

Что-то долго молчит моя муза,
Не рождает ни мыслей, ни слов,
И куда-то ушло вдохновение,
И ночами не вижу я снов.

И любимая осень уходит,
И последние листья кружат,
И ноябрь в тишине растворился,
Обещая вернуться назад.

Прожит год, а с ним беды и срывы,
Жизнь кружится средь вихрей и грез,
Я прошу тебя, жизнь, умоляю,
Пусть не видит никто моих слез.

Карусель моей жизни простая –
Есть паденья, полет.
За паденьем придет вдохновенье –
Это муза моя меня ждет.

***

Спасибо, жизнь, за этот миг,
Спасибо, миг, за это счастье,
Мне позвонил сегодня сын –
И вмиг развеял все несчастья.

Какая хрупкая ты, жизнь,
Как мало нужно нам для счастья,
Один звонок, один лишь миг –
И нам достаточно для счастья.

***

Не хочу нарушать я традиции,
Наша встреча вновь в марте, весной,
И диктует моя интуиция,
Что не снится еще нам покой.

Не покинула нас и надежда,
Расстояния, жаль, далеки,
А давайте, друзья, соберемся
Всем смертям и чертям вопреки!

Соберемся, как прежде, в те годы,
За обильным кавказским столом,
Под красивые песни, гитару
Песню счастья свою пропоем.

Ах, какие красивые дали,
Но не видно родного моста,

А душа моя все еще рвется
На свидания в наши места.

В те места, где остались могилы,
В те места, где родные дома,
В те места, где встречалась
с любимым,
Где друзей подарила судьба.

Ах, война, что ты сделала, подлая, –
Разделила народы, друзей.
На погибель послала безусых,
Не спросив даже их матерей.

Ах, война, что ты сделала, подлая, –
Породила могилы, холмы;
Уничтожила город любимый,
Так гордились которым все мы.

Ах, война, что ты сделала, подлая, –
Не дала нам допеть, долюбить,
Разогнала в холодные дали,
Не дала нам спокойно дожить.

Кто погнал на кровавую бойню,
Кто прогнал нас с насиженных мест –
Правду скажет, конечно, история.
А пока – тяжелейший наш крест.

Только время для нас неподвластно,
И не остановить это нам колесо,
День погожий пройдет и ненастный,
Отзвенят хоры птичьих голосов.

И грядет снова март и надежды,
Нас иные ждут времена,
Будут новые встречи. Как прежде,
За столом соберемся, друзья!

***

Я не живу, я существую,
Душа болит, страдает и скорбит.
Вдруг редкий солнца луч
забрезжит одиноко –
То память сердца вдруг заговорит.

Ох, память, память,
ты всегда со мною!
Без памяти не выжить мне сейчас:
Поговорю в мечтах я
с сыном и друзьями –
И жизни мне прибавится на час.

***

За окнами август, но осенью пахнет –
То дождь моросящий
стучит и стучит,
Природа незримо тоскует и чахнет,
Она затаилась и только молчит.

Быть может,
и летние дни возвратятся,
И солнце порадует летним теплом,
Не нужно бы
с осенью рано встречаться,
Но я говорю сейчас не о том.

Мне хочется встреч
с дорогими друзьями,
Но лето проходит – и не было встреч,
Надежда на осень, она-то уж знает,
Как светлые чувства
спасти и сберечь.

Судьба разбросала на юг и на север,
Слышны лишь звонки –
и им уже рад,
Так мало здоровья
осталось на встречи,
«А лето уходит», – дожди говорят.

***

Так бездарно пролетели
Десять лет тоски и скорби,
И лишь дружбы свет не дрогнул,
Я всегда об этом помню.

Круг друзей определился,
Те, кто в сердце был со мною,
Кто помог мне просто выжить,
А теперь и стал судьбою.

Я без вас не мыслю жизни,
Вы, как воздух, свет в тоннеле,
Десять лет бесцельной жизни
Вы теплом своим согрели.

В горе, радости мы вместе,
Дружбы нить не прекращалась,
Становясь надежней, крепче,
наша дружба продолжалась.

Питер, Астрахань, Кавказ –
Далеки мы друг от друга,
Но разлука закалила
Нашу веру в дружбу, друга.

Лаврентий Сон
Казахстан, г. Алматы

Лаврентий Сон родился 2 февраля 1941 г. в Каратальском районе Талды-Курганской области Казахской ССР.

Член Союза писателей и Союза кинематографистов СССР и Казахстана.

Среднюю школу окончил в 1958 году в г. Нукус Каракалпакской АССР. В том же году поступил в Свердловский радиотехнический техникум им. А.С.Попова (г. Свердловск, ныне Екатеринбург), после окончания которого был направлен на работу в качестве техника-конструктора на радиозавод города Барнаул. Затем работал в Секторе ионосферы Академии наук Казахской ССР. В 1963 году поступил на сценарный факультет ВГИКа. После его окончания был направлен на работу в качестве штатного сценариста на киностудию «Казахфильм». С 1976 года одновременно стал работать и как режиссер-постановщик художественных фильмов. Автор сценариев художественных фильмов «Чанга», «Исток», «Необычный день», «Актангер», «Семейный альбом», «Выбор», «Воздержавшихся нет», «Сани в гору и под гору», «Соль», «Объяснение в любви» (в соавторстве с А.Тарази), «День и час Сериккула», «Дополнительные вопросы», «У кромки лунного кратера», «Приглашение к чаю», «Страсти по Насте, или Дорога в Сеул», «Философ», «Какуно нива» (идея Мигуми Фукумото), «АЛЖИР» («Тюрьма для мам»), «Улыбка Моны Ляззат»). Режиссер-постановщик. Автор пьес, рассказов, эссе, повести. В 1989 году организовал Творческое объединение писателей, ученых и кинематографистов «ТЫ и Я», которое производило документальные фильмы об истории и культуре малочисленных народов СССР (затем СНГ). Работал в нем в качестве художественного руководителя, продюсера, автора сценариев, режиссера и режиссера-монтажера.

Документальные фильмы «СОНГ СИНЕМА» участвовали в Международных фестивалях документальных фильмов, где удостаивались призов (гг. Берлин, Пярну, Париж, Лима, Токио, Хельсинки, Сеул, Виль-сурйон, Москва).

Л.Сон издал 10 книг корейских русскоязычных писателей Казахстана, России и Узбекистана.

Вышел собственный сборник литературных работ (рассказы, повесть, киносценарии, пьесы (в 2-х томах).

Внутреннее сопротивление

Рассказ

По своей физической комплекции и по должности он был человеком внушительного вида, вызывающим трепет на грани страха, но все же дающим возможность надеяться посетителю, прорвавшемуся к нему с просьбой, на положительный ответ. Но когда он устало протянул мне сложенный вдвое листочек, на котором секундой раньше черканул несколько слов, я понял, что ничего путного из моей затеи не получится. Этим листочком он просто и с облегчением выпроваживал меня. А казалось, чего проще – поверить в безвыходность моего положения, поехать и поговорить с кем подобает, и судьба моя сложилась бы как нельзя лучше…

Приехал я в город Свердловск с твердым намерением поступить (и был уверен, что поступлю) в Уральский политехнический институт на физико-

технический факультет, после окончания которого я стал бы обязательно крупным специалистом по атомной энергетике. В приемной комиссии института пролистали мои документы и тут же вернули обратно по причине моего слабого здоровья. Я действительно не обладал аполлоновским телосложением и ровной походкой, о чем, кстати, до сих пор частенько забываю.

Ну что ж, вернули так вернули, буду поступать в другой институт, где по достоинству оценят мои знания по физике, электричеству, особенно по радиотехнике. В том, что обладаю этими знаниями, я ни на секунду не сомневался. Мне семнадцать лет, я одержим и неудержим в своих намерениях! В этом городе есть еще горнометаллургический и железнодорожный институты. А если и там потребуют отменное здоровье и не примут документы? Тогда будем поступать в техникум. Лишь бы стипендия была приличной, на которую можно прокормиться и одеваться.

Подойдя к трамвайной остановке, я решительно спросил у пожилого мужчины с запотевшим лбом и большими серыми глазами, что почему-то вызвало у меня доверие к нему:

– Как проехать к электротехникуму?

Мужчина пожал плечами, мол, не знаю.

– А какая там стипендия, вы не знаете?

– Откуда мне знать, мальчик?! Поезжай, узнаешь.

– Мне нужен техникум, где большая стипендия.

– В техникумах не бывает большой стипендии, – сказал мужчина. Сел в трамвай и уехал.

Огорчился я его сообщению, но ненадолго. Подошла старушка, с тросточкой и сеточкой, в которой были два зелененьких огурчика и пучок редиски.

– Куда тебе ехать, мальчик? – участливо спросила она.

– Электротехникум.

– Про такой техникум не слыхала, но у моих соседей сынишка закончил радиотехникум и они очень довольны. На заводе получает большую зарплату.

– А где этот техникум находится?

– Садись на трамвай пятого маршрута, остановка «Токарей», а там спросишь, где радиотехникум, понял? Вот как раз пятый трамвай…

– Спасибо, бабушка! – поблагодарил я ее и сел в трамвай номер пять.

На остановке «Токарей» мне указали на серое пятиэтажное здание, что высилось на вершине пологого холма, по склону которого лениво змеилась тропка. Вдоль нее с левой стороны кто-то заботливо устроил поручни, держась за которые можно облегчить подъем к заветному зданию радиотехникума. Подниматься пришлось в два марш-броска. Где-то на полпути была разбита площадка для передышки, а потом опять наверх тропка с поручнями.

В просторном и прохладном фойе радиотехникума я увидел на стене табличку «Приемная комиссия». Стрелка указывала на второй этаж. Подхожу к столу комиссии, держа под мышкой папку с документами.

– Здравствуйте, – приветствую я двух молоденьких девушек, принимающих документы.

– Здравствуйте.

– Скажите, а какая стипендия в вашем техникуме?

– А в чем дело? – опешила девушка.

– Если стипендия маленькая, то я не буду поступать. Я приехал издалека, здесь у меня нет родственников, помогать некому.

– Сколько классов вы закончили?

– Десять.

– Будете поступать сразу на третий курс, срок обучения три года.

– А стипендия?

– Триста шестьдесят рублей, на последнем курсе триста девяносто.

О-о, подумал я, это неплохо. Продавец газетного киоска, я знал, получает зарплату триста пятьдесят рублей в месяц, а тут – триста шестьдесят…

– Ничего себе, – воодушевился я и протянул девушкам папку с документами. Они проверили мои документы, зарегистрировали и спросили:

– На какое отделение будешь поступать? – почему-то запросто перешли на «ты», и мне это понравилось.

– А какие у вас отделения?

– Радиолокация, механическое, конструирование радиоаппаратуры.

– Конструкторское отделение, – остановил я девушку.

Она записала что-то в журнале и подала мне экзаменационный лист.

– Про стипендию спрашиваешь, а еще впереди экзамены. И аттестат у тебя так себе.

– А по каким предметам экзамены?

– Литература письменно, сочинение будешь писать. Математика тоже письменно и физика устно.

– Сдам, – успокоил я девушек, – а какой проходной балл?

– В прошлом году тринадцать, в этом неизвестно.

Я стал прикидывать – сочинение как-нибудь на тройку напишу, а математику и физику придется сдать на пятерки. Главное, документы приняли и стипендия порядочная! И я сразу поехал к себе «домой», то есть на вокзал.

Дело в том, что все эти дни я жил на железнодорожном пути, в мягком вагоне со всеми удобствами. Таких великолепных вагонов было два и предназначены они были для молодых специалистов, прибывающих после окончания института на работу по направлению. Вагоны эти стояли в тупике и присматривала за ними тетя Таня по фамилии Курочкина. Всю жизнь она проработала проводницей, объездила весь Советский Союз, но в связи с болезнью ног начальство определило ее хозяйкой этих двух вагонов с тем, чтобы зарплату она могла получать прежнюю и не колесить по стране.

А приехал я учиться на атомщика не один, а со старшей сестрой, закончившей к тому времени институт в Самарканде. При распределении на работу она умоляла комиссию отправить ее в уральский город Свердловск, потому что туда едет учиться младший братишка, а он еще такой маленький, несмышленый, пропадет в большом городе без сестринской опеки. И добилась своего. И вот мы вдвоем прибыли в огромный город. На привокзальной площади сестра оставила меня сторожить чемодан и связку книг, а сама напросилась к высокому зданию со шпилем, где сидело начальство ее будущей работы ДОРУРСа. ДОРУРС расшифровывался следующим образом: Дорожное управление рабочего снабжения, разумеется, Свердловской железной дороги и представляло собой чуть ли не министерство с многочисленными кабинетами, широкими коридорами и огроменными лестничными пролетами, ступни которых застелены красными ковровыми дорожками. А начальник всего этого приходился ровней человеку министерского ранга. Так вот, сестра ушла в министерство, а я сидел на дымящемся от жары асфальте привокзальной площади, энергично поглощая вкусные пирожки с капустой и глазея на проносящиеся красные трамваи, которые я видел в своей жизни впервые.

Итак, сижу на чемодане и ем пирожки. И тут подходит ко мне высокая пожилая женщина в форме железнодорожного кондуктора и спрашивает:

– Ты кто будешь, мальчик? Я все наблюдаю за тобой, третий час сидишь и пирожки уплетаешь.

Я объяснил ей.

– Ах, вот как! Значит, сестра твоя явится ко мне. Я на восьмой линии в тупике, так и передай ей. Тетя Таня меня звать, Курочкина, – сказала она и пошла своей неверной утиной походкой, прихрамывая на обе ноги.

Так все и получилось. Моей сестре, как молодому специалисту, прибывшему по направлению, временно определили жилье в виде купе в мягком вагоне, хозяйкой которого была тетя Таня Курочкина. Временно, потому что завтра же моя сестра должна отбыть в город Серов, где она приступит к работе в качестве товароведа продовольственных товаров. Сестра уехала, уговорив тетю Таню оставить меня в купе, пока я буду поступать учиться.

Спешу по путям к своему вагону и прямо в тамбуре сообщаю тете Тане, что сдал документы в радиотехникум, где довольно-таки приличная стипендия.

– Молодец, – похвалила она меня. – Хоть ты и не русский, а сообразительный, триста шестьдесят рублей это деньги, на них можно прожить.

Первый же экзамен, сочинение, обрадовал меня несказанно – четверка! Три темы были заданы, на выбор. «Образ матери в романе М. Горького «Мать», «Онегин – лишний человек» по роману в стихах А.С. Пушкина и третья тема – вольная, пиши, что хочешь. Первая ничуть меня не воодушевила, плохо знал материал, да и саму книгу не дочитал в свое время. Третья тема, вольная, сразу была отвергнута мной, потому как к семнадцати годам ничего примечательного со мной не приключилось, не о первой же любви писать. Остановился на «лишнем человеке», хотя еще в школе я допекал учительницу по литературе – почему Онегин – лишний человек? Если он лишний, отчего же гениальный Пушкин обратил на него внимание и написал целый роман, да еще в стихах? Но сейчас, в этот ответственный момент, когда на кону приличная стипендия, я категорически отбросил в сторону праздные вопросы о лишнем человеке и кинулся лихорадочно вспоминать слова из учебника про этот роман и главного героя. При этом я намеревался строго придерживаться одного правила – если правописание какого-нибудь слова вызывает сомнение, то ни в коем случае не употреблять его в сочинении и даже при обреченной скудости словарного запаса приложить максимум усилий и заменить это каверзное слово. И фразы должны быть предельно короткими – подлежащее и сказуемое, подлежащее и сказуемое! Главное, что требуется в письменной работе, – чтобы не было грамматических ошибок, а лишний человек или нет бедолага Онегин не суть важно, в чем я убедился в очередной раз – четверка!

Экзамен по физике, конечно, я сдам на пятерку, так что по математике можно и четверку получить. И тогда я наберу в сумме тринадцать баллов, что было в прошлом году проходным баллом. Не думаю, что в этом году он будет выше. Но шел я на экзамен по математике с некоторой долей неуверенности. Потому что в школе учитель-математик Пак всегда ставил мне четверку. Занижал он мне оценку за то, что при решении длиннющих уравнений я опускал ряд действий, пользуясь результатами устных манипуляций, одним словом избегал подробностей. Памятуя эти уроки, я отнесся к экзамену по математике очень дисциплинированно, представив, что мою работу будет проверять именно педант Пак. И получил высшую оценку – пять.

Итак, девять баллов в кармане, осталось набрать еще четыре, но лучше пять, и я, несомненно, получу эту пятерку.

После двух экзаменов народу убавилось не так уж много, и всех беспокоил проходной балл, неужели он будет высоким, больше тринадцати? Но вездесущие абитуриенты из числа девушек, они больше волновались, все же унюхали и подсчитали, что тринадцати баллов будет достаточно, чтобы поступить в техникум. Признаюсь, я тихо праздновал победу, могу ведь набрать и четырнадцать, когда по физике получу высшую оценку

Экзамен по физике принимали сразу два педагога. Он и она. Они сидели на разных концах длиннющего стола. Так что одновременно сдавали экзамен сразу два будущих студента.

Беру билет и чувствую, как во мне поднимается жар от предвкушения близкого успеха. И задача, и два вопроса были нетрудными, могу ответить даже без подготовки. Но выдавать свое волнение не стал и, загнав себя в стихию самурайского спокойствия, равнодушно спросил:

– Можно отвечать?

Экзаменаторы с недоверием взглянули на меня.

– А задача? – спросил педагог-мужчина.

– Я знаю ее решение, – как можно спокойнее ответил я.

– Садитесь вон за тот стол и запишите решение, – недовольно произнес он.

Пришлось подчиниться. Я быстренько набросал решение задачи, встал и снова подошел к мужчине-экзаменатору.

– Что у вас там? – спросил он нехотя.

Я зачитал оба вопроса своего билета и протянул проштампованный лист с решением задачи. Оно было верным. И на первый вопрос я ответил правильно. А второй вопрос был и того легче, по радиотехнике, хотя в школе этот раздел физики освещен недостаточно, но я занимался на станции юных техников судомодельным спортом, участвовал в соревнованиях по радиоуправляемым моделям и мои знания по радиотехнике были обширнее и основательнее школьной программы. А вопрос был такой: природа радиосигнала и его передача на расстоянии. Я четко рассказал про длину волн, их свойства и особенности при распространении в сферическом пространстве и в конце даже щегольнул дополнительной информацией:

– Одним словом, при равенстве внутренних сопротивлений передатчика и приемника происходит максимальная передача энергии радиосигнала, – более популярно ответил я.

Педагог задумался.

– Кто это вам сказал?

– Никто… Это любой радиолюбитель знает.

Вот этого, как я теперь понимаю, нельзя было говорить. Любой радиолюбитель знает! А он не радиолюбитель, он педагог, специалист, и моя неосторожная фраза прозвучала как дисквалификация и приговор профессионалу…

Педагоги переглянулись.

– Слыхали? – вопросил он ее.

Та помедлила и к полному моему удовлетворению сказала:

– Пожалуй, он прав…

Мужчина-экзаменатор нервно перевел дыхание и, поджав губы, придвинул к себе мой лист с безукоризненным решением задачи, черкнул на полях пару галочек, а напротив окончательного ответа выставил знак равенства и раздраженно заметил:

– Ответ надо было давать в килоомах, а не в томах. К чему такая спешка, молодой человек? И запомните, на экзаменах следует отвечать на заданные вопросы, а не фантазировать.

Он взял мой экзаменационный лист и, не глядя на предыдущие отметки, написал «физика – удовл.», то есть он оценил мои знания по физике на тройку…

– Три?! – чуть не вскрикнул я. – Что вы наделали, я же ответил правильно!

– Вы свободны, – отрубил педагог. – Скажите, пусть следующий войдет!

– Но вы же поставили мне тройку, я не пройду по конкурсу, не хватит баллов…

– Следующий! – выкрикнул педагог.

– Я не согласен! – возмутился я. – Я знаю физику!

– Можете подать на пересдачу, – хмыкнул он.

– Зачем мне пересдача?!

– Как хотите. Я вам русским языком сказал, вы русский понимаете?

Он был непреклонен. Пришлось выйти из аудитории.

Через день вывесили список поступивших. Я не нашел своей короткой фамилии. Одного балла не хватило… Но как сказать сестре о своем провале? А мама что подумает? А родственники? Нет, это невыносимо, надо что-то делать.

Бесцельно бродя по коридорам техникума, который чуть было не стал для меня родным, я незаметно оказался в боксе напротив приемной директора, совершено опустошенный, вяло продолжал соображать – как быть?

Из приемной вышла женщина невысокого роста и почему-то в черном платье, а ведь жара стояла неимоверная, август месяц перевалил на вторую половину. И кожа на ее лице тоже была сероватой, пальцы рук подрагивали, суетно поднося зажженную спичинку к кончику папиросы. Облегченно выпустив дымок, она спросила хрипловатым голосом:

– Не поступил?

Я утвердительно качнул головой.

– Сколько баллов не хватило?

– Одного не хватило.

– Один балл это не страшно. Документы только не забирай. – Она встряхнула пепел в урну и смерила меня долгим взглядом. Кто по национальности-то?

– Кореец.

– Из Кореи, что ли?

– Нет. В Казахстане родился.

– А-а, на юге. То-то черный весь… Один балл – это не страшно, – повторила она. – Ты вот что. Пусть похлопочет за тебя какой-нибудь человек, влиятельный, уважаемый, начальник какой-нибудь.

– У меня никого здесь нет.

– Тогда плохо… А так бы пришел человек, поговорил с Виктором Николаевичем, глядишь, и зачислили тебя… Один балл – это чепуха.

– А кто такой Виктор Николаевич?

– Директор техникума. Царегородцев Виктор Николаевич. Строгий он, принципиальный, но справедливый. С ним можно разговаривать.

– Никого у меня здесь нет, – еще раз пожалел я себя.

– Плохо, – сказала она. Бросила папиросу в урну и ушла к себе в приемную.

Вечером я поделился своими неладами с тетей Таней Курочкиной, та поцокала языком и опечалилась.

– И что ты собираешься делать?

– Наверное, поеду в Серов, может, сестра устроит меня на работу. Год поработаю, снова приеду поступать.

Тетя Таня призадумалась.

– Какой из тебя работник?! – откровенно кивнула на мою нездоровую ногу. – Придумай что-нибудь другое.

Я не знал, что придумать, и вдруг сказал:

– Тетя Таня, может, вы поговорите с директором техникума, больше некому, а?

– Ты что, сынок! Он меня и слушать не станет.

– Почему?

– Потому что, я кто? Кондуктор, инвалид. Не-е-ет, тут нужен настоящий человек, начальник…Ты вот что сделай. Сходи завтра в ДОРУС, к самому

начальнику, он ведь министр нашей дороги. Расскажи. Объясни, пусть сходит и поговорит с твоим батюшкой Царегородцевым, с него-то толк будет.

– А он меня примет?

– А ты добейся. Тебе нужен защитник. Подумаешь, один балл!

Всю ночь я ворочался на полке, представляя, как пойду к большому начальнику, к министру, объясню, что к чему, пусть скажет слово за меня, защитит, потому что я приехал издалека, никого у меня здесь нет, а сестра работает на железной дороге товароведом в городе Серове, в конце концов, что такое один балл, и вообще физик не прав, я ответил на все вопросы, он должен был поставить мне пятерку, а не тройку, проходной балл тринадцать, за что мне тройка, он, наверное, сам не знает, что внутреннее сопротивление передатчика должно быть равно внутреннему сопротивлению приемника, и тогда происходит максимальная передача энергии… К утру я заснул. И проснулся только к полудню. Умылся, оделся и по шпалам вышел к перрону, взобрался наверх, перекусил в рабочей столовой и подошел к абсиду громадного здания Управления Свердловской железной дороги.

Собравшись с силами, решительно открыл массивную дубовую дверь и вошел в огромный холл с куполом наверху.

– Ты куда, мальчик? – спросил старик-вахтер.

– Я из Казахстана, – солидно ответил я. – Мне нужно к начальнику дороги.

– Второй этаж направо, – смягчился вахтер.

Поднимаюсь по широченной мраморной лестнице с красными ковровыми дорожками, сворачиваю направо, в конце крыла нахожу дверь с табличкой «Приемная». Меня охватила предательская робость. Помедлил, вошел.

Возле окна, под ветвистой пальмой в деревянном чане, сидела дебелая секретарша и пила чай с лимоном из граненого стакана в серебряном подстаканнике. Она молча обернулась и ничего не сказала. Я постоял в дверях и тоже притих.

– Что надо, мальчик? – наконец спросила женщина.

– Я к начальнику.

– По какому вопросу?

– Мне очень нужно.

– По личному вопросу?

– Да.

– Сейчас обеденный перерыв. Еще полчаса.

– Я подожду.

Помолчали. И тут вошел в приемную солидный мужчина в сером костюме, глянул на свои часы, прошел мимо меня и скрылся за дверью своего кабинета.

– Это он, – спросил я, – можно к нему?

– Подожди, спрошу его. Чего это он раньше времени сегодня… – секретарша зашла в кабинет. Вскоре вышла и сказала вдруг вежливо:

– Заходите.

Я прошел мимо нее в дверь и оказался в большущем кабинете с высокими окнами на солнечную сторону. Тяжеленные шторы вдоль оконных рам внушали спокойствие и величие.

– Проходите, садитесь.

Я прошел и сел.

– Слушаю, – сказал министр Свердловской железной дороги.

Я собрался с духом и начал свое повествование.

– Приехал я издалека. Учиться. В Политехническом у меня не взяли документы из-за здоровья, я хотел выучиться на атомщика. В радиотехникуме хорошая стипендия, я мог бы на нее учиться, поэтому сдал документы туда. Физик на

экзаменах поставил мне тройку, и я не добрал одного балла, проходной был тринадцать. Физику я знаю на пять, а он поставил тройку, даже с четверкой я бы поступил, потому что математику сдал на пять и сочинение на четыре…

– Постойте, я не пойму суть дела, – остановил меня министр.

– Мне нужно, чтобы Вы пошли к Царегородцеву Виктору Николаевичу и попросили, чтобы меня зачислили, потому что мне надо учиться, и физику я знаю на пять…

– Кто такой Царегородцев?

– Директор техникума.

– Ну и что?

– Пожалуйста, похлопочите за меня, а то больше некому.

– Кто Вас надоумил пойти ко мне, кто подсказал?

– Тетя Таня Курочкина.

– Какая еще тетя Таня?

– Она работает кондуктором в мягких вагонах. Вагоны в тупике стоят, там живут молодые специалисты, которые приехали сюда на работу.

– О чем это Вы? – растерялся министр. – Причем тут мягкие вагоны?

– Я живу в купе мягкого вагона, их два, там живут молодые специалисты, а тетя Таня как хозяйка этих вагонов, у нее больные ноги, поэтому Вы поручили ей присматривать за этими вагонами и получать нормальную зарплату.

– Молодой человек, Вы меня совсем запутали. Давайте по порядку.

– Вам нужно сходить в техникум, переговорить с Виктором Николаевичем, он человек справедливый, пусть зачислят меня, я хочу учиться, только надо, чтобы Вы объяснили ему как следует.

– И он послушается меня? Почему?

– Потому что Вы большой человек, министр железной дороги, как Вы не можете понять!

– Да, не понимаю!

– У меня здесь никого нет, никого, понимаете? Я приехал издалека, чтобы поступить в техникум, а мне поставили тройку по физике!

– Что за техникум?

– Радиотехнический. Но я не добрал одного балла и надо сказать директору, что один балл – это не так страшно, можно меня зачислить.

– Почему именно в этот техникум, Вы что знаете радиотехнику?

– Знаю. А физик поставил мне тройку, потому что сам не знает про внутреннее сопротивление передатчика, которое должно быть равно внутреннему сопротивлению приемника, и тогда происходит максимальная передача энергии, я же не виноват, что он не знает этого…

– Стоп! Вы совсем заморочили мне голову. Причем тут внутреннее сопротивление?

– У передатчика и приемника есть внутреннее сопротивление, оно…

– Стоп, я сказал!.. Теперь буду спрашивать я. Вы хотите, чтобы я поговорил с директором техникума насчет вашего зачисления, так?

– Так.

– Так. Вопрос второй – вы куда поступали, в радиотехникум?

– Там стипендия триста шестьдесят рублей.

– Довольно! Вы поступали в радиотехникум. А пришли куда?

– К Вам. Если Вы хорошенько объясните директору, меня зачислят.

– Подождите! Радиотехникум относится к радиотехнической промышленности, а Вы пришли… Кстати, Вы хорошо понимаете по-русски?

– Я закончил русскую школу. И сочинение написал на четыре. Про Онегина, лишнего человека.

– Так вот, я русским языком объясняю, что Ваш техникум относится к радиотехнической промышленности, а Вы пришли в управление железной дороги, это же разные ведомства, Вам это понятно?

– Но у меня никого здесь нет! Я живу на железной дороге, в мягком вагоне, кто-то ведь должен похлопотать за меня, защитить!

– И Вы считаете, что этим должен заниматься именно я?

– Ну что Вам стоит?!

– О боже!.. – министр с ожесточением вытер пот со лба. Взял ручку, небольшой листочек бумаги и что-то черкнул на нем. Сложил вдвое и протянул мне.– Идите в отдел кадров, это на этом же этаже, в другом крыле. Передайте Аркадию Ивановичу, он начальник отдела.

Я взял листочек и понял, что министр отделывается от меня.

– Вы не хотите поговорить с директором, – не столько я спрашивал, сколько подводил итоги своего визита. А ведь было мгновение, когда мне казалось, что он заинтересован в моей судьбе и примет активное участие в ней…

Вконец расстроенный, я поплелся в отдел кадров. Войдя, сразу же оказался перед высоким парапетом-ограждением и, слегка привстав на цыпочки, увидел за ним двух степенных дам, приблизительно одного возраста, лет за сорок, и даже прическами схожих – локоны светлых волос были аккуратно завихрены.

– Здравствуйте, – поздоровался я.

– Здравствуйте, – ответили они, заметив над панелью мою голову.

– Меня послали к Аркадию Ивановичу. Вот… – и я показал бумажку.

Та, что сидела за ближним столом, встала, подошла и развернула листочек. Прочитала и вернула мне.

– Аркадий Иванович скоро придет, посидите, – сказала она и указала на стул в конце боковушки.

Я последовал ее совету, сел и совсем исчез из поля зрения женщин. Напротив увидел дверь с табличкой «Начальник отдела кадров».

Вскоре появился он сам, Аркадий Иванович. В легкой китайской рубашке на выпуск светло-бежевого цвета с короткими рукавами. Худенькая, но внушительного размера кожаная папка, обшарпанная донельзя. Был он невысокого роста, полноватый. Дышалось ему нелегко, на залысинах бисером проступали капельки пота.

– Аркадий Иванович, к Вам человек, – сказала женщина, подошла к парапету и указала на меня.

Аркадий Иванович обернулся. Я приблизился и протянул послание. Он развернул, прочитал. Потом уставился на меня обреченно и коротко сказал:

– Ждите, – и скрылся за дверью своего кабинета.

Затем он вышел, ушел из отдела, и долгих четыре часа я томился в ожидании, теряя крохи надежды на его возвращение. Я не обедал и очень хотелось есть. Уходить было нельзя, вдруг он объявится, а меня нет? Утомленный жарой и пустым желудком, я заснул на стульчике. И проснулся от горячего прикосновения мягких пальцев Аркадия Ивановича.

– Извините, – сказал он. – Идемте. Куда ехать?

– Пятый трамвай в сторону Верх-Исетского завода, остановка «Токарей», – выпалил я.

И мы спешно вышли из здания Управления Свердловской железной дороги. Торопились, потому что шел седьмой час, директора техникума могли не застать. Дождались трамвая пятого маршрута.

Был час пик, люди спешили, угрюмо работая локтями. Мы с Аркадием Ивановичем успешно протиснулись в вагон. Я старался не отставать от него и чудом ухватился за деревянную спинку сиденья, на котором сонно расположился

коренастый пассажир. Аркадий Иванович наклонился к нему и что-то стал говорить. В ответ пассажир встал и недовольный продвинулся вперед. Аркадий Иванович усадил меня на освободившееся место, и мы продолжили путь.

В трамвае было душно. По щекам моего спутника струился пот. Китайская рубашка на его плечах и в подмышках потемнела от влаги. Где-то на полпути мне стало не по себе оттого, что я комфортно еду на сиденье, а Аркадий Иванович, весь взмокший, трясется под стук колес, держась одной рукой за верхний поручень, а второй прижимая к себе обшарпанную кожаную папку.

Я приподнялся:

– Садитесь, Аркадий Иванович. Поменяемся местами…

– Нет, нет, сидите.

Выйдя на остановке «Токарей», я указал на пятиэтажное здание радиотехникума. Аркадий Иванович тоскливо взглянул на пологий холм с тропкой и поручнями, по который нам предстояло подняться на вершину.

Поднимались мы медленно. Передохнули на серединной площадке и снова стали карабкаться. Наконец взобрались и опять заторопились.

Уже полседьмого, но я был уверен, что директор техникума на месте и ждет свидания с нами. И когда Аркадий Иванович поговорит с ним, объяснит, почему он, отложив все дела, срочно прибыл сюда, меня обязательно зачислят в техникум.

В приемной директора, возле двери в кабинет, сидел на стуле человек в военной форме и терпеливо ожидал своей очереди. Очевидно, кто-то уже вошел к директору и просил за своего сына или племянника, не прошедшего по баллам.

Аркадий Иванович вежливо поклонился секретарше в черном платье и с серым лицом.

– Виктор Николаевич у себя? – спросил он ее.

– Да, – ответила она. – Товарищ майор тоже на прием.

– Хорошо, я за Вами, – сказал Аркадий Иванович военному человеку и присел рядом на соседний стул.

Секретарша многозначительно посмотрела на меня, улыбнулась чему-то и легонько вывела из приемной в бокс, где обычно курила. Задымив папиросой, она спросила:

– Кто он?

– Аркадий Иванович, – ответил я.

– Я спрашиваю, по должности кто он, в почете каком дяденька твой?

– Начальник отдела кадров.

– Министерства?

– Ах, вот как… А говорил, что никого у тебя здесь нету.

– Как вы думаете, зачислят меня или нет? – спросил я ее.

Она пожала плечами.

– Целый день сегодня ходят к Царегородцеву, твой чуть ли не двадцатый. Почти всем отказ, – бросила она. – Ты побудь здесь, нечего в приемной торчать. – и ушла к себе.

Ей-то легко говорить «побудь здесь», а каково ждать… Эх, Аркадий Иванович! Если бы Вам удалось уговорить неприступного директора принять меня в техникум, Вам бы не пришлось краснеть за меня, учился бы я как следует и всю жизнь благодарил Вас, маме бы рассказал, какой Вы есть добрый и мужественный человек, взял да и пошел доказывать к самому Царегородцеву… Кстати, где и когда он успел узнать, что директора зовут Виктором Николаевичем? Наверное, начальник Управления все ему рассказал, что я приехал издалека, на обратную дорогу денег нет, что физику я знаю на

пятерку и даже больше, что мне необходимо учиться именно в этом техникуме, здесь хорошая стипендия, а для меня это очень важно, потому что неизвестно, какой урожай риса соберет мама в этом году и сможет ли она продать его, кругом милиция, могут все отобрать, если не иметь нужной бумажки об аренде земли на пустырях, а сестра – молодой специалист, какую зарплату ей положат, хватит ли мне помогать… Надо, обязательно надо поступить в радиотехникум!

Из директорской приемной вышел тучный мужчина в темном костюме и галстуке и зашагал прочь. Выражение лица его было сердитым.

Я заглянул в приемную. Майора уже не было. Аркадий Иванович ждал своей очереди.

…Черт меня дернул за язык, не надо было распространяться про внутреннее сопротивление. Физик тоже хорош! Ну, не знал или забыл, что внутреннее сопротивление передатчика и приемника определяют максимальную передачу энергии, зачем же обижаться на меня, усмири гордыню свою, поставь четверку, она мне во как нужна!...

Из приемной вышел майор. Лицо его выражало явное удовлетворение. Должно быть, он уговорил, доказал, что юноша, за которого он хлопочет достоин учиться в техникуме, а в будущем Отечество будет гордиться оригинальностью его конструкторского мышления.… Слегка подпрыгивая на ступеньках, майор спустился вниз и ушел.

Аркадий Иванович, наверное, уже разговаривает с Царегородцевым. Надо было мне тоже пойти вместе с ним, вдруг забудет, упустит что-нибудь важное касательно моих дел, отвлечется на малозначительное, второстепенное, типа внутреннего сопротивления… Ладно, теперь уже поздно дергаться, пусть будет, что будет, не я первый, не я последний, в следующий раз подготовлюсь более основательно и не буду нести, что попало. Но как перенесет мою неудачу мама? А сестра?

Открылась дверь приемной. Вышел усталый Аркадий Иванович. Я к нему. Остановился перед ним с немым вопросом.

– Идемте, – сказала он почти бездыханно. – Кажется, Вас зачислят.

– Кажется или точно? – заволновался я.

– Обещал рассмотреть Вашу кандидатуру.

– Как это рассмотреть, когда?

–Приходите завтра. Возможно, в дополнительном списке Вы найдете свою фамилию. Он записал и поставил галочку против Вашей фамилии.

– А если не найду свою фамилию? – вырвалось у меня.

– Думаю, что найдете, – он помолчал. Потом: – А про внутреннее сопротивление старайтесь не упоминать больше, тем более на экзаменах.

И про это он знает! Начальник Управления рассказал… Как хочется есть…

Вышли на улицу. Я предложил:

– Аркадий Иванович, туту недалеко забегаловка, там водку пьют, но и покушать можно. Я очень хочу есть, пойдемте?

– Нет, молодой человек, я на работу спешу.

– Так уже восемь часов…

– Писанины много, заберу бумаги домой.

– Так я тоже на вокзал, я там живу!

– Ну и прекрасно, поехали. Трамвай номер пять, – улыбнулся он.

– Да!

…Меня зачислили и я окончил техникум по специальности «конструирование радиоаппаратуры». Получил направление – радиозавод города Барнаул, это на Алтае.

За три года учебы я как-то раза два-три вспоминал Аркадия Ивановича, своего благодетеля и «защитника», как сказала тетя Таня Курочкина, но так и не навестил его, не высказал слова благодарности и до сих пор корю себя за это. Молодость зачастую бывает неблагодарной. Что стоило мне приехать на трамвае пятого маршрута, подняться широченными лестницами на второй этаж, зайти в отдел кадров и сказать:

– Аркадий Иванович, меня ведь зачислили, и я учусь в радиотехникуме, получаю хорошую стипендию, и все это благодаря вам. Спасибо, Аркадий Иванович!

Так нет же, не навестил, не сказал… Защита диплома прошла успешно, распределением на работу доволен – военный радиозавод, эвакуированный в годы войны на Алтай, маме в Уштобе написал, что как определюсь в Барнауле с жильем, так заберу ее к себе, дал телеграмму сестре, все довольны и счастливы.

Сегодня прощальный вечер, который, по инициативе Вовки Епаньчинцева, решили устроить в его доме. Дом частный, праздничный стол можно накрыть прямо во дворе. Вовка женат, ребенку два годика. В нем самом было что-то цыганское, хотя он говорил, что русский и фамилия русская, уральская, и жена русская. А ребенок точно цыганенок, и пластинки у него были с цыганскими песнями и романсами. Сидя в стороне и наблюдая, как девчонки хлопочут, накрывая стол, я вдруг вспомнил Аркадия Ивановича, заволновался, молнией сверкнула идея навестить его сей же час, вскочил:

– Ребята, я отлучусь на часок, мне очень надо?

– Куда ты, скажи, что случилось?

– Вернусь, расскажу. Мне надо свидеться с Аркадием Ивановичем!

– Мы все тут выпьем без тебя!

– Не успеете, я быстро! – и убежал.

В гастрономе выбрал самый большой торт, ни разу в жизни не пробовал, даже не мечтал, взял такси и вскоре оказался на привокзальной площади, перед абсидой огромного здания Управления Свердловской железной дороги. Поднимаюсь по той же самой широченной лестнице с красными коврами, открываю дверь отдела кадров и в возбуждении застываю у парапета-ограждения, за которым сидели те же инспектора-женщины с неизменными прическами белокурых волос.

– Здравствуйте! – чуть не кричу я, приветствуя их.

– Здравствуйте…

– Не узнаете меня?

Женщины не узнавали.

– Я тот самый чудак, за которого хлопотал ваш Аркадий Иванович, потому что у меня не хватило одного балла! Аркадий Иванович уговорил директора техникума, и вот я уже закончил его! Он у себя? – кивнул я на дверь с табличкой «Начальник отдела кадров».

– Аркадий Иванович…

– Да! Я пришел поблагодарить его. Вот! – я поднял картонную коробку с тортом и поставил ее на парапет.

Женщины не прореагировали. Более того, та, что поближе ко мне сидела, отвернулась и стала вытирать слезы с кончиков ресниц.

– Я к Аркадию Ивановичу, помните, три года тому назад, в августе, я был у Вас…

Затянувшуюся паузу прервал тихий голос женщины, что утирала слезы:

– Аркадий Иванович три года тому назад… умер. В сентябре месяце.

– Умер? – почему-то переспросил я.

– Да… Он всегда был такой. Всем помогал… И Вам, значит, он помог.

Я растерялся, не знал, что сказать. И как поступить с тортом.

– Аркадий Иванович… Можно я торт оставлю… вам. Можно?

– Нет, что Вы. Не надо. Спасибо.

Не торопясь, я вышел на улицу. Почему-то решил, что спешить мне незачем, пусть ребята начинают застолье без меня. Дождусь и сяду в трамвай номер пять, проеду остановку «Токарей», сойду на конечной, оттуда пешком совсем недалеко до дома Вовки Епаньчинцева, сегодня прощальный вечер… В трамвае, наконец, я понял – Аркадий Иванович умер.

– Ты смотри, успел? – удивились ребята. – За тортом что ли бегал? У нас теперь два торта, девчата, целуйте нашего корейца!

К праздничному столу был куплен большущий торт и разрезан на множество мелких ломтиков, чтобы всем хватило. Но девчата знали, что большинство «джентльменов» откажется от своей порции в пользу девчат, и тихо радовались тому.

Я передал торт Вовке, он – девчонкам, и те стали резать его на мелкие кусочки, усердно облизывая при этом кончики пальцев.

– Это от Аркадия Ивановича, – сказал я.

– Хороший человек твой Аркадий Иванович, – сказал Вовка.

– Надо было пригласить его к нам!

– Конечно! Сбегай, пригласи!

Я ничего не ответил.

Хамидова Малика

Нана

Ма дуьне дассий ахь, суна, сан нана,
1ожалло къастий хьо, хеназа,
соьх д1а,
Хьо йолуш хетара х1ара суна дуьзна
Хьо йолуш хетара х1ара суна сирла,
Дашо малх хетара даимна къежаш,
Беттаса хетара сайн дуъхьа кхеташ,
Амма х1инца ма беъна
сан даг т1е бода.
Кхи цкъа а хир дац хъо,
Дог, иштта токха.

Сий дейша вайн наной
дуъненчохь болуш,
Эцийша дог цера, хаза дош олуш.
Бехаш бац вай наной
дуьненчохь беха,
Сихлойша наношна дегайовхо яла.

Йис йилланча санна
хьан к1айелла месаш,
Г1айг1анаша баланаша
хабийна юьхь-чкъор,
Хийлаза мерза наб хьо яйна лелла,
Доьзална са дууш, ахь хало лайна.

Ненал деза дац дуъненчохь х1ума,
Нана ю вай йовхо, нана ю марзо,
И елча юссуш ю вайн даг т1е шело,
И елча кхулуш ду
х1ара маьлха дуьне.

Вай наной дикалла йист йоцуш ма ю,
Ваш наной мерзалла ца
к1ордош ма ю,
Вай нана еза ю, и диц ма дейша,
Цуьна даге хьожуш ву и Дела ша а.

Ма дуьне дассий ахь суна, сан нана,
1ожалло кьастий хьо хеназа соьх д1а.
Хьо йолуш хетара
х1ара дуьне дуьзна,
Хьо йолуш хетара х1ара дагна сирла,
Амма х1инца мел къегина
дашо малх хьажарх,
Ца хета б1аьргашна
хьалха санна сирла,
Басталац малхе хьо,
сан дагна бина ша!

Хууш яц, сайна х1ун хилла

Хууш яц, сайна х1ун хилла:
Дег1 дагца эг1а сан доьлла,
Хьалха санна маса дац болар,
Когаш со х1инца текхо йоьлла,
Б1аьрса дац хьалха санна сирла,
Юучун чам ца хета мерза,
Хууш яц, сайна х1ун хилла.
Схьагарехь, д1аяхна хан са,
Къаналло детта шен дог1а,
Амма дог цунах ца кхета
Хъалха санна иза д1аг1ерта.

Ма г1ерта, ма г1ерта, дог, д1а,
Чехадеш тишделла дег1 са,
Къийсалац дег1е хенаца,
И хаий, хьо юхадала.

«Со бен мила ву?» – баьхнарг,
Х1ара дуьне гоьллел ца деънарг,
Цуънгара а баькхина мукъ схьа,
И хено хаийна охьа.

Хьалха санна хазахета дуьне,
Ца лаьа хьо охьадилла,
Амма хено, инарло санна,
Тухур ду шен омра дагна,
Аьрха дог сацор ду хено,
Далор ду дег1аца берта!

Дахаран г1улч

Аьтта, деман цу бина йолу
Г1аланаш хъалаг1аьттина,
Г1ора дайъина, г1елдина долчу
Халкъан чу са деана,
Дахар шуьйра г1улчаш йохуш
Денно-дено хазлуш ду,
Оцу хъокъехъ ницкъ ца кхоош
Лелаш къона баьчча ву!

Къона паччахь,
Къоман баьчча,
Хьан б1аьргийн нур ма сирла ду,
Массо метте и кхочуьйтуш
Ахь мохк тобеш, кхиош бу!

Муьт1ахь ву хъо
Хьайн къомана,
Дика к1ант дена ма-хиллара,
Хьо турпала волу дела
Тхо хьо Деле воьхуш ду!

Кегирхошна, баккхийчарна,
Дуьненан ирс ахъ даржийна,
Машар бина, барт а бина,
Нохчех цхьа къам ахь дина!

Уггар коьрта: г1иллакх, ларам, тешам
Буй ахь хаийтина,
Г1о-накъосталла вовшийн эшахь
Дан дезий ахь хаитийна,
Дине дерзийна, дог-ойла ц1анйина
Адмаш ахь д1ах1иттийна.

Аьтто боьхна стаг вуйла хиъча,
До ахь даггара цунна г1о,
Де эшна стаг вуьйла хиъча –
Лоцу цунна ахь дакъа,
Хьо ца веза бахьна доцуш,
Къоман тоьлла к1ант ву хъо!

Ойла ю хьан – сирла седа,
Шовда санна, ц1ена ду дог,
Турпалхочун амал ю хъан,
Майра ву хьо, лом санна.
Хьо турпалхо кхиийна йолу
Сийлахь нана Аймани,
Синтем Дала цунна лойла,
Рамзан ларвеш, лелавеш.

Дахар шуьйра г1улчаш йохуш,
Дено-дено хазлуш ду,
Оцу хъокъехь ницкъ ца кхоош
Лелаш къона баьчча ву!

Ца лаьа

Дика делахь олхазар, шен бешахь дека,
Дика велахь къонаха, шен махкахъ веха,
Цунна оьшуш ца хуьлу генара зурма,
Цо Даймохк ца хуьйцу дуьненан рицкьах.

Боху соь, Европехь хаза ду вехаш,
Америк ю боху, инзаре ехаш,
Хьо цига д1аваг1ахь, хира ву хьо вехаш
Боху соь, доттаг1о, хийра мохк марзбеш.

Ца лаьа Европе д1авеъна ваха,
Эшац Америка шен бахамашца,
Вог1ур ву хъошалг1а со шух б1аьргтоха,
Амма Даймохк д1атесна, вог1ур вац ваха.

Битлур бац соьга хьо, сан Нана-Даймохк,
Мел кьаьхьа хиларх хьо, сан кхоллам кхузахь,
Валанза ца ваьлла, со гена валахь,
Сагатдо ас хьуна, беро нанна санна,
Далац б1аьргашчуьра суна хьан сурт д1а.

Хама бо ас Даймехкан, хастам бо Далла,
Хьо сайна баларна, нохчо со хиларна,
Дай баьхначу латтат1ехь ваха йиш хиларна,
Со велча цуьна кийра верза йиш хиларна.

Проза

Бана Магомадова

Трудности любви

Рассказ

1

Предаваясь разным мыслям, лелея сокровенные мечты и желания, развалившись, на диване лежал мужчина. Звали его Хасан. Лоснящееся лицо, маленькие круглые зеленые глаза, толстые губы делали его похожим на зажравшегося сытого кота. Но больше всего он думал о своей соседке Мариже, образ которой постоянно возникал перед его взором, неотступно преследовал, волновал. Мариже было лет тридцать. Высокая, худая, статная – она производила впечатление красивой молодой женщины. Была дважды замужем. Слыла шустрой и энергичной. Общепринятое мнение говорило, что ей на язык лучше не попадаться. Затевать с ней спор было бесполезно: она из него всегда выходила победительницей. К тому же была настолько горделива и заносчива, что не всем разрешала с собой разговаривать, то есть не всякого удостаивала такой чести…

Хасан наблюдал за ней тайком, понимая, что его мечтам о ней не сбыться никогда. Он был женат, были и дети. Но дело было не в этом. Если бы даже Хасан был человеком одиноким, он не надеялся, что когда-нибудь Марижа могла бы быть его женой. Однако любовь к ней кипела в душе Хасана с каждым днем все сильнее. Он думал о ней много! Тысяча мыслей рождалось в его голове: «Когда-нибудь ты обязательно попадешься ко мне. Пусть будет на то воля Всевышнего!» Ему казалось, что так оно и будет. От этого его сердце наполнялось теплотой и тихой надеждой.

– Ва къонах[1], сколько раз мне тебе говорить, чтобы ты перекрыл крышу на сарае?! – раздался в этот момент громкий голос жены, вошедшей только что в дом…

Сладкие мысли Хасана были разрушены!

– Чтобы ей свалиться вовсе, этой твоей крыше! – произнес в сердцах мужчина и пулей выскочил из дома, натягивая фуражку на свою большую голову.

– Да что с тобой?! Какой-то ты другой стал! – сказала жена, остановившись в дверях, глядя вслед мужу и недоумевая. Она подозревала, что с ним что-то происходит в последнее время.

Хасан же, совсем уже отчаявшись, все еще продолжал тайком наблюдать за Марижой. Она, как и прежде, не обращала на него никакого внимания.

Марижа часто навещала свою бабушку, которая также жила на этой улице, но на другом ее конце. Однажды, в один из вечеров, он увидел, как молодая женщина заходит в дом своей родственницы. Тут же, тайком, из окна Хасан стал тихо наблюдать за воротами дома, куда вошла Марижа, надеясь хотя бы на мимолетную встречу с ней. Уже стемнело совсем, а Марижа все не шла. Из-за пасмурной погоды безлунный вечер казался еще темнее.

2

Вдруг, неожиданно для себя, словно он что-то вспомнил, Хасан выскочил из дома. Пройдя быстрым шагом половину улицы, остановился. Оглядевшись, увидел с правой стороны старое ореховое дерево, возвышавшееся около чужого

двора. За ним Хасан и решил спрятаться. Прошло еще какое-то время, когда Марижа показалась. Он боялся, что кто-то выйдет со двора дома и его могут увидеть. От большого волнения и напряжения ему казалось, что его парализует. Еще через какое-то время вокруг воцарилась тишина. Но та, которую он ждал, никак не хотела идти. Хасан терял терпение. Словно барабанная дробь, билось сердце. Его трясло, как будто он был охвачен лихорадкой.

– Чтобы тебе там замерзнуть! – послал он проклятие в адрес женщины. – Что же тебя там так удержало, ведьма ты, рожденная ведьмой! Сколько я должен сидеть здесь, вцепившись в это дерево, будто я обезьяна?

Но вдруг тишину ночи нарушил шум шагов. Хасан, затаившись еще сильнее, стал прислушиваться к ним. К этому времени сквозь черные тучи показалась и луна. Стало немного светлее. Шум шагов стал приближаться. Хасан понимал, что это могла быть только Марижа. «Вероятно, она, боясь темноты, решила быстро добежать до своего дома, – думал поджидающий ее мужчина. – Хоть бы мне успеть, пока эта чертовка не пронеслась мимо», – Хасан собрал все свои силы к решительным действиям.

– Эй, не подведи меня, не позорь меня, никто из моих дедов и прадедов не терпел позора, – произнес он, пытаясь подбодрить себя. Едва разглядев при лунном свете силуэт любимой женщины, он внезапным рывком набросился на Марижу. Что произошло дальше?! Мужчина никак не мог свести одно с другим! Все было похоже на немое кино! Оно же и кончилось, пока герой успел разобраться в том, что произошло. Хасан еще не успел дотронуться до женщины, когда он, словно футбольный мяч, по которому нанесли сильный удар, уже катился по земле. Сама же Марижа, не останавливаясь, ветром промчалась мимо него.

Когда Хасан пришел в себя, он понял, что лежит на обочине дороги. Издавая глухие стоны, он попытался пошевелиться. Расцарапана половина лица, болели шея и один глаз. Превозмогая боль, Хасану едва удалось посадить свое отяжелевшее от боли тело. Под рукой оказалось какое-то небольшое бревнышко. Видимо, об него он и ударился, что так сильно ноет шея. А от чего же глаз-то разболелся, – все не мог понять он. Большим усилием воли ему все-таки удалось подняться с земли. Его едва удерживали ноги!

– О Аллах, она чуть не убила меня, – произнес он дрожащим голосом. – Я был похож на неуклюжего медвежонка, – продолжал он, возмущенно удивляясь тому, что произошло.

3

– Чтобы тебе превратиться в один из столбов ада![2] Она будто молния! Да чтобы все мои грехи на тебя свалились. Что же это было?! – думал он, еле ковыляя по дороге домой. – Я буду не я, и моя мать Хулимат меня родила не моему отцу Умхе[3], если я тебе это забуду, – тихо произнес Хасан, погрозив кулаком в сторону, куда убежала Марижа.

Придя домой, Хасан сразу отправился в свою комнату. Он очень боялся, что жена увидит его в таком виде. Внимательно разглядев себя в зеркало, понял, что в схватке с Марижей он «пострадал» серьезно: лицо было в синяках, глаз красный, больной!

– Видимо, она мне своим сухим локтем и попала в глаз, – предавался горьким раздумьям мужчина. – Чтобы сократилась твоя жизнь, ешап[4]! Если бы ее локоть не был таким сухим, возможно, мне было бы не так больно!..

Тем временем глаз разбух вовсе.

– Остопируллах[5]! Как же она со мной! – все сокрушался Хасан. Позже он

обнаружил, что повреждена и нога… – Да спаси меня Всевышний от тебя! Кто бы мог подумать, что в этом худом, костлявом теле столько силы!

Но больше всего в этой ситуации его мучил страх, что Марижа могла узнать его…

После этого случая Хасан и вовсе перестал выходить из дома. Залечивал свои физические и душевные раны. И, судя по тому, что с улицы не было никаких вестей о том, что произошло между ним и красавицей Марижей, было ясно,что никто и не догадывался об этом.

– Она меня, скорее всего, не узнала, – утешал себя Хасан.

А жене своей он соврал, что упал с крыши сарая. При этом взял с нее слово, что она никому не расскажет о том, что случилось…

На этом и закончилась безнадежная любовь Хасана к Мариже!

---

[1] Ва къонах (мужчина) – традиционное обращение чеченки к мужу. Считается, что чеченка из уважения к мужу не должна называть его по имени.

[2] Одно из традиционных проклятий чеченцев.

[3] Традиционное чеченское заклинание.

[4] Ешап – мифологический образ; упырь, леший.

[5] Остопируллах – одно из обращений к Всевышнему. Употребляется обычно, когда человек потрясен, удивлен чем-то.

Перевод с чеч. Субар ИНАРКАЕВОЙ.

Дебют

Ислам Сайдаев

Родился в 1972 году в Грозном. В 1995 году окончил филологический факультет ЧИГУ. Журналист. Автор работ по проблеме противодействия экстремизму и терроризму. Пишет стихи с 1991 года. В настоящее время работает начальником отдела по связям с общественными и религиозными организациями департамента национальной политики Министерства по национальной политике печати и информации ЧР. Публикуется впервые.

Я не Хайям...

***

Нет меры в мире щедрости Аллаха,
Их сосчитать не в силах даже «муж безумный».
Щедроты Господа в нас поселяют радость,
А их утрата укрепляет мудрость.

Нам часто милость кажется бедою,
А беды принимаем за благое.
И нам неведомо, что счастьем обладаем,
Пока его совсем не потеряем.

***

В сравнениях лестных зашел далеко,
Стихи о любви мне даются легко –
Нет, я не глупец и пустой рифмоплет –
Так сердце тобою полно и поет!

***

Словно луч света в моем окне в ночи,
Словно зимою тепло углей в печи,
Ты явилась, как пери из дивных грез…
Думаешь, вновь шучу? А я всерьез!..

***

Ни Би-Би-Си, ни Си-Эн-Эн,
Ни НТВ, ни Аль-Джазира –
«Ца сахт»[1] свидания с тобой
Дороже мне всех новостей эфира!

***

Чудес в подлунном мире
нам не счесть,
Но признанных лишь семь чудес
и есть.
И все ж, любовной
вдохновленный лирой,
Зову тебя – Восьмое Чудо Мира!

***

Я не Хайям – вино я ненавижу,
Одну лишь женщину,
как пьяница, люблю:
Прекрасный стан когда ее увижу –
Душа зовет к чернилам и перу.

***

Любовь – болезнь, и я болею.
Но о страданье не жалею,
Ведь то любви моей пожар.

Страданье очищает совесть,
И лечит душу наша горесть,
Зло превращая в перегар.

Я от любви к тебе болею,
И пусть от этого истлею…
Если меня тебе не жаль.

Гули[2]

Восток прозвал вас – Гуржистан[3]
В честь славных райских гурий.
А я зову вас Гулистан,
что сердце умыкнули.

Виноград

Был подвергнут жестокой я пытке –
Превратился из твердого в жидкий.
А в итоге меня лобызают,
И с любовью «вином» называют.

***

Почему ко мне ты так жестока?
Почему глядишь по сторонам?
За твои блистательные очи
Все, чем горд, безропотно отдам.

Халиф на час

Недолго правили халифы,
мне поверь!
А коль не веришь, то и сам проверь.
Пока ты правишь, сей одно добро –
А как уйдешь, пожнешь плоды его.

---

[1] Цхьа сахьт (чеч.) – один час.
[2] Гули – фантастическое существо в образе женщины. По поверьям арабов, они подстерегали одиноких путников и пожирали их. Гулистан здесь страна этих существ. Гуль – Гули (гр. яз) – сердце. Здесь игра слов в стиле персидского стихосложения.
[3] Гуржистан – Грузия.

Наше интервью

«Ищите камень…»

Для человека, считающего себя вайнахом и ощущающего, хотя бы на подсознательном уровне, неразрывную связь с народом и отчим краем, Сайд-Магомед Хасиев – уникальный собеседник, ученый, интеллектуал, человек с трудной и интересной жизнью и судьбой. Он везде востребован и всегда безотказен, несмотря на возраст и здоровье. Его творческая и личная жизнь полны исканий, открытий и напряженного труда. О диапазоне его научных интересов говорят сами за себя заголовки и темы его научных публикаций: «О некоторых древних чеченских оберегах», «Кто такие амазонки?», «К вопросу о генезисе жилища вайнахов», «О социальном содержании института «тайп» в XIX – начале XX вв.», «Об основных типах вайнахских пахотных орудий», «Институт ухаживания у чеченцев», «О возможных интерпретациях некоторых черт погребального обряда у древнейшего населения Северо-Восточного Кавказа» и т.д.

Сайд-Магомед Адамович Хасиев – кандидат исторических наук, действительный член-корреспондент Академии наук Чеченской Республики, участник многих всесоюзных, международных научно-практических, тематических конференций, симпозиумов и др. Он много лет проработал в Чечено-Ингушском НИИ истории, языка и литературы. В 1973 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Земледелие Чечено-Ингушетии XIX – начала XX вв.», получив ученую степень кандидата исторических наук. С-М. Хасиев внес значительный вклад в дело освещения и пропаганды культурно-исторического наследия вайнахов, ведет активную общественно-научную деятельность как ученый-этнолог, историк-краевед.

В этом году он отметил свой семидесятилетний юбилей. Вниманию читателей предлагаем интервью с юбиляром.

– Сайд-Магомед, Вы прожили долгую и, наверное, нелегкую жизнь. Год Вашего рождения – тысяча девятьсот сорок второй. Это – голодные и холодные годы раннего детства в депортации и мечты о Кавказе, который Вы рисовали и видели в своем воображении… Расскажите об этом.

– Родины, конечно, я не помнил, так как мне в день выселения, двадцать третьего февраля тысяча девятьсот сорок четвертого года, исполнилось ровно два года. Когда всех уже погрузили в «студебеккер», вдруг обнаружилось, что меня нет с семьей. Матери не было с нами в тот момент, она побежала на окраину нашего Курчалоя, чтобы узнать участь своих родителей.

Старший брат Сайди часто бегал в полк НКВД, там его называли любовно «сыном полка», и к тому времени он уже неплохо говорил по-русски.

Так вот, Сайди спрыгнул со «студебеккера» и побежал домой, подпрыгивая

на костылях (у него была нога в гипсе из-за недавнего перелома.) Конвоиры схватились за оружие, но так как он выкрикивал заученные от них же лозунги: «За Ленина, за Сталина!», не посмели стрелять.

Сайди забежал в наш дом, выхватил меня из кровати и, взвалив на спину, доковылял до тронувшейся колонны «студебеккеров». Таким был мой день рождения в тот памятный февраль сорок четвертого года… Со школой я запоздал из-за хронической болезни легких: в эшелоне, в телячьем вагоне, продуваемом насквозь, я простудился.

В тысяча девятьсот пятидесятом году меня приняли в семилетнюю школу колхоза им. Ленина Ворошиловского района Фрунзенской области. Ее директором был добрый и отзывчивый педагог Павел Гаврилович Суханов. Также с благодарностью вспоминаю свою первую учительницу Анастасию Герасимовну. Из всех предметов я больше любил математику и географию. Особенно меня привлекала географическая карта, на которой я «отыскивал» Грозный, Курчалой и «путешествовал» от моря до моря по Кавказским горам.

В тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, не дождавшись официального разрешения властей, мы выехали на Кавказ, бросив дом и все нажитое. Опять ехали в товарном вагоне, но уже на родину и – свободные…

Запомнилось, как взрослые, высматривая, когда покажутся горы, вдруг закричали: «Г1ундалг1еш, г1ундалг1еш!» – то есть «Бузина, бузина!». Даже этот знакомый всем кустарник, росший на обочине железной дороги, показался нам родным – такова была жажда поскорее увидеть родные места…

Наше родное село Курчалой называлось в то время Шурагат, и там жили переселенцы из Дагестана и других областей Советского Союза.

– Сайд-Магомед Адамович, расскажите читателям немного о науке «этнология». Что она изучает, какие сферы общественной деятельности ее интересуют, какова история ее возникновения и каково различие между научными терминами «этнография» и «этнология».

– В античные времена древние греки употребляли слово «этнос», когда указывали на людей других национальностей. Так, к примеру, русские, не понимая чужой язык, говорят: «Да это не русский кто-то…»

Это греческое слово «этнос» (народ) легло в основу терминов «этнография» и «этнология». Вплоть до девятнадцатого века понятие «этнология» не обозначало особую науку, а только употреблялось при описании различных этнографических процессов. В тысяча восемьсот тридцатом году французский ученый Жан Жак Ампер разработал общую классификацию антропологических, то есть гуманитарных наук, среди которых выделил и этнологию.

Как самостоятельная наука этнология утверждена после основания в тысяча восемьсот тридцать девятом году Парижского общества этнологии. Но до сих пор ведутся дискуссии и споры относительно предмета, целей и места данной науки в системе других наук.

– В Вашей научно-исследовательской практике ученого Вы, наверное, много ездили по стране, не раз бывали в различных областях бывшего Советского Союза, как этнолог, интересовались традициями и обычаями других народов. Расскажите о каких-нибудь интересных встречах, общении.

– Когда приезжаешь в чужую страну или в соседнюю республику, то невольно начинаешь сравнивать чужие нравы и традиции со своими. Начинаешь ощущать

психологический дискомфорт в общении, быту... Уклад жизни, традиции и обычаи всех народов исторически сложились в зависимости от природно-климатических условий, национально-психологических и многих других факторов. Еще в советское время, в Узбекистане, я узнал об одной интересной традиции – когда рождался сын, родители сажали тополя. К тому времени, когда юноша становился взрослым и женился, эти тополя срубали. Они шли на балки для дома молодоженам. Такая мудрая традиция была в этом бедном лесом краю.

Там же, в Узбекистане, у меня состоялась одна интересная встреча. После защиты диссертации в тысяча девятьсот семьдесят третьем году узбекские друзья пригласили меня в гости, в Ташкент. Мы несколько дней отдохнули и поехали к одному старцу, который жил отшельником за сто километров от Ташкента. Он еще до революции служил у губернатора каким-то чиновником и неплохо владел русским языком. Оказалось, что этот старец был «сеидом» – так называют в Средней Азии и Закавказье потомков пророка Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха). Он жил в безлюдном месте, в каком-то небольшом, но древнем глинобитном и куполообразном сооружении. Мои друзья представили ему меня, и мы потом часа два беседовали с ним. Затем этот старец попросил всех выйти, кроме меня. Он поднял какую-то циновку, провел меня в потайную комнатку и попросил показать правую руку. Я очень удивился – безымянный палец у меня на этой руке был с маленьким шрамом. Эту нашу родовую метку сделал мне в детстве мой дядя по отцу.

«Сеид» взял мою руку, посмотрел на метку и сказал: «Ищи камень». На все мои расспросы он лишь ответил, что я должен на родине искать какой-то камень, связанный с нашим родом.

По возвращении домой я стал расспрашивать у старейшин своего рода «аллерой» об этом загадочном камне. Сначала они не приняли мои слова всерьез, но только после того, как я стал упорствовать, вспомнили про этот родовой камень-знак. Я уговорил нескольких родственников отца «снарядить экспедицию» в Нашху, на поиски этого знака. На лошадях мы прошли всю высокогорную Чечню, которая до депортации тысяча девятьсот сорок четвертого года была плотно заселена. Мы проходили по пепелищам бывших аулов Чеберлой, Шарой, Зумсой и еще многих других. Высокогорная Чечня, начиная от Кезеной-Ама, Макажоя на востоке – и до Галанчожа и Нашха на западе – это позабытый край дикой первозданной и волшебной красоты. Страна древних боевых и жилых башен, склепов, языческих святилищ. Пройдя по горным конным тропам, мы добрались до Чантийского ущелья, а потом прошли до озера Галанчож и спустились в Нашху. Там при помощи пастухов нашли место, где мог находиться этот камень. И, наконец, мы его обнаружили. Видимо, покидая Нашху несколько веков назад, наш род оставил этот камень как доказательство потомству, что колыбель аллеройского рода находится именно здесь, в Нашхе. Там были еще камни, которые оставили другие чеченские тайпы. Это было в начале семидесятых годов прошлого века.

– Бытует мнение, что нас не было в «писаной» истории – кроме разрозненных преданий и легенд, некоторых отрывочных документальных свидетельств. В Вашей научной деятельности встречались ли Вам свидетельства, опровергающие это мнение? Возможно ли сегодня отыскать что-то из тех документальных записей, которые вели наши ученые-алимы и другие летописцы?

– Не бывает сколько-нибудь значимых народов, которые не имели бы

письменных свидетельств прошлого – ведь люди всегда фиксировали более или менее значимые факты, события и решения, а торгово-экономические взаимодействия в особенности – без письменной фиксации ничего не значили.

Без этого не было бы ни клинописных глиняных табличек, ни берестяных грамот, ни пергаментов на телячьих кожах – всего того, что делает историю историей, а не устным преданием.

Такому малочисленному народу, как чеченский, которому на протяжении веков приходилось бороться, воевать за независимость, трудно было сохранить свои летописи. Без довольно развитого государственного образования невозможно донести до потомков документальную историю.

Я около тридцати лет занимался поисками библиотеки Салтан-Магмута. Это был влиятельный дагестанский правитель, в чьи владения входила и часть территории, населенная чеченцами в районе слияния Сунжи и Терека, где стоял первый форпост Русского княжества – Терский городок. Об этой библиотеке услышал ученый-историк Сираждин Умаров в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году, предложил и мне подключиться. По дошедшим из прошлого сведениям, это были массивные книги из телячьих кож – две или три, каждую из которых поднимали два человека. По слухам, они были спрятаны в каменоломнях в окрестностях села Центорой. К сожалению, мы не смогли найти эти книги.

Одновременно я искал архив Сугаип-муллы Гойсумова, составителя первого чеченского букваря на основе арабской графики. Известно, что он переводил на чеченский язык «жайны» – религиозные книги-труды выдающихся исламских богословов.

Сугаип-мулла Гойсумов хорошо владел русским языком, перевел тептар (летопись) личного секретаря и хроникера имама Шамиля, Мухамад-Тахираль-Карахи – «Три имама».

Помимо этого, известно, что библиотека Сугаип-муллы после его ареста в годы сталинских репрессий, была вывезена в неизвестном направлении.

Я много лет занимался ее поисками. Искал в архивах Москвы, Ленинграда, Уфы, Казани, Тбилиси. Но только в две тысячи третьем году я узнал, что архив Сугаипа-муллы Гойсумова находится в Махачкале, в Дагестанском университете. Оказалось, что факт нахождения архива тщательно скрывался моими дагестанскими «друзьями»-коллегами. Но библиотека до сих пор не возвращена. Как когда-то нацисты в Германии жгли книги неугодных им писателей и ученых, так и сталинские варвары во время депортации чеченского народа жгли костры из бесценных для нас фолиантов. Многие уникальные исторические документы были растащены офицерами НКВД и другими чиновниками.

– В недавние годы господства советско-коммунистической идеологии нам твердили о нашей отсталости, ущербности… О том, что религия – это «дурман для народа», обвиняли в национализме, держали в «ежовых рукавицах» нашу интеллигенцию, не давали раскрыться творческому, интеллектуальному потенциалу нашей молодежи. Теперь, когда мы сами хозяева своей республики, какие направления нужно определить в духовно-нравственном воспитании молодежи, подрастающего поколения? Как противостоять глобальному, виртуальному, материально-стяжательскому пространству, которое засасывает молодежь? С одной религией можем ли мы противостоять этому?

– Мне кажется, общество получило слишком большую дозу свободы или демократии, если она является таковой. Не нужно забывать, что жизнеспособность любого государственного образования зависит от степени уважения обществом законов. Характер многих наших людей, к сожалению, таков, что мы всегда ищем пути, обходящие «неудобные» нам законы. Ведь основное завоевание западноевропейской цивилизации на протяжении многих веков – это уже прочно засевшее в подсознании западного европейца уважение и пусть даже страх перед законом. И так во многих развитых странах мира. Вот маленький эпизод из моей поездки в Японию.

Как-то, сделав покупку, я вышел из какого-то супермаркета, не взяв сдачи – какую-то мелочь. Видимо, по привычке. Пожилая японка догнала меня уже почти через квартал и вручила мне монетки – она объяснила, что я унизил ее этой невольной «благодарностью».

Две господствующие установки должны быть в нас – ислам и закон государства, в котором мы живем. В это послевоенное десятилетие ощутимы результаты не только материально-экономического возрождения. Приятно видеть, что наш народ, особенно дети, молодое поколение, тянется к религии, старается придерживаться наших традиционных отношений со старшими, к женщинам, тянется к познанию своего исторического прошлого. Хотелось бы, чтобы их не дезориентировала масс-медийная продукция, чтобы привлекались профессионалы к освещению вопросов этнологии, истории, языкознания и.т.д.

Часто выходят труды ученых-историков, этнологов, искусствоведов, языковедов в шикарном полиграфическом оформлении: лучшая бумага, чуть ли не кожаная обложка, тиснение золотом – ну на века, словом.

Я думаю, надо бы возродить популярные библиотечки. Не тратить такие средства на эти академические издания, а делить их на небольшие массовые, недорогие брошюры и рассылать по России и за рубеж для популяризации и пропаганды духовно-материального наследия чеченцев.

Ведь какую большую пользу принесли нам изданные в советское время чеченско-русский словарь Ахмада Мациева, «Топонимия Чечено-Ингушетии» Ахмада Сулейманова, «Чеченский тайп в период его разложения» Магомеда Мамакаева и труды многих других ученых и исследователей.

– Сайд-Магомед Адамович, готовите ли Вы сегодня к изданию что-нибудь, над чем Вы сегодня трудитесь?

– Обдумываю работу над темой «Топология и топонимия». Этот труд имеет для меня очень важное значение. Пока я не могу более подробно что-то рассказать, многие вопросы еще в стадии разработки.

– Я думаю, что этот труд будет так же, как и предыдущие Ваши исследования, интересным и полезным для общества... Желаю Вам хорошего здоровья и вдохновения.

Беседовал Иса ОКАРОВ.

История

Вахит Акаев,
Хамид Хусаинов

Становление и развитие общественной мысли чеченцев

Общественная мысль любого народа, в том числе и чеченцев, – всегда живое понимание прошлого, выводы из частных исследований, обобщение различных аспектов социального и природного бытия. На Северном Кавказе имеются исследования, посвященные общественной мысли адыгов, дагестанцев, кабардинцев, карачаевцев, осетин, черкесов и чеченцев XIX и начала XX вв. В них в основном отражено состояние общественной мысли в досоветский период, имеющее важное научное и практическое значение для понимания истории, культуры и мировоззрения народов региона [1]. Практически нет работ, в которых анализируется становление и развитие общественной мысли при советской власти, не говоря уже о постсоветском периоде.

Практически не исследована общественная мысль народов Северного Кавказа, относящаяся в целом к XX в., хотя существуют интересные нравственно-гуманистические и рационалистические мысли в публикациях адыгских, балкарских, дагестанских, ингушских, кабардинских, осетинских, черкесских и чеченских просветителей конца XIX – начала XX вв. В этом контексте уместно отметить общественную, творческую деятельность и социальные воззрения таких политических деятелей и просветителей народов Северного Кавказа, как: Вассан-Гирей Джабагиев, Ахмедхан Мутушев, Исмаил Мутушев, Саид Габиев, Джалалутдин Коркмасов, Айтек Намиток, Ибрагим-Бек Саракаев, Сефир-Бий Сиюхов, Ахмед Цаликов, Басият Шаханов, Таштемир Эльдарханов и др.

В годы советской власти к теме общественной мысли народов Северного Кавказа обращались такие исследователи, как: М.А. Абдуллаев, К.М. Кумухов, М.С. Тотоев, А.Д. Яндаров. В постсоветский период – это работы Р.У. Туганова, Н.Б. Налоева, посвященные общественной мысли кабардинцев, адыгов. В кандидатской диссертации М.Г. Магомадова исследована социальная и религиозно-философская мысль чеченцев в начале XX в. Кандидатская диссертация по истории З.К. Лайпанова отражает общественно-политическую мысль народов Карачая и Черкесии во второй половине XIX – начале XX веков[1].

Докторская диссертация С.А. Айларовой специально посвящена общественной мысли народов Северного Кавказа в XIX в. В этом обобщающем труде значительное внимание уделено установлению историко-культурных предпосылок, этапов и особенностей развития общественной мысли народов Северного Кавказа в XIX в., раскрывается просвещение и гражданское единение народов Кавказа и России в творчестве национальной интеллигенции, социальная история адыгских народов в трудах первых просветителей, выявляются экономико-модернизационные идеи северокавказских просветителей, рассмотрены идеалы европеизма в творчестве северокавказской просветительской интеллигенции в 60-70 гг. XIX в., поиски национальной идентичности (проблема взаимодействия модернизирующих реформ и этнических культур горских народов в творчестве просветителей 60-70-х гг. XIX в.), русско-кавказские отношения в творческом наследии чеченского историка и этнографа У. Лаудаева, рассмотрены этика труда и хозяйствования как проблема северокавказской общественной мысли 60-70-х гг. XIX в., основные черты народнического сознания северокавказской интеллигенции, исторические взгляды северокавказской интеллигенции 80-90-х гг., проблемы социально-экономического развития горских народов в северокавказской

общественно-политической мысли 80-90-х гг. XIX в., революция возрастающих потребностей в горском селе[2].

Подчеркивая обстоятельный и комплексный характер исследования С.А. Айларовой, важно отметить, что в нем недостаточно проанализирована общественная мысль народов Дагестана, вне поля зрения осталось творчество целого ряда просветителей народов Северного Кавказа, неизученными оказались ряд арабо-графических сочинений, раскрывавших определенный уровень просвещения, мировоззрения, участие народов в социальных и культурных процессах.

Обзор исследования общественной мысли народов Северного Кавказа, с указанием достигнутых результатов в этой области, дан в публикации В.Х. Акаева [3].

Непреходящим в общественной мысли народов является осмысление фундаментальных проблем общества, поиск направлений общественного развития, сохранение традиционных ценностей общества или привитие новаций соответствующей эпохе. Вечной должна быть и гражданская, патриотическая позиция творцов общественной мысли, их искреннее желание поставить свое знание на службу общественному благу. Что же касается конкретных «рецептов» и оценок, то мыслители всегда остаются детьми своего времени и заложниками идейно-идеологического дискурса и дебатов, осуществляемых ими со своими современниками.

Еще одно важное замечание: каждый, кто желает, найдет в истории и мировой, и отечественной общественной мысли немало примеров того, как она становилась слугой, прислужницей не только государства, но и господствующей политической верхушки. Эта недобрая традиция не исчерпана и в наши дни. Тем не менее это имеет важное научное и практическое значение, как основа для углубленного исследования общественной мысли народов Северного Кавказа.

Формирование общественной мысли чеченцев сопряжено с осмыслением ими своего места на Кавказе, контактов с окружающими народами. В русских источниках XIX века отмечается, что чеченцы в XVI-XVII вв. представляли собой «мирное, пастушеское племя, слитое с природой, находившееся в гармонии с ней. Главная цель их существования представляет собой освоение и защиту территории, на которой они развивались. В последующем чеченцы из мирного пастушеского превратились в одно из самых суровых и воинственных племен Кавказа» [4, с. 237].

В отмеченный период к ним проникали мусульманские проповедники, призывавшие к отказу от древних обычаев, традиций, сопряженных с язычеством, и переходу к ценностями ислама. Процесс исламизации чеченцев был длительным, многовековым и противоречивым. Здесь сталкиваются древние традиции, основанные на язычестве, и новации, которые привносились в народную среду исламом. Социальное устройство чеченцев в этот период представляло достаточно простую систему, основанную на родоплеменных, патриархальных отношениях. В тот период в отдельных нахских обществах начинают складываться феодальные отношения, что способствовало ускорению распространения ислама.

Этот процесс для всего чеченского этноса не был линейным, равномерным во временном и пространственном отношении. Распространение ислама среди чеченцев происходило в условиях доминирования языческой культуры, а местами и христианства, и постепенного их преодоления. История Чечни знает ряд проповедников, проявлявших большое рвение в распространении ислама среди чеченцев. Прежде всего – это Термаол, Берса-шейх (конец XVI-первая половина XVII в.), шейх Мансур (последняя треть XVIII в.), Ташу-Хаджи и Шамиль (первая половина XIX в.), Кунта-Хаджи (вторая половина XIX в.). Их религиозно-политическая и общественная деятельность фиксирована во многих работах, но вместе с тем отсутствует фундаментальная работа, осмысливавшая нелинейный характер распространения ислама среди чеченцев.

В религиозно-политической деятельности шейха Мансура (1760-1794), его проповедях в системной форме отражена исламская идеология, соответствующая времени. Свою деятельность он начал как противник адатов, противоречащих исламу, и сторонник объединения чеченцев на основе шариата, его распространения среди чеченцев, ингушей и части осетин, а также создания объединенного государства народов Северного Кавказа. Эти идеи, в 30-50-е гг. XIX в., станут основой религиозно-политической деятельности Гази-Мухаммада и Шамиля.

Представляет собой значительный интерес для теоретического анализа политическая деятельность Бейбулата Таймиева в первой трети XIX в., что было сопряжено с активизаций российского завоевания Северного Кавказа. Л.Н. Колосов в своей книге «Бейбулат Таймиев» подчеркивает следующие аспекты его политической деятельности: необходимость противодействия захватнической деятельности Ермолова, объединения чеченских крестьян под религиозными лозунгами, создания государственности чеченцев, поиск союзников в этом сложном процессе, пути примирения с Россией и создание автономии в ее составе.

В первой трети XIX в. Бейбулат Таймиев имеет четкую картину политических взаимоотношений с северным соседом. Как отмечает Л.Н. Колосов: «Бейбулат обладал незаурядным политическим чутьем, был хорошо осведомлен о характере действий царизма на Кавказе, умел налаживать нужные отношения с властями» [5, с.5]. Надо отметить эти политические идеи периодически воспроизводились в деятельности тех или иных исторических личностей, отстаивавших свободу и независимость чеченцев.

В деятельности Гази-Мухаммада, Шамиля, Ташу-Хаджи, Алибека-Хаджи Зандакского идеи свободы, независимости получали строгую религиозную направленность. Цель своей политической деятельности они видели в построении исламского государства в Чечне и Дагестане, а фактором объединения горцев для них являлась идеология газавата. Это учение получило специфическое название – мюридизм, являющийся политизированной частью тариката накшбандийа-халидийа, распространившегося в Дагестане в начале 20-х годов XIX в.

На короткое время идея создания исламского государства получила реализацию в Имамате Шамиля. Государственное устройство Шамиля хорошо описано в работах М. Гаммера, Ш.А. Гапурова, Ю. Дадаева, В.В. Дегоева, Н.И. Покровского и др. А законы этого государства («Низамы Шамиля») на арабском языке были изложены Али-Гаджи, Мухаммадом Тахиром, личными секретарями Шамиля, переведены на русский язык и опубликованы еще в царское время.

Поражение Шамиля в Кавказской войне, утверждение царской власти на Северном Кавказе, введение военно-политического управления в крае лишало горцев свободы и независимости. Но политические идеи, артикулированные шейхом Мансуром, Бейбулатом Таймиевым, Шамилем, Алибеком-Хаджи, Али Митаевым, Асланбеком Шериповым как в царское время, так и в советский период не исчезали, они сохранялись в народной памяти, а временами приобретали воплощение в различных мятежах горцев.

М.М. Блиев, В.В. Дегоев, накануне первой войны в Чечне, издают книгу «Кавказская война» [6], оправдывающую завоевательную политику России на Кавказе. Причину Кавказской войны они находят в набегах горцев на русские крепости и укрепления, которые якобы приводили их к обогащению и формированию феодальной верхушки. С нашей точки зрения, этот труд является теоретическим обоснованием военных действий, начавшихся осенью 1994 года в г. Грозный. Идеи этого антинаучного труда пользуются большой популярностью у так называемой «виноградовской школы» и они достаточно часто цитируются в изданиях ее представителей.

В 2011 году в Москве выходит книга историка В.И. Лесина «Генерал Ермолов» [7]. Примечательно то, что в этой книге, симпатизирующей ему,

автор пишет, что, изучая его жизнь, он «не выявил ни одного случая проявления им беспричинной жестокости. Всякий раз его жестокость была ответом либо на набег горцев на русские селения при Кавказской линии, либо на убийство офицеров корпуса исподтишка» [там же, с. 265]. Следуя блиевской антинаучной исторической концепции о Кавказской войне, В.И. Лесин заявляет, что все горцы совершали грабительские набеги на русские селения, на защиту которых и обратил внимание Ермолов по возвращению из Персии [там же, с. 366]. В тексте объемной книги нет даже намека на то, что эти самые поселения возникали на захваченных землях.

Между тем, объективные исследователи придерживаются строго научных позиций. Так, Н.И. Покровский пишет, что «самодержавие пришло на Кавказ с двумя задачами: захватить для русского помещика плодородные кавказские земли и обеспечить русскому купцу обладание торговыми путями» [8, с. 191]. Далее он утверждает: «… стремление к захвату земель не менее ярко характеризует историю завоевания Кавказа, особенно в XVIII и начале XIX вв., чем обладание опорными точками на торговых путях» [там же]. Позиция Н.И. Покровского опровергает блиевско-лесинскую апологетику царизма и фальсификацию реальных причин начала Кавказской войны, которая все-таки связана с наступлением царизма на Кавказ, захватом земель и торговых путей.

В.И. Лесин является достойным продолжателем идей М.М. Блиева по интерпретации Кавказской войны. Он договорился до того, что в ходе набегов горцев русские матери теряли «прекрасных дев и изнасилованных мальчиков, цветущих здоровьем». Далее он утверждает, что «пламя пожирало сначала убогие избы в казачьих станицах и русских деревеньках, а потом уж сакли в горских аулах» [7, с. 267]. Даже у Блиева – духовного отца Лесина – трудно найти подобное приведенным им фактам, в том числе об изнасиловании мальчиков.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что В.И. Лесин, углубляя «блиевские причины» Кавказской войны, сводит их к взаимной мести горцев и русских, в которой главенствующая роль принадлежит именно горцам, в частности чеченцам. Исторические рассуждения Лесина, вытекающие из антинаучной концепции М.М. Блиева и В.В. Дегоева, дают богатый идейный набор для фантазии современным исследователям истории, возрождающим монархическую и дворянско-буржуазную историографию, реализуя цель возложения всей вины за Кавказскую войну на народы, отстаивающие свою свободу и независимость. Подобная историческая, политическая мысль имеет своих сторонников, она в различных вариациях вербализуется во многих текстах, издаваемых в Москве, Армавире, Ростове, Краснодаре.

Авторы этих текстов, разделяя российских историков на «национальных» и не национальных, обвиняют первых в том, что они неверно отражают российско-горские взаимоотношения XIX в., сознательно удревляют и восхваляют историю своих народов, преподносят свои исторические версии всегда правыми. «Национальные историки» обвиняются в субъективизме, национализме и обосновании сепаратизма[9].

Рассматривая становление общественной мысли Чечни, хотелось бы подчеркнуть, что местными исследователями недостаточно изучено творчество Ибрагим-Бека Саракаева, Ахметхана и Исмаила Мутушевых, Таштамира Эльдарханова, А. Шерипова, которые в своих работах экономические, социальные и политические беды чеченцев увязывали с политикой царизма, призывали горцев к просвещению, верили в установление социальной справедливости. Нами недостаточно проанализированы две важнейшие работы Б. Далгата, посвященные первобытной религии чеченцев и ингушей [10], родовому быту и обычному праву чеченцев и ингушей[11]. В отношении своего исследования «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей» сам Далгат писал: «Пусть настоящий труд, рожденный любовью к горцам и к научной истине, послужит одним из камней фундамента стройного здания науки о прошлом и настоящем быте чеченцев и ингушей». Труды Б. Далгата практически не

изучены общественной мыслью Чечни, а потому с их недавним переизданием, нашим этнографам, религиоведам, культурологам, философам следовало бы их тщательно проанализировать, учитывая, что в них присутствует уникальный материал, сопряженный с культами местных языческих божеств, принятием ислама, синкретизмом мировоззрения чеченцев начала XX века (кстати, эта проблема актуальна и для современности), общественной и политической жизнью чеченцев до их присоединения к России, преданиями о происхождении чеченцев и ингушей, происхождением и распадом родового строя, обычного права.

Вызывают значительный научный и практический интерес общественные воззрения таких просветителей и общественных деятелей, как А. Мутушев, Т. Эльдарханов, И. Мутушев. В одном из номеров газеты «Революционный горец» в 1918 году А. Мутушев признает себя марксистом, сторонником материалистического понимания истории. Чеченское общество А. Мутушев рассматривал как родовое общество, в котором отсутствовали классовые группировки, а стало быть, и классовая борьба. Он утверждал, что царизм, прервав в 1859 году историю Чечни на стадии шариата, имамата Шамиля и туркофильства, к 1917 году, к своему падению, не заложил основы экономического развития, оставил прежними производственные отношения. Здесь А. Мутушев совершенно прав, ибо царизм, покорив Чечню, мало что сделал для ее социокультурного развития.

Характеризуя религиозно-политическую ситуацию, сложившуюся в течение 12-ти месяцев, прошедших после социалистической революции в России, он пишет, что чеченский народ потребовал от революционного комитета утверждения шариата в обществе. Когда это требование было выполнено, обнаружилось, что шариат невозможно провести в жизнь, ибо для этого нет ни мулл, ни самостоятельности народа. Таким образом, с точки зрения А. Мутушева (1879-1943), попытка построения чеченского общества на основе шариата не получила реализацию. Но это вовсе не означало, что Чечня перестала уважать свой религиозно-политический кодекс. Тем не менее, следуя своей исторической памяти и продолжая свою естественную историю, чеченцы выбирают себе имама, пишет А. Мутушев. Имеется в виду избрание Н. Гоцинского и его помощника Узун-Хаджи, выдвинутых, как он пишет, терско-дагестанскими контрреволюционными горцами. Этому пытался противостоять А. Мутушев, но не смог, и в феврале 1918 года он покидает Чечню, написав заявление в Народный совет Чечни. А. Шерипов этот уход А. Мутушева определил выражением «сошел со сцены».

Как известно, в ходе Гражданской войны на Тереке, в Баку появляются турецкие войска, которые якобы должны были спасти народы Северного Кавказа от большевизма. Среди чеченцев, особенно духовенства, распространялись идеи о том, что турки придут чеченцам на помощь. Отвечая на эти настроения, А. Мутушев пишет, что чеченцы находятся в плену мифов и сказочных надежд. Наоборот, с приходом Турции на Северный Кавказ наступит голод, солдатчина, появятся налоги и обирание продажным султанским чиновничеством, деспотизм. Завершая свою статью, А. Мутушев пишет: «Мое усталое сердце загорается светлой надеждой, что изжиты зады истории, что и третий, последний элемент – туркомания – доживает последние дни, что близок час, когда трудовая Чечня сольется с революционной демократией в общем братском гимне-коммуне». Но судьба А. Мутушева такова, что гимн братской коммуне, который он исполнял, не спас его от сталинско-бериевских репрессий. Политический анализ А. Мутушева соответствует своему времени, он точно определил основные тенденции исторического развития чеченского общества в начале XX столетия. А что касается стремления установить шариат в чеченском обществе, то эту идею пытались повторить через 78 лет в масхадовской Ичкерии. Надо отметить, что наблюдение А. Мутушева коррелируется с попытками установления шариата в постсоветской Чечне. Слияние с революционной демократией, а точнее выбор социалистического пути развития, сторонниками которого

были такие известные чеченские просветители, общественные и религиозные деятели, как А. Мутушев, Т. Эльдарханов, Сугаип-мулла и Ибрагим-Хаджи, дало чеченскому народу заметное социально-экономическое, культурное и политическое развитие. Однако это слияние также принесло немало горя, страданий и лишений. Подтверждением тому являются сталинские репрессии, депортация, нанесшие колоссальный физический, материальный и моральный ущерб народу, последствия которого до сих пор не преодолены. Современная общественная мысль стремится осмыслить эти события как через художественную литературу, так и через научные исследования.

Прежде всего, это работы А. Авторханова, Н.Ф. Бугая, З. Абдулаева, С. Алиевой, А. Бугаева, Х. Туркаева, М. Ибрагимова и др., раскрывавшие причины депортаций народов, в том числе чеченцев, их ход и последствия. Теме депортации посвящено немало статей, научных конференций. В последнее время появляются работы, оправдывающие сталинско-бериевские депортации, обвиняющие в предательстве Родины изгнанные народы. Общественная мысль не может не сосредоточить на них свое внимание.

Т. Эльдарханов, начавший свою деятельность как учитель и просветитель горских народов, опубликовавший предания и сказки чеченцев, создавший букварь для горских детей на основе кириллицы, работавший в адыгейских и чеченских школах, придерживался социал-демократических воззрений. Как депутат двух Государственных дум Российской империи (I и IV), он подвергал критике царское правительство за экзекуции, полицейский режим, межнациональную вражду, осуществляемые в Чечне и на Северном Кавказе в целом. С трибуны Государственной думы в 1906 году он заявлял, что за 50-летний промежуток времени были открыты две школы для детей полумиллионного населения. Сегодня находятся отдельные историки, политологи, доказывающие, что царская Россия сыграла цивилизаторскую роль для покоренных ею народов.

Ярким сторонником просвещения чеченского народа являлся народный учитель Исмаил Мутушев (1886-1920), родной брат А. Мутушева, трагически погибший в 1920 году в Грозненской тюрьме в ходе восстания заключенных против белогвардейцев. За свои публикации, разоблачающие преступления, совершаемые властью в отношении чеченцев и других горцев, он был жандармами зачислен в категорию «неблагонадежных» и охарактеризован как «злонамеренный агитатор из чеченцев». Исмаил Мутушев являлся постоянным автором северокавказских газет: «Терские ведомости», «Кавказское слово», «Северный Кавказ», «Север Кавказа». Основными темами его публикаций являлись экономическая отсталость горцев, их притеснения со стороны чиновничества, критика абречества и экзекуций царских войск, национальной интеллигенции, изолировавшейся от народа, религиозного фанатизма и обоснование гуманистической сути ислама. Будучи сторонником преодоления мрака и невежества среди горцев, он выступал за широкое просвещение Чечни и приобщение чеченцев к передовой русской культуре. Им был составлен «Проект устава общества распространения и технических сведений среди чеченцев Терской области», опубликованный в газете «Терские ведомости». В 1917 году им было организовано «Общество распространения просвещения среди чеченцев» [12, с. 74].

Общественная мысль чеченцев в советское время была ориентирована на исследование истории, общественной жизни, мировоззрения с позиций марксизма, а религии – с позиций атеизма. Деидеологизация в СССР, а затем ее разрушение показали, что религию невозможно преодолеть в образе жизни и мировоззрении народа. Обладая интеграционным и мобилизационным ресурсом, религия способствует объединению народа, хотя в ней имеются различные течения, могущие дезинтегрировать общество, противопоставлять людей и народы.

Становление общественной мысли в Чечне основательно изложено А. Яндаровым. Прежде всего, хотелось назвать его работы, посвященные А.

Шерипову, Ч. Ахриеву, монографию «Суфизм и идеология национально-освободительного движения (Из истории общественных идей в Чечено-Ингушетии в 20-70-е годы XIX в.)», докторскую диссертацию «Развитие философской и общественно-политической мысли Чечено-Ингушетии в XIX – начале XX века», в которой проанализированы общественные воззрения чеченских и ингушских просветителей и общественных деятелей: Саида Эльмурзаева, Таштемира Эльдарханова, Ибрагима Базоркина, Султана Альдиева, Ахметбека Алаева. В творчестве А. Яндарова прослеживается динамика общественной мысли народа от религиозных представлений к просветительским и социал-демократическим идеям, выявляются противоречия религиозных и светских идей, которые существовали в XIX – начале XX вв.

Анализ общественного устройства чеченцев, их ментальных особенностей осуществлен в работе М. Мамакаева «Чеченский тайп в период его разложения». Эта небольшая работа в течение 50 лет оставалась единственной в своем роде и воспринималась как догма при осмыслении общественного устройства и родоплеменной организации чеченцев. Только сегодня стали появляться альтернативные исследования, посвященные осмыслению сущности чеченского тайпа, пересмотру его некоторых положений, имеющих идеологический характер. В частности, кандидатская диссертация С. Натаева «Чеченский тайп: сущность, структура и социальная динамика», в которой исследователь справедливо ставит вопрос о необходимости проведения демаркационной линии между терминами «род» и «тайп». В своей концепции он тайп интерпретирует как братство и как социальную структуру, лишенную кровнородственных отношений. Этот подход вызывает в академических кругах соответствующую критику. Тем не менее идея отрицания тождества чеченского рода и тайпа требует тщательного анализа, дополнительных аргументаций.

Формирование общественной мысли в 60-80-е годы в ЧИАССР сопряжено с осмыслением достижений системы социализма, дружбы народов, социалистической культуры, научно-материалистического мировоззрения и пр. Несмотря на идеологическую заданность социально-гуманитарных исследований, в республике издавались работы, в которых объективно анализировались общественные и культурные процессы в чеченском обществе.

В отмеченный период важное значение для развития общественной мысли чеченцев имели исследования Я. Ахмадова, Ш. Ахмадова, Дж. Гакаева, Х. Туркаева, А. Яндарова и др.

Многие исследования советского периода и сегодня востребованы, хотя иные потеряли свою общественную значимость. Прежде всего, это те исследования, которые были посвящены изучению социалистического образа жизни, формированию рабочего класса, атеистического мировоззрения, пережитков прошлого и т.д.

Распад системы социализма, отказ от коммунистической идеологии радикально изменили приоритеты социогуманитарных исследований. Общественная мысль ориентирована на изучение фрагментов общественного бытия, этнической культуры, отдельных ее аспектов. Она не ориентирована на воспроизводство целостной картины социальной реальности, научной картины мира.

В постсоветский период в Чечне стал укрепляться сепаратизм, который группой людей навязывался чеченскому народу. В ходе этого процесса обосновывалось историческое право народа на самоопределение, хотя значительная часть чеченского народа выступала против своего развития вне России. Раскол общества, внутренние конфликты между режимом дудаевско-масхадовским и пророссийски ориентированной оппозицией, перевод политической ситуации на религиозные рельсы, распространение ваххабизма, конфликт режима с федеральным центром радикально меняли общественное и политическое устройство Чечни и придавали ей новый политический и религиозно-культурный вектор развития.

В связи с усилением ваххабизма как определенной идеологии и практики в суверенной Ичкерии, его направленность против традиционного ислама, бытующего в форме суфизма, активизировали религиозно-политическую деятельность муфтия А. Кадырова. Таким образом, в среде сторонников независимости Ичкерии складывается новая ситуация, когда при сохранении конфликта между федеральным центром и Ичкерией возникает внутренний конфликт, являющийся обострением противоречий между традиционной религиозной культурой и культурой, привнесенной сторонниками ваххабизма, получившей в народе меткое название бедуинской. Ее угрозу для обычаев и традиций народа, его менталитета, религиозных ценностей четко представлял себе А.Кадыров. Зло, исходящее от ваххабизма, для него было большим злом, чем противостояние с Россией. Эта ситуация определила выбор нового курса политического развития Ичкерии. События начала августа 1999 года, связанного с провокационным походом в горный Дагестан Ш. Басаева и Хаттаба, резко поляризовали сторонников А. Кадырова и А. Масхадова.

Описанные выше события нашли отражение в публикациях целого ряда историков, политологов, этнологов и философов: В. Акаева, Я. Ахмадова, Дж. Гакаева, Г. Дерлугяна, А. Заурбековой, А. Ливена, В. Тишкова, Д. Фурмана, А. Яндарова и др.

Исследование общественной мысли всегда нацелено на изучение жизни и быта этноса, его материальной и духовной культуры, этнической ментальности, роли традиций и новаций в формировании национального самосознания и т.д.

Сегодня общественная мысль (историческая, социологическая, философская, политологическая, культурологическая) Чечни касается проблем этногенеза чеченцев, их общественного устройства и мировоззрения, контактов с окружающим миром, былых пятен истории, последствий трагедий прошлого и современного бытия. Она направлена и на раскрытие жизни, деятельности, воззрений отдельных исторических и современных персоналий, поиск новой идеологии, нацеливающей на мирное созидательное развитие чеченского общества в составе Российской Федерации.

Важно, чтобы эти проблемы раскрывались на основе строгой науки, объективного анализа, избегая мифологем и субъективизма, чем порою страдают некоторые исторические, этнографические публикации. В таких «сочинениях», например, язык чеченцев возводят к языку Авраама и Нуха, пытаются доказать, что шумеры, хурриты, мидийцы, аланы и пр. являются предками чеченцев, а античные мифы отождествляются с чеченскими преданиями, строительство египетских пирамид идентифицируют со строительством чеченских башен и пр.

Мифологизация истории, гуманитарной науки в целом, порождает паранауку, наносит значительный ущерб науке, объективному осмыслению истории и культуры этноса, дает пищу для издевательств со стороны разного калибра критиков. Сегодня можно высказывать немало оригинальных идей, мыслей. Их высказывать имеет право любой человек и не только исследователь. Но не менее важно умение осуществлять научное доказательство, быть морально и научно ответственным.

Думается, научное сообщество Чеченской Республики должно нацелить исследования общественной мысли на изучение социального бытия народа, той социокультурной динамики, которую он претерпевает, на изменение социальной психологии народа, его мировоззрения, причин радикального социального расслоения общества, ограничения свободы слова и экономической независимости, поиски национальной идентичности в общем контексте российского развития.

Серьезные проблемы в Чечне с молодежью, которой сложная и противоречивая жизнь прививает психологию потребительства, иждивенческие настроения, угодничество. Ей не прививают навыки напряженного производительного труда, обесценивается отношение к нему. Становятся нормой жизни социальная

несправедливость, коррупция, поголовное взяточничество, заметна тенденция преобладания материальных ценностей над духовными.

Наслаждение, необузданный гедонизм, думается, не может быть основой социокультурного развития современного российского общества, в том числе и чеченского. Новая Чеченская Республика должна быть открытой, восприимчивой и избирательной к различным новациям. Для нее принципиально важно интеллектуальное и культурное, духовно-нравственное развитие, достижение экономического достатка и благополучия. Эти задачи требуют глубокого научного осмысления и практической реализации.

Интеллектуальное развитие чеченского общества предполагает, прежде всего, овладение самыми современными образовательными технологиями, если хотите сверхсовременными, нацеленными на активное развитие мышления школьников и студентов, поддержку обществом и государством талантливой молодежи, выработку стратегии перспективного развития науки в республике. Нам представляется, что получение высшего образования за 5-6 лет – большая роскошь. Его можно дать и за 1-2 года. Высшее образование может вполне помолодеть, его могут успешно получить дети возраста 11-13 лет. Другая часть получающих высшее образование может повзрослеть – 30-40 лет [13, с. 417].

Само высшее образование должно претерпеть кардинальную перестройку посредством модульности курсов, глубокого погружения, снятия серотонинового барьера и активизации памяти, деятельностного подхода к образованию, использования технологии организационно-деятельностных игр для «размонтирования» мышления и стратегических имитационных игр для инсталляции онтологии ((инсталляция – англ. installation – установка, размещение, монтаж) – форма современного искусства, представляющая собой пространственную композицию, созданную из различных элементов и являющую собой художественное целое, способствует формированию образного, пространственного мышления) и т.д.

Высказанные положения могли бы стать предметом научного осмысления обществоведов, педагогов, психологов Чечни и всего Северного Кавказа. Памятуя о том, что чеченцам не удалось преодолеть ни в советское время, ни сегодня отсталость в образовании, науке и технологии, важно, чтобы республиканская власть и общество самым активным образом закладывали основы постиндустриального развития республики, что возможно при условии создания креативного класса. Тот факт, что за счет Правительства Чеченской Республики за рубеж на обучение отправляются сотни молодых людей – это ощутимый шаг на этом пути. Но социальные, образовательные и научные задачи, стоящие перед чеченским обществом, гораздо сложнее.

Отмеченные положения, во-первых, могли бы быть вербализованы, то есть прописаны в соответствующих документах (программах, проектах); во-вторых, необходимо предпринимать ежедневные конкретные действия (исследования, практическая реализация), нацеленные на их решение; в-третьих, нужно им придать широкий общественный резонанс. Это позволило бы общее дело интеллектуализации чеченского народа воплотить в конкретное дело, ускоряющее его интеллектуальное и культурное развитие.

В заключение уместны следующие обобщающие рекомендации.

1. Исследование общественной мысли чеченцев в прошлом имело несистемный, эпизодический характер, а потому сегодня отсутствует целостная работа, охватывающая широкий спектр вопросов, посвященная этой проблематике.

2. Назрела необходимость выявления общих и особенных аспектов общественной мысли в исторических, политологических, философских, социологических и культурологических, религиозных штудиях, осуществляемых в Чеченской Республике.

3. Нужно подготовить и издать обобщающий коллективный труд, отражающий становление и развитие общественной мысли чеченцев в XIX-XX вв., охватывая первое десятилетие XXI в.

Литература:

1. Айларова С.А. Общественно-политическая мысль народов Северного Кавказа (XIX век) :Дис. ... д-ра ист. наук: Владикавказ, 2003. - 500 с.

2. См.: Абдуллаев М.А. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. – Махачкала, 1968; Тотоев М.С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. – Орджоникидзе, 1957; Кумыков Т.Х. Культура и общественно-политическая мысль Кабарды в первой половине XIX в. – Нальчик, 1991; Он же. Культура и общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик, 1996; Туганов Р.У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. – Нальчик: Изд. Центр «Эль-Фа», 1998. – 384 с.; Магомадов М.Г. Социальная и религиозно-философская мысль Чечни в начале XX в. Диссер. канд.филос.н. М.: МГУ, 2003; Нагоев М.Б. Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX века: исследования и материалы. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т: Эль-Фа, 2007. – 412 с.; Лайпанова З.К. Общественно-политическая мысль народов Карачая и Черкесии во второй половине XIX - начала XX веков :Дис. ... канд. ист. наук : Черкесск, 2004. – 168 с.

3. Акаев В.Х. Исследование общественной и религиозно-философской мысли народов Северного Кавказа: достижения, трудности, перспективы // Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции «Изучение культурного наследия народов России – актуальная задача». 8 декабря 2006 г. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2007. – С. 17-25.

4. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т.III. Часть 1-я. – Тифлис, 1904 – 546 с.

5. Колосов Л.Н. Славный Бейбулат. – Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1991. – 176 с.

6. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.: «Росет», 1994.

7. Лесин В.И. Генерал Ермолов. – М.: Вече, 2011. – 544 с.

8. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 584 с.

9. Виноградов Б.В., Клочков О.В., Федорин В.Е. Основные тенденции и направления развития «национальной историографии» в контексте исследования проблем российско-горских взаимодействия и анализа современной этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 2012. - № 1. – С. 73–78.

10. Далгат Б.Г. Первобытная религия чеченцев и ингушей. – М.: Наука, 2004. – 240 с.

11. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892-1894 гг. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 382 с.

12. Акаев В.Х., Магомадов М.Г., Хусаинов С.А. Об общественно-политических взглядах чеченского просветителя Исмаила Мутушева // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2. – С. 69–74.

13. Перслегин С. Опасная бритва Оккама. – М.: АСТ: Астрель, СПб.: TerraFantastica, 201.

Чеченский язык

Абдулла Арсанукаев

Формирование чеченско-русского двуязычия в контексте этнопедагогических взглядов П.К. Услара

Формирование и развитие национально-русского двуязычия, использование в учебно-воспитательном процессе двух языков – основное направление современного филологического образования и языкового развития в республиках – субъектах Российской Федерации.

Двуязычие и многоязычие в современном мировом сообществе является нормой. Билингвальная и полилингвальная концепции обучения приобретают особое значение в системе образования в полиэтнической среде не только в лингвопедагогическом плане, но и в аспекте диалога культур, воспитания толерантности, этнической консолидации.

Двуязычие служит основой, базой для формирования и развития многоязычия, так как родной язык и второй язык оказывают позитивное влияние на усвоение третьего и последующих языков.

В двуязычии, первым компонентом которого выступает родной язык, вторым компонентом – русский язык, учитывается роль родного языка в духовной жизни народа и значение русского языка в консолидации многонационального общества, взаимообогащении языков и культур народов России. Национально-русское двуязычие в нашей стране − осознанная необходимость. Проблема заключается в том, чтобы обучение второму языку базировалось на знании родного. Родной язык является тем единственным языком, при помощи которого человек в начале своей жизни постигает окружающей мир, воспринимает морально-этические нормы, бытовые и культурные традиции народа. С родного слова начинается понятие Родины.

Изменение демографической ситуации в Чеченской Республике, связанное с известными событиями, повлекло за собой изменение языковой ситуации. В республике, особенно в сельских районах, отсутствует разветвленная русскоязычная среда. Дети, поступающие в первый класс, в абсолютном большинстве слабо владеют или не владеют русским языком. Обучение во всех общеобразовательных учреждения республики с первого класса ведется на русском языке. Родной язык присутствует в качестве предмета изучения с 1 по 11 класс. Ребенок 6-7 лет приходит в школу, владея только родным языком. У него сформировался определенный речемыслительный механизм, дающий возможность свободно познавать мир, природу, человеческие отношения. Резкая смена языка, переход на другой язык обучения при неокрепшей психике и неосознанности строя родного языка может привести к нарушению познавательной активности, задержке логического мышления. Закономерным является продолжение воспитания и обучения ребенка на первоначальном этапе посредством того языка, которым он владеет и при помощи которого осваивает мир. «Путь к двуязычию и многоязычию начинается с родного языка. Обучение и воспитание ребенка в первые дни его пребывания в школе необходимо проводить на родном языке, на котором он мыслит. Если сразу же начинать с незнакомого языка, то произойдет задержка его умственного развития. На всех этапах обучения родному языку следует отводить подобающее

место с последующим «наложением» на него второй и третьей языковых систем, что позволит правильно организовать работу по формированию и развитию билингвизма и полилингвизма» [3: 32].

В трудах профессора Черкезовой М.В., посвященных преподаванию русской литературы в этнокультурной среде, сквозной является мысль о том, что изучение русской литературы должно осуществляться в сопряжении с родной литературой и родной культурой обучающихся [8].

В Установочном документе ЮНЕСКО «Образование в многоязычном мире» (2003 г.) в качестве руководящих указаний и принципов этой межправительственной организации записано: «…Обучение наиболее эффективно проводится на родном языке и такое обучение предваряет и дополняет подходы к образованию на двух языках». Далее в этом документе подчеркивается: «…страны с высокой успеваемостью обладают несомненным опытом: родной язык используется в качестве средства обучения на начальной ступени во всех случаях… Результаты многих исследований показывают, что учащиеся быстрее учатся читать, если обучение чтению ведется на их родном языке. Во-вторых, учащиеся, которые научились читать на своем родном языке, быстрее учатся читать на втором языке, по сравнению с теми учащимися, которых сначала учили читать на втором языке. В-третьих, с точки зрения навыков обучения, учащиеся, которых обучали навыкам чтения на их родном языке, быстрее усваивают эти навыки».

К современной проблеме формирования и развития национально-русского двуязычия непосредственное отношение имеет научно-педагогическое наследие крупнейшего кавказоведа, ученого-лингвиста и педагога-просветителя XIX века Петра Карловича Услара. Его идеи, дидактические принципы обучения двум языкам и на двух языках, разработанные более 150-ти лет назад, удивительно близки к современным проблемам билингвального образования в России.

П.К. Услар является основоположником научного изучения языков горских кавказских народов, он автор ряда научных грамматик горских языков, в том числе и первой научной грамматики чеченского языка. В начале 1862 года П.К. Услар, приступая к работе по разработке научной грамматики чеченского языка, пригласил к себе в качестве информаторов образованных чеченцев Кеди Досова и Янгулбая Хасанова, которые прибыли в Тифлис в начале марта. Впоследствии работа над монографией по чеченскому языку была перенесена в крепость Грозную, и капитальный труд «Чеченский язык» объемом в 30 печатных листов П.К. Усларом и его помощниками был завершен в конце 1862 года и в том же году литографирован. Переиздана научная грамматика чеченского языка в Тифлисе в 1888 году [5]. Исследователи отмечают: «Характерно, что П. К. Услар давал своим осведомителям лингвистические знания, прививал вкус к языковедческой работе, сообщал солидные грамматические сведения, в результате чего из них воспитывались ценные работники. В частности, один из осведомителей Услара – Кеди Досов из Дышни-Ведено написал букварь чеченского языка, который был опубликован в Тифлисе» [8: 28-29].

В своей просветительской деятельности П.К. Услар исходил из передовых, прогрессивных идей своего времени. Разрабатывая систему обучения в горских школах, он опирался на этнические особенности кавказских народов, подчеркивал, что на родном и русском языках «должно покоиться обучение инородцев вообще и кавказских горцев в особенности». Единственно верным подходом в обучении и образовании «инородческих детей» ученый считал первоначальное обучение на родном языке, «ибо только начальным обучением

на природном языке можно пробудить мыслящие силы детей, развить их понятия, облегчить им сознательное приобретение знаний, дать им правильное умственное и религиозно-нравственное образование» [6: 14-15].

Он постоянно подчеркивал значение родного языка в обучении второму, в данном случае русскому языку: «Засаживать инородческих детей прямо по поступлении их в школу за русский словарь, когда они не знают ни слова по-русски, не прибегать во всем преподавании к помощи их родных наречий – это значит не сообразовываться не только с какими-нибудь правилами педагогики, но и вообще со здравым человеческим смыслом» [6: 14].

Ученый, опираясь на педагогическую теорию и практику, убежденно настаивал: «Выучите сначала ученика-горца грамотности на его родном языке и от нее перейдите к грамоте русской. Сложность времени, употребляемого на изучение туземной и русской грамоты, окажется менее того времени, которое должно употребить на изучение прямо грамоты русской. Опыт уже доказал это вполне и может быть повторен сколько угодно» [6: 25].

Научно-педагогические взгляды П. К. Услара легли в основу обучения в организованной им чеченской школе. В 1862 году П.К. Усларом совместно с Кеди Досовым и Янгулбаем Хасановым в крепости Грозной была открыта временная экспериментальная школа с обучением на чеченском языке. В ней обучались чеченской грамоте 25 человек. Преподавание вели К. Досов и Я. Хасанов. Услар считал, что учитель горской школы должен хорошо владеть русским языком и родным языком горцев. Особое внимание уделялось переводу текстов с русского языка. «Горские языки очень богатые, – писал ученый,– переводы русских брошюр могут быть выполнены с полным успехом. Мнение о крайней бедности этих языков совершенно ошибочно и проповедуется людьми, которые не имеют о них никакого понятия. Эти языки, напротив, неимоверно богаты грамматическими формами, которые доставляют возможность выражать самые тонкие оттенки мыслей».

Обучение чтению и письму на чеченском языке осуществлялось по букварю К. Досова «Нохчийн жуз», составленному под научным руководством П.К. Услара. Это был первый чеченский букварь, созданный на основе кириллицы. В содержание букваря наряду с другим материалом были включены произведения устного народного творчества: чеченские пословицы и поговорки, нравоучительные рассказы, а также начальные сведения о мусульманской религии. В начале букваря приводится весь алфавит, внизу каждой буквы имеется ее упрощенное название. Далее даются односложные слова, затем – двусложные, трехсложные и т.д., после которых следуют целые фразы, законченные предложения и связные тексты. Заканчивается букварь таблицей умножения («Сан хаар»), где множимое и множитель приведены словами. Солтаханов Э.Х., исследовавший историю обучения чеченской грамоте, отмечал: «Букварь К. Досова составлен по усовершенствованному слоговому методу, где обучение начинается с изучения букв всего алфавита, причем дети запоминали упрощенные названия букв… Запомнив буквы, ученики переходили последовательно к чтению односложных, двухсложных слов… Такая подача материала в букваре К. Досова позволяет предполагать, что при обучении чтению обращалось внимание на звуковой состав слов. Материал для чтения в нем дан, исходя из дидактического принципа от более легкого (слова, состоящие из закрытого, а затем открытого слога) к более сложному (слова, состоящие из двух или трех слогов: слог из одного гласного и согласного с гласным, слог из двух согласных и одного гласного и т.д.)» [4:

42].

В ходе обучения апробировалась новая чеченская письменность. Занятия проходили успешно, Успехи изучения новой грамоты муталимы сравнивали с медлительностью изучения арабской грамоты в медресе. В письме к А. Берже 25 июня 1862 года П.К. Услар писал о высокой эффективности обучения родной грамоте: «Чеченская письменность сотворила такие чудеса, которых я и не ожидал. 1-го июня только Кадий и Мулла (Кеди Досов и Янгулбай Хасанов – А.А.) вернулись в Грозную; вчера, 24 июня, мне представлено было 25 человек чеченцев, из числа которых 14 читают уже по-чеченски так же хорошо и свободно, как мы с Вами по-русски. Заметьте, при этом, что ни один из них не умеет читать по-русски, следовательно, вновь составленная азбука была для них совершенно неизвестна. Испытание было произведено в присутствии и Мусы Кундухова. Если этот трехнедельный результат покажется сомнительным для тифлисских самозванцев-филологов, то предлагаю им командировать сюда кого-нибудь для удостоверения на самом месте: в случае преувеличения с моей стороны берусь заплатить прогоны и огромный штраф» [5: 8].

Занятия в школе продолжались около семи недель. За время обучения в школе все научились свободно читать и писать на родном языке, а также «выучились читать-писать и по-русски» [6: 28].

Создание П.К. Усларом первой научной грамматики чеченского языка и первого чеченского букваря на основе кириллицы, автором-составителем которого является Кеди Досов, и успешное использование его для обучения родной грамоте явилось значительным событием в общественно-педагогической жизни Чечни XIX века.

Теоретически обоснованная и практически проверенная идея выдающегося ученого XIX века о том, что первоначальное обучение детей в горских школах должно осуществляться на родном языке и только после того, как ребенок научится свободно выражать свои мысли на родном, можно приступать к обучению на втором языке, имеет непреходящее значение.

П.К. Услар был уверен, что правильно организованная система просвещения «действительно создаст новое поколение людей на Кавказе, которые сделают здесь то, чего не в состоянии сделать ни штыки, ни деньги, ни почести» [6: 28]. Исследователи справедливо считают: «Лингво-педагогические взгляды выдающегося русского кавказоведа П.К. Услара и сегодня имеют большое научно-практическое значение. Они позволяют решать многие вопросы обучения, образования на уровне современных требований» [1: 82].

Прогрессивные общественные и государственные деятели России всегда подчеркивали необходимость учитывать в государственной политике национальные особенности народов, населяющих Россию. В самом начале XX века премьер российского правительства С.Ю. Витте писал: «Вся ошибка нашей многодесятилетней политики – это то, что мы до сих пор еще не осознали, что со времен Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения – инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белороссов, то невозможно в XIX и XX веках вести политику, игнорируя этот исторический, капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю – их религию, их язык и прочее. Девиз такой империи не может быть: «обращу всех в истинно русских». Этот идеал не может создать общего идеала всех подданных русского императора, не может сплотить все население, создать одну политическую душу» [7: 9-10].

Эти мысли выдающегося государственного деятеля России конца XIX – начала XX веков созвучны нашему времени.

В стране идет процесс введения в школу новых образовательных стандартов. Обучающиеся в общеобразовательных учреждениях с русским неродным языком обучения особенно на первой ступени образования испытывают сильнейшие перегрузки, пытаясь овладеть знаниями на непонятном языке. Опора на научные концепции обучения, использование прогрессивного опыта прошлого в сочетании с современными инновациями в образовании – необходимое условие для успешного функционирования этнической школы.

Литература

1. Габуниа З.М. Современные проблемы поликультурного образования в сопряжении с наследием П.К. Услара // Эльбрус. Выпуск по языкознанию народов Северного Кавказа. № 1. 2002.

2. Досов К. Нохчийн жуз ду хIара. Ша дуьххьар дина вайн терхьин 1279 шарахь гуьйренан хьалхарчу баттахь. Зорбу тоьхна Типлисахь, 1862.//Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. VI. Тбилиси, 1979.

3. Сабаткоев Р.Б. Обучение родному, русскому и иностранному языкам как средство формирования и развития билингвальной и полилингвальной языковой личности // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. Материалы международной конференции. – Владикавказ, 2006.

4. Солтаханов Э.Х. История обучения чеченской грамоте // Вестник Института проблем образования. Выпуск 1. – Грозный, 2003.

5. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание, ч. II, Чеченский язык. – Тифлис, 1888.

6. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. 1887.

7. Филологическое образование на начальном этапе обучения в двуязычной образовательной среде. – М., 2009.

8. Чентиева М.Д. История чечено-ингушской письменности. – Грозный, 1958.

9. Черкезова М.В. Русская литература в национальной школе. Принцип общности и национального своеобразия литератур народов СССР в процессе преподавания русской литературы. – М., 1981. Литература и культура. Пособие для учителя национальной школы. – М., 1999. Литературное образование в национальной школе: традиции и реальность // Литература в школе. – 2004. № 2.

История

Сулиман Мусаев

Оздемир Цацан-Юртовский и его потомки

Очерк

Дайх ала дош доцуш,
Даймахкахь каш доцуш,
Дала ма лайла вай, к1ентий,
Дала ма лайла вай, к1ентий![1]
Ю. Яралиев.

Первый ряд: братья Сосланбек (1882-1969), Умар-хаджи (1895-1979), Юсуп-хаджи (1887-1978), Умар-Паша (1900-1959), Мисир (1910-1978). Второй ряд: сыновья Юсуп-хаджи – Илес-хаджи и Мовсар-хаджи.

В народе укоренилось мнение, что каждые 50 лет чеченцы обречены испытать очередную трагедию. Следует признать, что история наша подтверждает это. Более того, часто относительно мирный период длится менее пятидесяти лет: две последние войны с перерывом на три года, депортация 44-го, репрессии 30-х, гражданская война, восстание 1877-1878 гг., Кавказская война, ермоловщина, национально-освободительное движение 1780-х годов… Каждая новая трагедия отдаляет в памяти народа предыдущие кровавые драмы, и предаются постепенно забвению сыны Чечни, страстно и беззаветно любившие свою Родину и отдавшие за нее свои жизни.

Одним из таких патриотов был Оздемир Цацан-Юртовский, со дня трагической гибели которого 30 апреля прошло 170 лет.

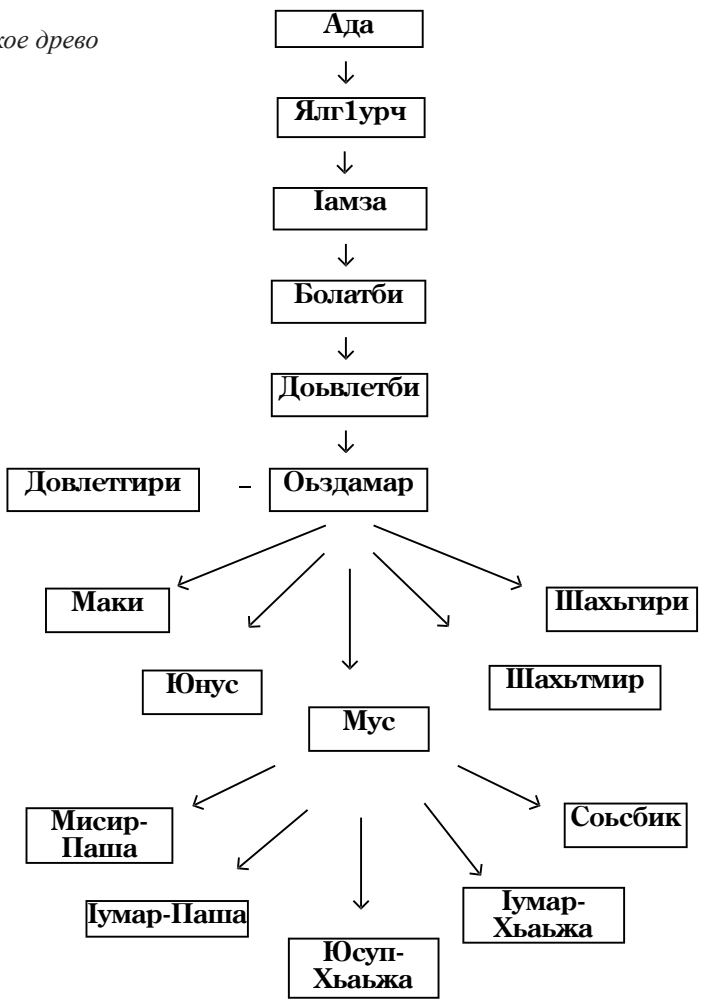
Предки Оздемира были выходцами из Шуани, потом они переехали в Акбулат-Юрт, откуда переселились в Азамат-Юрт, затем в Герменчук, где долго жили, откуда Оздемир с братьями перебрался в Цацан-Юрт. Вернее, он, к тому

[1]Не сложив песнь об отцах,
Не имея могилы на Родине,
Да не умрем мы, молодцы,
Да не умрем мы, молодцы! (подстр. перевод – С. М.)

времени уже наиб, пятисотенный командир, явился основателем этого села. В те годы по окрестным лесам были разбросаны небольшие хутора, которые становились легкой добычей для российских карательных отрядов. Так были сожжены Умахан-Юрт, Сайд-Юрт, Агишбатой-Котар…

Имам Шамиль велел Оздемиру укрупнить хутора и основать одно большое село. Выбор пал на то место, где сегодня и располагается Цацан-Юрт, и скоро на берегах реки Хулхулау возникло новое село. Кстати, эта река явилась одним из главных факторов в выборе места для нового поселения. Вода Хулхулау считается целебной, так как выбивается из гор, в недрах которых имеются серебряные залежи. Святой Баматгирей-хаджи (1овда) Митаев рекомендовал пить из нее воду и купаться в ней хотя бы три раза в год. Реку эту в разное время называли и Кур-хи (Гордая) и Хал-хи (Трудная), так как во время весенних разливов ее воды часто затопляли село, но в итоге за ней закрепилось название Хулло (в русской транскрипции Хулхулау). В 1840 году село было заложено, и на собрании решался вопрос, как его назвать. Был среди новоселов старик по имени Цоца, известный своей набожностью и щедростью. Большую часть своего состояния он пожертвовал на заложение нового поселения. Решили назвать село его именем, о чем Оздемир сообщил Шамилю. На торжественное пиршество в честь основания нового села прибыл по приглашению и Шамиль. Из сел, расположенных в бассейне реки Хулхулау, вышло много достойных молодцев: Оздемир, абрек Зелимхан Харачоевский, Ахмат Автуринский и многие вожди национально-освободительного движения. Возможно, поэтому

Генеалогическое древо Мусаевых.



Илес-хаджи Мусаев на родовом кладбище.

в этих местах родилось выражение: «Хулло молчу к1енташца майралла а ма къисса, Орга молчу мехкаршца куралла а ма къисса» («Не оспаривай храбрости с молодцами, пьющими воду из Хулхулау, не оспаривай гордости с девушками, пьющими воду из Аргуна»).

Родная сестра Оздемира была замужем за известным эвлия Умалат-Шайхом, чей зиярт находится на кладбище села Сержень-Юрт. Он подарил новым поселенцам кукурузу с красной кочерыжкой и белыми зернами («к1айн хьаьжк1аш»), мука из которой обладает целебными свойствами. Цацан-юртовцы сохранили этот сорт до наших дней. Умалат-Шайх был также известным врачевателем. Шамиль назначил его главным лекарем имамата.

Оздемир включился в национально-освободительную борьбу и возглавил отряды горцев, сражавшихся против царских войск, уже в середине 30-х годов XIX века, то есть еще до провозглашения Шамиля имамом Чечни. Об этом свидетельствует и известный писатель Абузар Айдамиров в своей «Хронологии Чечено-Ингушетии». Вот выдержка из нее: «1837 г., февраль – по приглашению чеченских предводителей Ташав-Хаджи, Уди-Муллы, Домбая, Умахана и Оздемира имам Шамиль с отрядом дагестанцев прибыл в Чечню». В эти годы его имя не раз попадает в военные сводки российских властей на Кавказе. В начале 1840 г. Шамиль назначил его начальником пятисот воинов, помощником наиба Шуаипа. Вскоре он стал наибом, проявил себя храбрым и умным командиром и внес большой вклад в дело сплочения чеченских обществ. Как отмечается в документах, весной 1840 года под руководством Шамиля и его соратников Шуаипа, Джавадхана, Ташав-Хаджи, Ахверди Магома, Оздемира произошло массовое присоединение к Шамилю предгорных и равнинных чеченских обществ, в том числе Ичкерии, Ауха, Салатавии.

Оздемир со своим отрядом совершает нападение на Кавказскую линию, участвует в обороне чеченских сел, в мае 1840 года совершает набег на владения лояльных российской администрации кумыкских князей. В том же 1840 году он назначается пятисотенным командиром.

Абу-Солт, сын Герим-Солта, рассказал Илес-Хаджи Мусаеву следующую историю. Как-то совместно с Ахмадом Автуринским и Исмайлин Дудой Оздемир совершил нападение на почтовую колонну, которая три раза в месяц

отправлялась из Кизляра в Астрахань. С ними был некий кумык из Брагунов, который знал время и маршрут почты. Разделившись на три группы по 7-8 человек, они устроили засаду в камышах. Процессия появилась на третий день. Ахмад Автуринский и Исмайлин Дуда пропустили колонну, чтобы закрыть ей пути к отступлению. Как только колонна поравнялась с ним, Оздемир бросился вперед. В коротком, но ожесточенном бою ценный груз – важная корреспонденция и деньги – был отбит. Позже товарищи подшучивали над Оздемиром: «Ты бросился на почту так стремительно, словно она везла молодую невесту».

А вот какую историю поведал Абдулвахид Шоипов, потомок мудира горского имамата Шоипа Центороевского:

«Три года активного противостояния горцев и русской армии на Востоке Кавказа создали серьезную проблему, решение которой нельзя было более откладывать. Еще до экспедиции на Чемульгу и крепость Назрань (то есть на рубеже 30-40-х годов XIX века. – С.М.) в плену у русских находились горцы, активные сторонники имамата, а то и родственники наибов имама Шамиля. Помимо чеченцев, в заключении, в заложниках в Моздоке находились кабардинцы, осетины и ингуши. Имам поручил своему мудиру Шоипу Центороевскому подготовить и провести операцию по освобождению пленных. Это должна была быть акция, демонстрирующая силу и возможности имама.

С осени 1840 года начались мероприятия по подготовке нападения на Моздок. Руководителю диверсионно-разведывательной группы, наибу из Довта-Марта Г1езин Эзе, было поручено провести разведывательную работу в течение короткого времени и подготовить предложение.

За четыре месяца операция по нападению на Моздок была подготовлена. В рамках этой операции, в начале 1841 года, в Ломаз-Юрт прибыли наибы имама, находящиеся в подчинении мудира Шоипа, Оздемир из Цацан-Юрта (из рода шуаной) и Эза из Довта-Марта (из рода чинхой). Отважные чермоевцы из Ломаз-Юрта всегда готовы были к любому действию против русских войск. Была достигнута договоренность о поддержке и участии части горцев в нападении на Моздок. Также была достигнута договоренность с жителями кабардинского села князя Алхазова о поддержке нападения на Моздок.

Согласно плану Шоипа, наиб Оздемир вместе с сотней горцев выдвигался в район села Ломаз-Юрт и вместе с людьми чермоевцев (около ста человек) обеспечивали отход из Моздока. Шоип, вместе с сороками своими и двадцатью чеченцами Эзы, проник в Кабарду и гостил у князей Анзоровых. Он при поддержке более сотни кабардинцев из Уруха должен был проникнуть к Моздоку со стороны Кабарды. Урухские кабардинцы из рода князей Анзоровых давно предлагали эту операцию: в моздокском заточении были их люди. Г1езин Эза с тремя горцами за несколько дней до начала операции находился недалеко от Моздока, на хуторе Тускаева у братьев Тургиевых, у своих кунаков, осетин-мусульман, он должен был сообщить о готовности проведения операции.

Располагая точными данными объектов своего нападения, операция была проведена молниеносно. Цель была достигнута. Кабардинцы должны были отойти по известным им путям, а местные осетины – раствориться среди населения в вокруг лежащих хуторах. Чеченцы должны были пробиваться, и они отвлекали на себя основное внимание. Ситуация усугублялась тем, что вокруг Моздока лежали военизированные станицы и хутора: Луковская, Екатеринодарская, Черноярское, Ново-Осетинское, Елбаево и т.д., и на сбор казаков хватало и получаса.

В условный час по пограничным укреплениям казаков ударил наиб из Цацан-Юрта Оздемир. Удар был внезапным, бой завязался жестокий, но казаки были сломлены, и коридор для горцев, освободивших пленных из Моздока и набравших трофеи, был открыт. В этот день казаки понесли большие потери, отражая нападение Оздемира, погибла почти вся осетинская казачья сотня. Оздемир из Цацан-Юрта еще раз показал, что не зря получил из рук

имама Шамиля саблю «Терс маймал тур». Русские насчитали более трехсот убитыми.

Необходимо отметить, что в 1903 году в память об этом событии 3-го марта 1841 года в Моздоке был сооружен памятник, на котором были записаны имена убитых казаков и осетин.

В этой операции было освобождено много кабардинцев, ингушей, осетин, несколько дагестанцев и 18 чеченцев, в их числе родной брат наиба Г1езин Эзы – Г1езин Маьхьта, который находился в заложниках более года. Также был освобожден двоюродный брат будущего мудира имамата Мохамад-Мирзы Анзорова – он станет мудиром в 1847 году.

Это была хорошо продуманная и глубоко законспирированная операция Шоипа. В бою, впервые со времен шейха Мансура, приняли активное участии горцы Западного Кавказа в борьбе против российского агрессора. Это у Шоипа впервые появилось подразделение, занимающееся диверсионно-разведывательной работой глубоко в тылу врага, и работу эту возглавлял его двоюродный племянник, Г1езин Эза из Довта-Марта. Это он, Шоип из Центороя, мудир имама Шамиля, применил тактику задолго до боя засылать горцев в тыл врага для перелома боя внезапностью удара с тыла. Это рядом с ним всегда находился наиб Оздемир из Цацан-Юрта, который без страха сокрушал все на своем пути. И эту мудрость организатора и удаль воина он впитал в себя еще с детства в Центарое, у себя дома, в Шуани, у брата матери Уди-Муллы, в Довта-Марте – у тети, сестры Мохамад-Хаджи Умидат, которая была женой Г1убин Хьозы».

Талантливый военачальник отличается не только бесстрашием, но и смекалкой. Известен такой эпизод. В те времена перед сражением, когда сходились две армии, русских и горцев, из строя на скакуне, джигитуя, выскакивал какой-нибудь лихой наездник и удалец и вызывал на бой достойного соперника от противника. Как-то сошлись два войска, и вперед выехал некий казак, победивший к тому времени уже трех горцев. Гарцуя на коне, он вызвал на бой соперника. Шамиль обратился к своим воинам и спросил, кто выйдет на бой с казаком. Подъехав к имаму, Оздемир вызвался сразиться с противником, но неожиданно попросил разрешения закурить. Шамиль удивился просьбе своего пятисотника – как известно, в государстве горцев он установил жесткую дисциплину, и курение было под строгим запретом, – но, зная и уважая Оздемира, разрешил ему это. Нашли табак, и Оздемир, скрутив самокрутку и прикурив ее, поскакал к неприятелю. Целясь на скаку в казака, Оздемир затянулся и выпустил изо рта клубы дыма. Подумав, что ружье противника дало осечку, казачий офицер, не применяя огнестрельного оружия, устремился к нему, выхватив шашку, и упал замертво, сраженный Оздемиром. Он же вернулся назад, подобрав оружие казака и ведя его коня. Об этом случае упоминают в своих произведениях Селима Курумова и Халид Ошаев. Причем Селима Курумова в повести «Туман» отмечает, что Оздемир первым из наибов получил из рук имама шашку с надписью: «Нет воина храбрее тебя, нет шашки острее, чем у тебя».

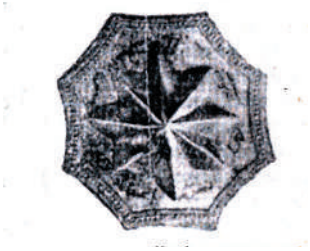
Мало кто мог сравниться с Оздемиром и в красноречии. Как-то на вечеринке – Оздемир к тому времени был уже мужчиной в годах – ему приглянулась одна девушка, и он стал за ней ухаживать, на что красавица ответила пренебрежением. Уязвленный Оздемир сказал ей: «Балкханий, Басханий юккъехь динна баргол етташ к1ант ву хьуна ша, шедакхажжал долчу т1аьрскнах туьманал хьаса баккха йо1 яц хьо, куралла ма елахь шена»[2] . Девушка оценила остроумие мужчины, и позже, несмотря на большую разницу в возрасте, вышла за него замуж.

[2] Я молодец, чей скакун топчет земли между Балкхом и Басхом, ты же - девушка, не способная и на десять рублей вышить на куске кожи размером с кнутовище, смотри, не возгордись! (По словам Илес-хаджи, под территорией между Балкхом и Басхом подразумевалась территория между Ногайской степью и Ичкерией).

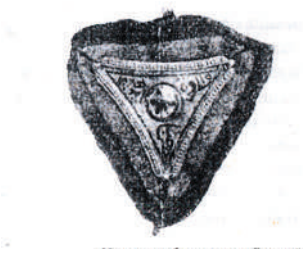
Знаки отличия, принадлежавшие наибу Оздемиру

Эрмитаж

Темляк с серебряными кистями к шашке с надписью на арабском языке: «Нет Оздемира храбрее, нет сабли его острее».



«Храбр и мужественен».



«Нет силы без помощи Божьей. Начальник пятисот человек вновь устраиваемого войска».

В уже отмеченной нами «Хронологии истории Чечено-Ингушетии» А. Айдамирова дата 30 апреля 1842 года отмечена следующей записью: «Предательское убийство беглым жителем Эндре-аула Чагаем Акаевым наиба, пятисотенного командира Оздемира Цацан-Юртовского». Причина убийства неизвестна.

Юнус Дадаев в своей книге «Наибы и мудиры Шамиля» приводит две версии убийства Оздемира. Первая версия: Чагай Акаев был подкуплен царскими властями. В это нетрудно поверить, ведь царская администрация нередко убирала пользовавшихся авторитетом среди горцев вождей руками своих агентов. Согласно второй версии, Оздемир пал жертвой мести. В 1840 году, согласно уже цитированной «Хронологии истории Чечено-Ингушетии» А. Айдамирова, отряд чеченцев во главе с Оздемиром совершил набег на владения лояльных царским властями кумыкских князей, в которые входил и Эндре-аул, выходцем из которого был Чагай Акаев. В руки царских властей попали и награды горского имамата, врученные Оздемиру. В настоящее время они, по информации Илес-хаджи Мусаева, хранятся в Эрмитаже. Далее Ю. Дадаев пишет: «В рапорте генерал-адъютанта П.Х. Граббе управляющему военным министерством Клейнмихелю от 14 мая 1842 года отмечалось, что «во время смут в кумыкских владениях, когда Кази-мулла возмущал покорных нам горцев Андреевской деревни (сел. Эндирей нынешнего Хасавюртовского района РД) житель Чагай Акаев бежал в Чечню и поселился на р. Мичик в деревне Карасу. Этот абрек более 10 лет жил в Чечне и в последнее время находился в тесной связи с одним из храбрейших и известнейших чеченских наездников по имени Оздемир, который пользовался доверенностью Шамиля и сделан был им начальником пятисот человек. Недели две тому назад Чагай Акаев убил сказанного Оздемира, бежал с семейством из Чечни и прибыл в дер. Аксай. Причины, побудившие его к убийству этому, неизвестны; он сам говорил, что хотел тем сделать полезное для нас дело и желал возвратиться на родину. При убийстве Оздемира он снял с него данные им Шамилем знаки отличия».

Как было совершено убийство, документы не сообщают. В ходе полевой экспедиции 1993 года в Чечню автор (Ю. Дадаев – ред.) услышал версию от старожилов-чеченцев о том, что Оздемир был отравлен ядом одним лазутчиком

– предателем-чеченцем, посланным царским генералом П.Х. Граббе. По другой версии, Чагай Акаев был его близким другом и убил храбреца, когда тот спал после тяжелого похода.

Установить точно, как погиб отважный Оздемир, пока не удалось, думается, что со временем можно обнаружить и документы. Ведь в личных коллекциях дагестанцев и чеченцев есть еще сотни непереведенных и неопубликованных документов на арабском, дагестанских и чеченском языках. О том, что Оздемир был настоящий герой, говорит и тот факт, что он был одним из первых, кто был награжден орденами, только что учрежденными Шамилем.

На ордене, которым был награжден Оздемир, была следующая надпись: «Нет Оздемира храбрее, нет сабли его острее».

Второй знак, обозначающий звание того лица, которому он дан, с надписью: «Нет силы без помощи Божьей. Начальник пятисот человек вновь устраиваемого войска».

Третий знак – это тоже орден с надписью: «Храбр и мужественен». Это была первая информация, полученная русскими войсками о введенных Шамилем воинских званиях, отличиях и наградах».

Такими же, полными трагизма и героизма, были и судьбы других бесстрашных сынов Чечни, мужественно вставших на борьбу с колонизаторами. «Пленительная слава полководческого и организаторского таланта таких сыновей чеченского народа, как Шейх Мансур, Бейбулат Таймиев, Ташу-Хаджи Саясановский, Уллубий Аккинский, Ахмад Автуринский, Джаватхан Даргинский, Соип-Мулла Гехинский, Атаби-Мулла Илдаров, Солтамурад и Байсангур Беноевские, Шоаип Центороевский, Оздемир Цацан-Юртовский и многие другие навсегда вписана золотыми буквами в историю Чечни и Кавказа, – пишет в своей статье «Шоаип Центороевский – «маршал лесной войны» историк-краевед Шайхмагомед Вадудов. – Останутся они навсегда и в памяти благодарных потомков, пока на этой планете будет жить хоть один человек, говорящий на чеченском языке».

После развала Советского Союза улица Стахановцев в г. Грозном была переименована в улицу имени славного сына чеченского народа Оздемира Цацан-Юртовского, но в ходе двух военных баталий про это позабыли, и она именуется сегодня по-прежнему. Цацан-юртовцы принимали участие и в восстании горцев 1877-1878 годов под руководством Алибек-Хаджи Алдамова. Через 40 лет на долю жителей села выпало новое испытание: нашествие деникинцев. Совместно с мюридами Северо-Кавказского эмирата они оказали столь яростное сопротивление захватчикам, что, по словам современника, «буквально перемалывали белые части». Сопротивление горцев Северного Кавказа вынудило А. Деникина, по словам самого главнокомандующего Добровольческой армией, держать здесь треть своей армии, вследствие чего захлебнулось наступление на Москву. В качестве доктора в составе деникинских войск был в Чечне и будущий известный писатель М. Булгаков, который позже писал в одном из своих рассказов: «Чеченцы как черти дрались с «белыми чертями». Цацан-юртовцы покрыли себя в этих боях, как и жители сел Гойты, Алхан-Юрт, Чечен-Аул и других, неувядаемой славой, но, увы, высокой ценой: в сражении за село геройски пало 374 его сыновей. Ниже приводится назма – религиозная песня, – посвященная тем событиям.

Бисмиллах1и ррохьманиррохьими
Юрт юьллуш диллина рузбана ва маьждиг
Корах алу ва туьйсуш догучу цу дийнахь,
Вай мискачу ва наха баха йина ва г1ишлош
Саьмгалан ц1араца йогучу цу дийнахь,

Вай маьрши дитина вай маьрши урамаш
Х1отта меттиг ва йоцуш хьийзачу цу дийнахь,

Мемориальный памятник павшим при обороне с. Цацан-Юрт от деникинских войск.

Вай безаш балийна вай хьомсара несарий
Марзой ц1ераш ва йохуш кхойкхучу цу дийнахь,

Хьала хьовсал, к1енатой, юьртаца хьала-охьа
Вайна дог1уш дац теша, к1енатойн, ва орца?
Орцунга са туьйсуш делкъанга ма бевлир,
Шаьш лата ма х1иттир яхь йолу к1енатой.

Ва юьртан йохалла йоккха топ ва етташ,
Ва юьртан шоралла пилмташ ва етташ
Хьала хьовсал, к1ентий, стиглана корашка,
Вайга хьуьйсуш бу шуна х1уьрла1ийн мехкарий,

Шайни-шайни ва бохуш, вайна ц1ераш ва етташ,
Вайга хьуьсуш бу шуна х1уьрла1ийн мехкарий.
И Дели дези Къор1ан пхьаьрса к1ел ва лаьцна
Махьт-Мирза ва молла хьийзачу цу дийнахь,

Тахана белхор вай ваьш дина вай наной,
Далла дуьхьал белор вай ваьш дина вай наной.
Даккха лууш волчунна к1ай г1азот ду шуна,
Вада меттиг езачунна вада меттиг бу шуна.

Яхь йолу к1енатой шаьш кегбеш ма лаьтта,
Яхь йоцу и к1иллой шаьш уьдуш ма лаьтта,
Оьрсийн пхьераш ва дина данаской ва тарраш
Вай деттар ду царна, Элчане ва кхойкхуш,

Нохчийн пхьераш ва йина болатан шаьлтанаш
Вай еттар ю царна, вешан Деле ва кхойкхуш.
Духа довлал, вежарий, аьтто боцчу т1амера,
Пайхамараш бевла-кха аьтто боцчу т1амера

Паччахьан эскараш сов дукха хиларна
Йоьхна д1а ма яхара Цоци-Эвла шахьар,
Паччахьан эскараш сов дукха хиларна
Йоьхна д1а ма йахар Цоци-Эвла шахьара.

Аллах1умма селли 1ала
Мухьаммади ва 1ала
Аали Мухьаммад.
Пил аввалина вал ахирина
Ва пил мала ил а1ла ила йовмиддин.

ХIара назма шен дех, Юсуп-хьаьжах, дисначу жайни т1ера схьаяздина Мусаев Илеса. Юсуп-хьаьжа цу т1амехь дакъа лаьцна а, ши чов хилла а вара. 9-чу апрелехь 2012 шарахь 93 шо кхаьчна юрт яьккхина. («Эта назма переписана Илес-хаджи Мусаевым с рукописи своего отца, Юсуп-хаджи Мусаева, участника обороны села, получившего в том сражении две раны. 9 апреля 2012 года – 93-я годовщина взятия села).

В ноябре 1990 года заложили зиярат – мемориальный памятник – в честь защитников села. В этот день совершили обряд жертвоприношения, созвав на него через местное телевидение всех жителей республики. В Цацан-Юрт прибыли многие известные богословы, а также потомки участников обороны села.

Потомки Оздемира и сегодня проживают в родном селе. Во всем районе и за его пределами известны Мовсар-хаджи и Илес-хаджи Мусаевы, без которых не обходится ни одно мало-мальски значимое мероприятие. Мовсар-хаджи часто приглашают, зная его авторитет, для примирения кровников. Мы могли видеть его не раз и по телевизору: например, когда он принимал в Центральной мечети имени Ахмат-хаджи «Сердце Чечни» чашу пророка Мухаммеда (1.а.с.).

Журналист, поэт, главный редактор газеты «Исламан з1аьнарш» («Зори ислама») Заурбек Хамерзаев написал большое стихотворение «Хуьлда сан байташ хьан х1оллам» («Пусть мои стихи станут тебе памятником»), посвященное Мусаевым. Вот отрывок из него:

Хуьлда сан байташ хьан х1оллам

Мусаев Яхъян сийнна

«Дикчу хlух дика к1ант валар
Тамаш бац», – аьлла ду дайша:
Яхь, Эхь-Бехк, Сирла Ц1е, Собар –
Шун некъийн ч1аг1делла г1иллакх.

Осалниг ца дезаш гонах,
Оьздамарна т1ера дуьйна,
Шун ц1ийнан дай санна къонах,
Яхьъя, хьо хилла ву суна-м.

Яхьъя, шун ц1ийнан сий даим
Къонахийн белшаш т1ехь кхиъна.
Оьздамар – Шемалан наиб –
Г1азотан сийлалле кхаьчна.

Илес-хаджи и Мовсар-хаджи Мусаевы, сыновья Юсуп-хаджи.

Майра лом, хилла и аьрха,
Мостаг1ех ша тасавелча:
Имама, иэшорна гаурш,
Магийнарг цигаьрка уоза.

Шолг1а да – самукъне Муса,
Хилла дош аларна говза,
Бусалба динан деш пусар,
Х1айт-аьлла зикарехь хьаьвзаш.

1илман дас – шун Юсуп-хьаьжас
Шен дечиг даьхьна карийча,
Ца кхайкхош не1алт я нажжаз,
Дехна, бах, шен къуьнна гечдар.

Даггара шу Делах тешар
Ца малло маь1арго ханна.
Къаьсттина вуо юьртахь дерзор
Шуна т1едиллина даьлла.

Цунна юкъ йихкина лела
Масла1ат деш Мовсар-хьаьжа.
Юьртана шух беркат даьлла,
Къинхетам Делан т1е хьаьжна.

Яхья, хьан шичас, Илеса
Шайхан во1 юьхьк1айчу х1оттий,
Керт яссош, шен докъар делла,
Устазца гергарло ч1аг1ди.

Вайн Дала п1ераскан сарахь
Декъалчех хоьтти хьан оьмар.
Богийла Жаннатан г1алахь
Ахь тхуна къагийна стогар.

Эхартан зовкх дола доккхуш,
Ницкъболчо нисбеш хьан кхоллам.
Ц1еначу т1аьхьенийн иэсехь
Хуьлда сан байтех хьан х1оллам.

Шайн варх1е дайшкара дуьйна
Шун юьртан юьхь хилла лаьтта.
Хастам бу, Яхья, вайн Далла,
Шу саннарш деборна т1етт1а.

Битна ас цхьа дагахьбаллам,
Яхья, хьо къинт1еравала:
Юьрт хьуна тоьшалле х1уттуш,
Цакхачарх ховха дош ала;

Хьо новкъаваккхаран ламаз
Дайтарна со юкъахь воцуш –
Сайн даг чохь цу чевнан лазам
Латтор бу вай цхьаьнакхетталц.

Хилча со мокхазах тера,
Хаьштигах дош дагах долуш,
Ма кховсур дара и, чуьра
Хьо хестош ц1еран дарц тосуш!

Литература:

1. Айдамиров А. Еха буьйсанаш. – Грозный, 1990. С. 29.
2. Айдамиров А. Калужский пленник. – Грозный, 1990.
3. Айдамиров А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1991. С. 45, 47, 49, 51.
4. Дадаев А. Ахбердил Мухаммад, знаменитый наиб Шамиля. – Махачкала, 2009. С. 6-7.
5. Дадаев Ю. Наибы и мудиры Шамиля. – Махачкала, 2009. С. 269-272.
6. Жабраилов Р. Чечня и чеченцы: прикосновение к исторической правде (XIX-XX вв.) – Махачкала, 2005. С. 136-137.
7. Курумова С. Дохк // Орга», 2003, №4.
8. Хамерзаев З. Кханенах догйовха. – Грозный, 2009. С. 102-106.
9. Вадудов Ш. Шоип Центороевский – «маршал лесной войны» // Гумс, 2006, 11 февраль.
10. Хожаев Д. Наиб Юсуп-Хьаьжа // Даймохк», 1990, №39.
11. Хожаев Д. Навечно в памяти народной // Ичкерия, 1994, 19 март.
12. Кусаев А. История села Шуани и шуанинцев // Вайнах, 2012, №1. С. 67-73.

Хроника культурной жизни

Саламбек Алиев

Фабулаты и мемораты Тауза Исса

Об Истории

О цикличности и повторяемости истории принято говорить чуть ли не как о научном и обоснованном факте. Литературную интерпретацию исторического отблеска в своем «Сюжете» приводит Борхес: «В довершение ужаса Цезарь, прижатый к подножию статуи разъяренными клинками друзей, видит среди лезвий и лиц Марка Юния Брута, своего подопечного и, быть может, сына; тогда он перестает сопротивляться, воскликнув: «И ты, сын мой!» Патетический возглас подхватывают Шекспир и Кеведо.

Судьбе по нраву повторения, варианты, переклички; девятнадцать веков спустя на юге провинции Буэнос-Айрес гаучо, настигнутый другими и падающий под ножами, узнает своего пасынка и с мягким укором и медлительным удивлением говорит ему (эти слова нужно слышать, а не читать): «Ну и ну, парень!» Его приканчивают, и он не подозревает, что умер, дабы история повторилась».

В 1823 году Генрих Гейне обронит фразу: «Там, где сжигают книги, в конце сжигают и людей». Далее история много раз будет доставать из закромов памяти эту максиму на поверхность в виде пророческой страдалицы. Так было и 10 мая 1933 года, когда по всей Германии был объявлен «праздник костра»: в Берлине перед зданием Государственной оперы и в других крупных немецких городах жгли книги. То, что это действительно «только пролог» (Г. Гейне), станет ясно очень скоро.

Чуть позже, но в ту же историческую эпоху, с разницей в 11 лет, на востоке от Германии, в Советском Союзе, на площадь города Грозного свезут огромное количество книг и рукописей, обольют бензином и сожгут. То были прозаические и поэтические сборники писателей Чечено-Ингушетии, фольклорные книги, учебники, фамильные рукописи-хроники, известные в народе как «тептары» – редчайшие фолианты древности, а также огромное количество трактатов религиозно-философского содержания. Вопреки уже сказанному к тому времени – рукописи не горят – рукописи горели, и языки пламени как бы в немом крике взывали к своим первоисточникам – то к Богу, то к дьяволу.

К чеченскому «празднику костра» ни разу не было применено гейневское изречение. Может быть, потому что здесь все шиворот-навыворот – людей сожгли раньше книг: к тому моменту, когда костер на грозненской площади набирал силу и жар, в чеченских горах ветер уже разносил остывший пепел и прах Хайбаха.

Судьбе, или тому, что принято называть судьбой, действительно по нраву повторения, варианты, переклички, и ровно через пятьдесят лет история повторяется…

А ведь страшно подумать – история повторяется.

О некторых «бешеных вопросах»

Не Блок, так Бродский. «Я не философ, нет, я не солгу. Я старый человек, а не философ». Так пишет поэт. Я не писатель и не критик, к тем и другим испытываю чувства довольно-таки противоречивые. Следующими строками поэт продолжает: «Хотя я отмахнуться не могу от некоторых бешеных вопросов». Оно самое – бешеные вопросы.

6 июля в здании Национальной библиотеки прошла презентация книги чеченского писателя Тауза Исса – роман «Имя Родины». Книга объемом в 680 страниц вышла в тбилисском издательстве «Мередиани» в 2011 году и чем-то смахивает на пилотную, пробную версию – нет выходных данных, в том числе и

тиража. Это напоминало времена Дикого СССР (по аналогии с Диким Западом) – последние годы жизни страны Советов, когда предшествовавший недостаток всего и вся, в том числе и правды, лавинообразно перерос в переизбыток, и в числе много чего другого книги, печатающиеся в сомнительных типографиях, заполонили букинистические лавки. Но, в большинстве своем, количество тех самых книг далеко было от понятия качества – бог весть какие переводы, если литература переводная, и черт знает что, если непереводная. И не всегда читающий Чейза мог быть уверен, что это именно Чейз, а не Чандлер.

По количеству же всевозможных ошибок (грамматика, орфография, пунктуация, стилистика) представленный на презентации роман бил все мыслимые рекорды, и вряд ли Пушкин, познакомившись с его текстом в данной редакции, решился бы повторить свои знаменитые строки: «Как уст румяных без улыбки, /Без грамматической ошибки /Я русской речи не люблю...». Да, кстати, роман, вышедший в серии «Библиотека чеченского романа», написан именно на русском языке.

Гости – друзья и коллеги автора, а также журналисты телевидения и печатных СМИ – расселись в читальном зале библиотеки. За столом-«президиумом» сидели сам автор и двое-трое из числа чеченской интеллигенции. На этом же столе лежали в три стопки экземпляры того самого романа. В зале было душно и вместе с тем потекли речи за здравие писателя и его творения. Говорили много. Говорили долго. «Поток сознания», «проза в поэзии», «область чистого разума», «философский роман»… Из речей говорящих становилось ясно, что все они уже знакомы с романом, то есть читали его. Пожилой мужчина в папахе, к примеру, сказал, что в герое романа он во многом узнает себя – себя в годы чеченской депортации и после возвращения из ссылки. Женщина, представившаяся литературным критиком, переводчиком и искусствоведом (Зура Итсмиолорд), сказала, что сей роман достоин того, чтобы представлять чеченский народ на мировой литературной арене и что она его обязательно переведет на английский язык. Потом говорили другие, за ними другие, и так продолжалось долго. Но в то же время у меня создалось такое впечатление, что многие из присутствующих, имею в виду тех, кто «читал» роман, вовсе и не читали его. Откуда и с чего я это взял – не знаю, но так показалось. И даже вспомнил про себя историю из Сергея Довлатова. Купил однажды Довлатов «дефицитную» для времен советского застоя книгу какого-то, уж я не помню кого именно, иностранного автора. Разузнав про его приобретение, начали к нему захаживать друзья с просьбой дать почитать. Через несколько месяцев книга с хвалебными отзывами читателей возвращается к хозяину, и уже сам засевший за чтение Довлатов находит, что несколько страниц в середине книги не разрезаны.

Под занавес выступили две представительницы слабого пола и, наконец, сказали Слово. Слово зазвучало настолько, что в душном зале стало совсем жарко. Жару поддала Марета Эдилова, заведующая информационно-библиографическим отделом Национальной библиотеки:

– Я надеюсь, что присутствующие в этом зале не будут на меня в обиде за то, что я скажу прямо и откровенно – мне не нравится это произведение, если так его можно назвать, – начала она свою речь. Обратив вначале внимание на бесчисленное количество тех самых ошибок в тексте, Эдилова перешла к форме и содержанию романа и стала открыто вопрошать, обращаясь и к автору, и ко всем присутствующим: – Объясните мне, пожалуйста, что это такое? Почему вы говорите, что роман достоин перевода на иностранный язык с тем, чтобы представлять чеченцев и чеченскую ментальность?.. О какой чеченской ментальности приходится говорить после чтения главы «Женитьба», когда главный герой таким несуразным, не «чеченским» образом забирает в жены молодую девушку?.. Зачем бессмысленный и беспорядочный поток слов смешивать с литературным приемом «поток сознания»?.. Что должен понимать читатель из всего этого сумбура? Где здесь мысль? Смысл? Что за философские потуги?..

В руках Эдиловой был тот самый роман, который был весь, от начала и до конца, испещрен карандашными пометками, и она уж точно была одной из немногих, кто действительно читал эту книгу, притом скрупулезно и дотошно.

Малика Исаева, преподаватель кафедры психологии Чеченского государственного педагогического института, сказала свое слово в самом конце:

– Роман Тауза Исса вызвал в моем восприятии диссонанс – диссонанс позитивный, и он продолжается по сегодняшний день. Я понимаю, сейчас сложно воспринимать Тауза. Я тоже читала этот роман и пыталась… понимаете… человеческое мышление все равно, оно немножко ленное, мы пытаемся всегда отнести это к тому, что нам уже знакомо. Я думала, с чем бы это сравнить? Это сага? Это эпопея? Сравнить с Толстым? И в какой-то момент у меня произошел инсайд – зачем сравнивать? Это абсолютно уникальное творение! Это тем более приятно, что произошло это именно у нас, потому что нам этой широты мышления, этих ракурсов мышления очень не хватает. И это не наша вина. Этнос не может быть изначально неполноценным. Геополитический пасьянс, в котором мы, волею судьбы, оказались, всегда ограничивал наше мышление и, к сожалению, мы сами настолько привыкли к этому ограниченному мышлению, что, когда попадается что-то, что альтернативно, не противостоит тебе, не перечит тебе, это просто другой ракурс мышления, у нас возникает неприятие, а иногда и агрессия… Тауз нам дает возможность выйти за пределы этого узкого восприятия… Мы должны мыслить широко, не в том пространстве, не в психологии малых народов, в которую нас вогнали, а в психологии индивидов… Это история нашего народа, это удивительный сплав, это красивая композиция, в которой автор преподносит историю нашего этноса в контексте онтогенеза, антропологии, этнографии, философии….

Две женщины, обе настолько высокообразованны, что вызывают умиление и уважение. Но вместе с тем две крайности – возмущение и восторг. Обе читали одну и ту же книгу, но… Странно это еще и потому, что может случиться так, что обе могут одинаково обожать, к примеру, Нодара Думбадзе или Эрнеста Хемингуэя. Сартр и Камю боготворили Достоевского как величайшего гения мировой литературы, называли «отцом экзистенциализма», Набоков же с Буниным не выносили того на дух и называли «дешевым журналистом и грубым комедиантом». Странно это еще и потому, что мы никак не можем усомниться относительно того, что в художественной литературе эти парни видели острее нас.

Роман Тауза Исса «Имя Родины» – достаточно объемистый труд. Структура его по своей симметричности напоминает «Божественную комедию» Данте. В романе три книги: «Сад», «Гора», «Последнее время». В поэме Данте три части: «Ад», «Чистилище», «Рай». Так же перекликается числовое соотношение – у Данте в поэме 100 песен, у Исса – 100 глав в каждой книге, при этом число-символ 33 играет ключевую роль у Данте, наблюдается то же самое и уИсса. А путешествие во времени-пространстве? Данте перемещается в потустороннем мире, а герой романа «Имя Родины», Анси, посюстороннем, но всего фантастического и мистического в его похождениях столько, что даже Данте не снилось.

Но опять же, что собственно из себя представляет роман Тауза Исса? Не знаю, не знаю про «поток сознания», но поток «смешение стилей» налицо – фантасмагория, мистика, легенды, мифы, история, лирика, физика, журнально-газетная публицистика… Кого-то могут рассмешить мытарства и поиски Анси, кого-то тронуть, а кого-то полностью оставить равнодушным. Нисколько не претендую на должность верховного судьи художественного вкуса, как то делают так называемые «литературные критики», но этот роман не в моем читательском вкусе. Иногда мне кажется, что это не писательство в чистом виде, а описательство. Применяя термины из фольклористики, это что-то между фабулатом (устный рассказ) и меморатом, когда просто и незатейливо

излагаются подлинные и неподлинные события, воспоминания рассказчика о каких-то случаях, произошедших с ним, а текст не прошел шлифовки и художественной обработки.

Нравится-не нравится – дело личного вкуса каждого читателя. Стоит ли возводить личный вкус в некий абсолютный критерий? Не знаю, наверное, дело опять же в личном вкусе. Обратил внимание на слова «субъективный эпос», что приведены в аннотации книги, и вспомнил фразу, что пришла к нам с того же Дикого Запада: не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет.

Дорогу молодым – на Пушкина, 6

Дом Союза писателей Чеченский Республики располагается на «писательской» улице Грозного – Пушкина, 6. Роскошный двухэтажный особняк чем-то напоминает дома богатых дядей и теть, что на московской Рублевке. Внутреннее убранство под стать внешнему – ухожено, чисто и сверкает. Здесь, 16 июля, состоялся мастер-класс – мэтры чеченской литературы встретились с молодыми авторами.

Но прежде…

Чеченская литература. Что она? Как она? Какая она? Что в ней происходит? Наблюдается что? Какие процессы? А чеченская ли та литература, что не на чеченском языке? Кто в эпоху или в эру Интернета читает бумажные книги? Сплошные вопросы – важные, актуальные, острые. Перепутье? Излом? Каков день завтрашний?

Последние несколько лет ознаменовались выходом в свет большого количества книг чеченских авторов: Хасана Эдильгиреева, Зайнап Сулеймановой, Тауза Исса, Эдуарда Мамакаева, Мусы Бексултанова, Косума Оспанова… Различные антологии – фольклор, проза, поэзия. Литературно-художественные журналы: «Орга», «Вайнах», «Нана».

Но вместе с тем столько проблем и нерешенных задач. Нет какой-либо значимой общенациональной премии в области литературы. Нет качественных переводов даже на русский язык, не говоря уже про европейские и иные языки. Век глобализации, интеграции, развития современных информационных

технологий вносит свои коррективы во все сферы человеческой деятельности, и не всегда это имеет положительный характер. Печальный факт – непопулярность родного языка у молодой читательской аудитории. И не потому ли все чаще и чаще на книжных прилавках появляются книги, написанные не на родном языке? Впрочем, довольно пространий.

А между тем, на Пушкина, 6 в тот день…

«Мэтры» – в лице председателя Союза писателей ЧР Канты Ибрагимова, поэтов Шаида Рашидова, Бувайсара Шамсуддинова, детского писателя Эдуарда Мамакаева и заведующего отделом прозы журнала «Вайнах», прозаика Сулимана Мусаева. Основной костяк «молодых» представляют студенты ЧГУ: Магомед Шавхалов, Турпал-Али Турлаев, Жовхар Берсанукаева, Залина Масуева… Исмаил Хабаев в прошлом году окончил филологический факультет ЧГУ (русско-вайнахское отделение) – молодой, даровитый поэт и вместе с тем испускающий флюиды того, что тесно ему в рамках «молодых».

Кабинет Канты Ибрагимова, где проходила встреча, обставлен с шиком: добротный шкаф, массивный стол, кожаный диван… Особенно радует кондиционерная прохлада после уличного пекла. Контрастной на этом cold-фоне выглядит речь Шаида Рашидова, греющая души молодых: обходительный, теплый тон его разговора мог бы вдохновить даже самого безнадежного графомана.

Канта Ибрагимов поведал о своих «университетах»: однажды в далеком детстве, будучи еще школьником, не питавшим пристрастия к филологии, но с физико-математическим уклоном, он побывал на встрече советских писателей с творческой молодежью Чечено-Ингушетии. Зараженный речами Чингиза Айтматова, Алима Кешокова, Кайсына Кулиева, маленький Канта в тот день дал слово матери, что станет писателем. Но только через много-много лет, в возрасте 38-ми, он выпускает в свет свое первое произведение – роман «Прошедшие войны».

В беседе с молодыми авторами Канта Ибрагимов посетовал, что те не приносят свои произведения, которые с удовольствием рассмотрели бы в стенах Дома Союза писателей, пожурил за неактивность и обещал всяческое содействие их творческому развитию. К примеру, он обещал возобновление

студенческого литературного журнала «Чахчари», а также выпуск новой газеты, где все страницы будут отдаваться молодым литераторам. Каждый будний день, с понедельника по пятницу, в стенах Дома Союза неопытные писатели могут получить литконсультации у более опытных своих коллег, а в последний четверг каждого месяца было обещано проведение расширенного семинара.

Молодые начали выступать со своими творениями. Творения, конечно, были не столь безукоризненными – на то и первые шаги. Правда, в некоторых случаях чувствовалось, что медведь наступил на литературный слух крепко и основательно и ни за что не собирается сдавать занятую позицию. Но праздничного настроения никто никому не испортил, даже наоборот – каждое прочтение завершалось аплодисментами.

Выступил также Бувайсар Шамсуддинов. Сулиман Мусаев рассказал о проходящем ежегодно Северо-Кавказском совещании молодых литераторов под эгидой фонда Сергея Филатова и о том, что все желающие могут отправить свои произведения на сайт фонда. В завершении напутственное слово сказала дочь Абузара Айдамирова – Машар, которая подошла под самый занавес мероприятия.

Когда все вышли из кабинета председателя, Канта Ибрагимов показал гостям помещение, которое он предоставляет молодым в их ведение – просторная зала с большим стеклянным столом в центре в окружении стульев из белой кожи.

И все же

Год 2011-2012 можно назвать очень значимым для всей чеченской литературы – истинные ценители художественного слова с большой радостью встретили новую книгу Мусы Бексултанова «Сан вешин т1ехьийза йо1» («Девушка моего брата»).

.....

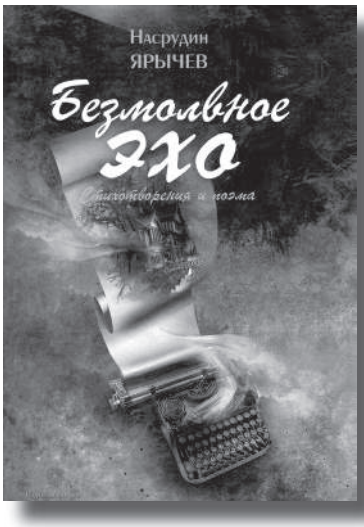
Книжные новинки

Гулдина йозанаш

Под эгидой Союза писателей ЧР вышел очередной том пятитомника избранных произведений народного писателя ЧР Мусы Ахмадова. В него вошли стихи, поэмы, эссе, статьи и интервью разных лет, начиная с 1970 по 2012 гг. 4 том состоит из стихотворных и эссеистических произведений на чеченском языке, а также культурологических статей и интервью на русском языке, содержащих размышления писателя над проблемами этнопсихологии, политики, культуры и т.д. Встречи с классиком чеченской литературы Ахмадом Сулеймановым, воспоминания о театральном режиссере Хусейне Гузуеве, статьи о поэзии Лечи Абдулаева, произведениях Хамзата Саракаева, Мусы Бексултанова, философии и эстетике поэзии классика Магомеда Мамакаева и др.

Таким образом, книга будет интересна как любителям чеченской литературы, истории, культурологии, так и профессиональным филологам, историкам, этнографам.

К сожалению, многие произведения писателя так и не увидят свет, т.к. рукописи их пропали во время военных событий в республике. Среди них и поэмы «ГIаргIулеш дIайоьлху», «Органца ойланаш», сохранившиеся строки из которых также приводятся в данном издании. По тем же причинам из многочисленных статей, опубликованных в разное время в республиканской печати, сохранилась лишь малая часть, которая собрана здесь.



Безмолвное эхо

Из аннотации к книге Насрудина Ярычева «Безмолвное эхо» (СПб, «Старый город», 2012): «Насрудин Ярычев – один из самых ярких молодых поэтов-символистов, довольно смело заявивший о себе в отечественных литературных кругах Поволжья еще в 2001 г. В его профессиональном достижении числится престижная Всероссийская независимая литературная премия «ЛИРА» имени Осипа Мандельштама.

В новом сборнике «Безмолвное эхо», уже третьем по счету, поэт продолжает конструктивный лирический поиск смысла бытия, отражает личностное видение непредсказуемого окружающего мира, о чем завораживающе свидетельствует самобытное и цельное содержание стихотворений разных лет».

Лидия Махмудова

К нашим иллюстрациям

Молодой талант

В последнее время Чеченское региональное отделение Союза художников РФ организовало несколько довольно интересных проектов, способствующих поддержанию творческой молодежи. Задача художников старшего поколения – помочь молодым в самый трудный период их творческого становления, когда выпускник высшего учебного заведения покидает стены своей альма-матер и остается один на один с суровой действительностью.

С этой целью в начале года, в результате инициативы Союза художников ЧР и при поддержке Министерства культуры ЧР, в музее Ахмат-хаджи Кадырова прошла 1-ая Молодежная выставка. В ней принимал участие и молодой выпускник Чеченского государственного педагогического института Зелимхан Умханов.

Зелимхан родился 30 августа 1986 года в Шелковском районе, в ст. Гребенской. В 2006 году окончил Гребенскую среднюю школу № 1. Рисовать Зелимхан любит с детства. Благо, в станице была хорошая Детская художественная школа, куда мальчик с удовольствием бегал после школьных занятий. Как и у многих детей, любимым объектом для рисования у Зелимхана были машины. Но потом это детское увлечение переросло в желание обучаться в художественной школе. Творческая среда, окружавшая его, постоянное общение с педагогами и учащимися художественной школы сформировали у подростка желание стать профессиональным художником. По окончании школы Зелимхан поступил в Чеченский государственный педагогический институт на художественно-графическое отделение.

В институте он старательно набирался мастерства у именитых чеченских художников – Мусы Давдаева, Аманды Асуханова. Учеба, выезды на пленэры в Теберду и Домбай сочетались с постижением тайн искусства.

Его работы выполнены, в основном, в реалистичной манере. Он считает, что картина «оживает», когда несет на себе отпечаток души, энергетики изображенного места, ну и, конечно, частичку любви самого автора. «Если в картине нет жизни, она неинтересная, она мертвая», – говорит Зелимхан.

Ему нравится работать с так называемыми деревенскими сюжетами. Возвышенная красота природы в работах Зелимхана дополнена простым деревенским домиком, сараем или просто стогом сена. Работы Зелимхана яркие, солнечные, исполненные с любовью, они поражают легкостью и тонким вкусом. Свет, цветовая палитра – все имеет значение.

Пока он рисует только пейзажи, а пробовать себя в других жанрах не спешит. Сам он так говорит по этому поводу: «Еще успею».

Что ж, Зелимхан еще только в начале своего творческого пути, пожелаем ему удачи.

На обложке журнала представлены следующие работы художника: 1стр. – «с. Халкелой», 2 стр. – «Рожь», 3 стр. – «Старая мельница», 4 стр. – «Родное село».

Таиса Исраилова

Сведения об авторах и переводчиках

Эдильбек Хасмагомадов (1957) – кандидат исторических наук, историк, публицист и общественный деятель. В 1975 году поступил в Краснодарский государственный институт культуры (библиотечный факультет), который окончил с отличием в 1979 году. Тогда же принят на работу в научно-методический отдел Чечено-Ингушской Республиканской универсальной научной библиотеки им. А. П. Чехова (в настоящее время – Национальная библиотека Чеченской Республики). С 1993 по сентябрь 2001 года являлся директором названной библиотеки. После 2001 года занимал должность главного редактора журнала «Вестник «ЛАМ». В 2006 году вновь назначен на должность директора Национальной библиотеки Чеченской Республики.В 1988 году окончил аспирантуру при Всесоюзной Книжной Палате (г. Москва). Долгое время занимается разработкой проблем общественно-политического развития Чеченской Республики, изучал малоизвестные страницы новой и новейшей истории народов Северного Кавказа, а также вопросы развития культуры и политических институтов в Чеченской Республике. Автор нескольких десятков научных работ, в том числе «История Чечни в XIX – XX веках» (в соавторстве).

Сайд-Хасан Кацаев. Родился в с. Курчалой. В 1988 г. окончил русско-вайнахское отделение филологического факультета Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого. Работал учителем русского языка и литературы в школе, научным сотрудником Института истории, языка и литературы, преподавателем чеченской литературы в Чеченском государственном университете, заведовал районным отделом образования. С 2002 г. – 1-й заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Вайнах», с октября 2004 г. – главный редактор курчалойской районной газеты «Машар». Автор книг «Школа писателя», «Зимний вечер», «Во тьме», нескольких сборников о Молле Несарте. Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

Муса Шамсадов (1961). Поэт, прозаик. Окончил (1984) Ставропольский государственный университет (физико-математический факультет). Писать начал в школьные годы. Его стихи и рассказы печатаются в республиканской периодической печати с 1978 года. Работал в школе, в отделе культуры Итум-Калинского района, в администрации того же района начальником организационно-аналитического отдела. С 2011 года занимается предпринимательской деятельностью.

Леча Ясаев (1953). Родился в Каз.ССР. Соавтор коллективных сборников: «Утреннее эхо», «Лирика – 90», «Огнем опаленные строки». Автор сборника «В раковине сердца». Член Союза журналистов РФ. Член правления СП Чеченской Республики.

Руслан Умаев (1961). Родился в с. Борагангенчу Хасавюртовского района ДАССР. Окончил юридический факультет Дагестанского государственного университета им. В.И. Ленина в 1983 году по специальности «правоведение». Работал в следственных подразделениях МВД Республики Дагестан на различных должностях. Пишет стихи с конца 70-х годов, имеет публикации в различных периодических изданиях республики. Участник республиканского совещания молодых литераторов 80-х годов, литературного объединения «Родник» при Дагестанском обкоме ВЛКСМ. В настоящее время работает в Адвокатской палате Республики Дагестан.

Малика Хамидова (1958). Родилась в с. Бено-Юрт Надтеречного р-на ЧИАССР. В 1978 г. окончила среднюю школу и в том же году поступила в медицинское училище г. Грозного (фельдшерское отделение), которое окончила с отличием. Направлена на работу в качестве заведующего ФАПом в с. Зибер-Юрт. В 1980-1987 гг. работала фельдшером скорой помощи в районных станциях СМП. В 1989 г. окончила Горно-Алтайский технологический техникум БОН, специальность – автоматизация отрасли. Окончила Московские курсы стенографии, работала стенографистом в городе Новый Узень. В 2005 г. окончила Международные курсы по детским болезням. В настоящее время работает в Знаменской станции СМИ.

Вахит Акаев (1952). Ученый, доктор философских наук. Родился в г. Ленгер Казахской ССР. В 1973 году окончил физико-математический факультет ЧИГУ. Пишет научные и научно-популярные статьи. В периодической прессе публикуется с 1974 года (в газете «Грозненский рабочий», «Вести республики», «Столица плюс», «Молодежная смена», а также в журналах «Нана», «Вайнах», «Конфликтология» (Санкт-Петербург), «Азия и Африка сегодня», «Кавказское обозрение» и др.). Автор нескольких научных монографий («Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение», Грозный, 1994 г., «Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе», Ростов-на-Дону, 2004 г., «Национальная идея чеченцев: от постановки до разработки», Грозный, 2007 г., «Ислам в Чеченской Республике», М., 2008 г. и др.).

Абдулла Арсанукаев. Родился в 1939 году в с. Алхан-Юрт Урус-Мартановского района. Окончил историко-филологический факультет Чечено-Ингушского пединститута в 1957 году. Директор Института проблем образования Министерства образования и науки ЧР. Член-корреспондент Российской академии естественных наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 80-ти опубликованных работ, в том числе 14 книг: монографий, учебников, методических пособий, программ.

Саламбек Алиев (1977). Студент отделения журналистики ЧГУ. Пишет в жанрах прозы и публицистики. Публикации – в журнале «Вайнах», в газете «Грозненский рабочий» (ЧР) и в интернет-журнале «Пролог» (Москва). Участник IV Совещания молодых писателей Северного Кавказа (Цей, 2011).